

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

**Мировые войны XX века
в истории Дальнего Востока России**

**Владивосток
2015**

*Коллектив авторов книги благодарит
В.И. Слабнина, директора компании «Стройкомплекс-ДВ»,
за финансовую поддержку*

«СТРОЙКОМПЛЕКС-ДВ»

ОКАЗЫВАЕТ СТРОИТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ

1. Все виды строительства (под ключ).
2. Услуги строительной техники.
3. Услуги генерального подрядчика.
4. Составление смет.

**ООО «Стройкомплекс-ДВ»
690014, г. Владивосток,
Проспект Красного Знамени, 66-б.
Тел./факс (423) 2-44-69-71**

Семенов Сергей Евгеньевич
Курс Директор PADI

водолазный центр *DivePrim*

ДАЙВИНГ

- Обучение дайвингу с выдачей международного сертификата PADI
- Продажа снаряжения для дайвинга и подводной охоты
- Организация Дайвинг туров по всему Миру
- Организация подводных экскурсий

WWW.DIVEPRIM.RU тел.: (4232) 51-99-59
e-mail: 519959@mail.ru ул. Кирова, 25 «А» 711-775

Общество с ограниченной ответственностью «Звезда-Эм» является официальным дистрибьютором японского химического концерна RockPaint в России.

Компания «Звезда-Эм» поставляет материалы для кузовного ремонта **RockPaint**, **3M**, **KCI**, покрасочное оборудование и инструменты **WALMEC**, **PIA**, **Solary**, окрасочно-сушильные камеры **SAGAMI**, окрасочно-сушильные камеры и зоны подготовки **AUSEN**, стенды для правки кузовов Maxima, различное оборудование **Festool** и многое другое.

Для всех типов авторемонтных предприятий ООО «Звезда-Эм» предлагает лаборатории по подбору автоэмалей **RockPaint**, различное оборудование, а также оказывает помощь в проектировании и поддержке организации кузовных цехов.

ООО «Звезда-Эм» проводит обучение и семинары для колористов, автомалюров и кузовщиков на базе собственных учебных центров России и Японии. Всё это даёт возможность нашим клиентам достигать отличных результатов.

Целью нашей работы является расширение дилерской сети по всей стране и признание японского качества в западных регионах.

Federal State Budget Establishment of Science
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

LOOKING AT THE PAST

World wars of the 20th c. in the history of
the Far East of Russia

Vladivostok
2015

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук**

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России

Владивосток
2015

УДК: 947.084 “19” (571.6)

Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Монография / под ред. д-ра ист. наук, профессора Л.И. Галлямовой. — Владивосток: ДВО РАН, 2015. — 292 с.

В исследовании на основе новых архивных материалов авторы освещают вопросы социально-экономического и политического положения Восточной Азии в период мировых войн. Содержащиеся в коллективной монографии разделы объединены общим методологическим подходом. Особое внимание уделено анализу военно-стратегического положения Дальнего Востока России в указанный период.

Книга предназначена для историков, аспирантов и студентов, читателей, интересующихся историей региона.

Ключевые слова. Первая мировая война, Вторая мировая война, российско-китайские отношения, Маньчжурия, КВЖД, российская эмиграция, казачество, Дальний Восток России, промышленность, торговля, образование, общественные отношения, уровень жизни.

Looking at the past: World wars of the 20th c. in the history of the Far East of Russia. Monograph / ed. by Dr. of History, Professor L.I. Galliamova. — Vladivostok: FEB RAS, 2015. 300 p.

Basing on new archive materials the authors elucidate problems of socio-economic and political development in East Asia in the period of world wars. Sections of the collective monograph are united by the general methodological approach. Special attention is given to the analysis of military strategic situation in the Far East of Russia at this period.

Key words. World war I, Second world war II, Russian-Chinese relations, Manchuria, Chinese Eastern Railway, Russian emigration, the Cossacks, Far East of Russia, industry, trade, education, social relations, level of life.

ISBN 978-5-918-092-1

Редколлегия

Л.А. Слабнина, канд. ист. наук (отв. ред.)

О.А. Устюгова, канд. ист. наук

Рецензенты

Е.Ю. Бондаренко, д-р ист. наук

В.Н. Чернавская, канд. ист. наук

Утверждено к печати Учёным советом

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук

ISBN 978-5-918-092-1

© ИИАЭ ДВО РАН, 2015

*70-летию Победы
советского народа
в Великой Отечественной
войне
посвящается*

*TO THE 70th ANNIVERSARY
OF THE VICTORY
OF THE SOVIET PEOPLE
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR
IS DEDICATED*

Раздел I. ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ И ОБОРОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

УДК: 947.083.76(571.61/62)

Р.С. Авилов

R.S. Avilov

Приамурский военный округ в годы Первой мировой войны: войска и оборонительные задачи*

Исследуется история Приамурского военного округа и дислоцировавшихся на его территории войск в годы Первой мировой войны. С началом войны большая часть расположенных в округе полевых войск была отправлена на фронт, а на замену им на российский Дальний Восток начали прибывать ополченские дружины. Несмотря на удалённость от театра военных действий, округ имел огромное значение как центр подготовки отправляемых на фронт нижних чинов и крупнейший транспортный центр Российской империи, через который шли военные поставки от стран-союзников по Антанте.

Ключевые слова: Приамурский военный округ, Дальний Восток России, русская армия, Первая мировая война, Государственное ополчение.

Priamurskiy Military District in the time of the World War I: troops and tasks

The article examines the history of the Priamurskiy Military district and the forces which were located in it in the time of World War I. After the outbreak of hostilities the main part of the field forces being situated in this military district were rushed up to the front, and the Home Guard troops arrived to the Russian Far East for them to replace. Despite the great distance from the theatre of operations, the military district was of significant importance as a conscript's training center and as the biggest transport center of the Russian Empire where through the military supplies from the Entente countries were sent.

Key words: Priamurskiy Military District, Russian Far East, Russian Army, World War I, Home Guard.

Для Российской империи война началась при относительно благоприятных внешнеполитических условиях, одним из которых было выступление Японии на стороне стран Антанты 10 (23) августа 1914 г.^{**} [17, с. 269—270]. Последнее обезопасило дальневосточные рубежи империи, сделало возможным переброску на Европейский театр военных действий почти всех сибирских и дальневосточных войск. В Приамурском военном округе общая мобилизация была объявлена 15 сентября 1914 г. [11, с. 110]. Она застала многие части не в местах постоянной дислокации, а в лагерях, где те находились в период лагерных сборов. Однако проведена она была в целом удачно, хотя и не без мелких накладок.

* Исследование подготовлено при поддержке гранта Президиума ДВО РАН. Проект № 15-II-9-002.

** Все даты даны по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю. В отдельных случаях в скобках также указана дата по григорианскому календарю, т.е. по новому стилю.

Важно отметить, что мобилизация врачей в округе началась значительно раньше*. 18 июля 1914 г. Командующий войсками округа генерал от инфантерии П.А. Лечицкий направил военному губернатору Приморской области телеграмму, в которой сообщал, что было Высочайше повелено призвать по мобилизации из ополчения первого разряда медицинских и ветеринарных врачей, а также зауряд-врачей. Лечицкий приказал немедленно отдать все необходимые распоряжения, а призванным — прибыть в Хабаровск в распоряжение соответствующих военно-окружных управлений. Первым днём мобилизации для них считалось 19 июля [23, с. 76—77].

Вскоре после этого, 24 июля 1914 г. в Хабаровске получили телеграмму из Главного Управления Генерального Штаба, на основании которой 26 июля отдали Приказ войскам Приамурского военного округа № 515, которым были задержаны на службе все нижние чины, чьи сроки действительной службы завершались к 15 августа текущего года [11, с. 108].

1 сентября 1914 г. последовал «именной Высочайший указ Правительствующему Сенату о мобилизации в Амурской и Приморской области». По нему, «признавая необходимым привести на военное положение и усилить некоторые части армии», следовало на указанных территориях призвать на действительную службу нижних чинов запаса, в рамках военно-конской повинности поставить лошадей, повозки и упряжь в части войск, управления и учреждения. Надлежало также вызвать со льгот казаков Амурского и Уссурийского казачьих войск в числе, необходимом для укомплектования казачьих частей. Время призыва и поставок, а также районы и объёмы последних, определялись военным министром по согласованию с министром внутренних дел [23, с. 80—81].

Исполнение указа не заставило себя ждать. Например, 13 сентября Временно Командующий войсками округа генерал-лейтенант С.С. Саввич направил телеграмму о начале мобилизации Благовещенскому городскому

* Вопросы военно-медицинского обеспечения войск Приамурского военного округа в годы Первой мировой войны в статье рассматриваться не будут.

голове. В ней указывалось, что «Высочайше повелено призвать нижних чинов запаса армии, поставить лошадей, повозки и упряжь для приведения на военное положение некоторых частей Приамурского военного округа, согласно измененного мобилизационного росписания 1910 г. Ратники ополчения всех разрядов призыву не подлежат. Первым днём мобилизации считать пятнадцатое сентября» [23, с. 81—82].

На начало Первой мировой войны (по официальным данным на 1 сентября 1914 г.) в Приамурском военном округе дислоцировались три армейских корпуса, а также значительное количество частей, в них не вошедших:

1-й Сибирский армейский корпус — 1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии (16 батальонов каждая), 1-й Сибирский сапёрный батальон, 1-й Сибирский понтонный батальон, 1-я Сибирская искровая рота, Южно-Уссурийская кадровая обозная рота, Уссурийская конная бригада (6 эскадронов, 9 сотен), 1-я и 2-я Сибирские стрелковые артиллерийские бригады (по 64 орудия и 2 парка в каждой), 1-й конно-горный артиллерийский дивизион (12 орудий), 1-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион (12 орудий и 1 парк), 2-й Сибирский тяжёлый артиллерийский дивизион (12 орудий и 1 парк), два конно-горных артиллерийских парка и один Сибирский осадный инженерный парк;

4-й Сибирский армейский корпус — 3-я и 9-я Сибирские стрелковые дивизии (16 батальонов каждая), 6-й Сибирский сапёрный батальон, 3-я и 9-я Сибирские стрелковые артиллерийские бригады (46 орудий, 3 парка и 64 орудия и 2 парка, соответственно), 4-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион (12 орудий и 1 парк);

5-й Сибирский армейский корпус — 6-я и 10-я Сибирские стрелковые дивизии (16 батальонов каждая), 3-й и 7-й Сибирские сапёрные батальоны, Амурский казачий полк (4 сотни), 6-я и 10-я Сибирские стрелковые артиллерийские бригады (по 64 орудия и 2 парка в каждой), 5-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион (12 орудий и 1 парк).

В состав корпусов не вошли:

артиллерийские части — 1-я и 2-я бригады Владивостокской крепостной артиллерии (12 батальонов), Николаевская крепостная артиллерия (2 роты);

инженерные войска — Владивостокская отдельная крепостная сапёрная бригада (Владивостокский крепостной сапёрный батальон, Владивостокский крепостной минный батальон, Владивостокская крепостная военно-телеграфная рота и Владивостокская крепостная военно-голубиная станция), Николаевская сапёрная рота, Амурская минная рота, Николаевский крепостной военный телеграф, Харбинская и Хабаровская искровые станции, Владивостокская и Николаевская-на-Амуре крепостные искровые станции;

воздухоплавательные части — Сибирская воздухоплавательная рота и Владивостокская крепостная воздухоплавательная рота;

железнодорожные войска — 2-й Сибирский железнодорожный батальон; а также Анучинская дисциплинарная рота и временно командированные в округ и направленные на усиление дислоцировавшихся здесь частей: 6-я и 7-я роты Либавской крепостной артиллерии, 5-я и 6-я батареи Варшавской крепостной артиллерии, а также 3-я рота Ломжинской крепостной артиллерии.

Всего на территории округа находилось: 118 батальонов, 12 рот, 6 эскадронов, 13 сотен, 426 орудий (не считая артиллерии Владивостокской крепости), 19 артиллерийских парков, 1 осадный инженерный парк, 1 крепостной военный телеграф, 1 военно-голубиная станция и 4 искровых станции [24, с. 399—402; подробнее см.: 1, с. 35—54].

Списочный состав нижних чинов и офицеров в округе составлял по данным на 1 января 1911 г. — 100 321 и 3044 чел., на 1 января 1912 г. — 126 271 и 3038 чел. соответственно [13, с. 324, 341].

Большую часть полевых войск Приамурского военного округа (1-й, 4-й и 5-й Сибирские армейские корпуса), отправили на фронт сразу по окончании мобилизационных мероприятий, т.е. уже осенью 1914 г. Причём, как это всегда бывает в России, по ходу несколько раз меняли подчинение некото-

рых частей, соединений и должностных лиц. Например, 22 августа 1914 г. Уссурийская конная бригада, Южно-Уссурийская кадровая обозная рота и Сибирский осадный инженерный парк были временно включены в состав 5-го Сибирского армейского корпуса, а Никольск-Уссурийский воинский начальник подчинён начальнику Уссурийской конной бригады, как начальнику местной бригады [28, Приказ № 583 от 22 августа 1914 г.]. Впоследствии систему подчинения опять изменили, поскольку корпус и бригада отправились на фронт практически сразу, а Южно-Уссурийская кадровая обозная рота осталась и ещё 20 апреля 1915 г. находилась в округе с формулировкой «подлежит отправлению на театр войны», а должность Никольск-Уссурийского воинского начальника упразднили уже после развала империи.

Такая переброска войск допускалась довоенными мобилизационными планами при наличии благоприятной внешнеполитической обстановки на дальневосточных границах империи. Иными словами, в случае полной уверенности, что Япония не начнет новую войну против России. Однако на российском Дальнем Востоке такая уверенность была далеко не у всех и перспектива практически полного оголения Приамурского военного округа вызвала серьёзное беспокойство многих служивших в нём генералов, например, коменданта Владивостокской крепости генерал-лейтенанта С.С. Саввича, ведь в результате отправки на фронт из Владивостока 4-го Сибирского армейского корпуса, полевых войск в крепости не оставалось. Это делало её практически беззащитной в случае внезапного нападения серьёзного противника. Генерал-квартирмейстеру Главного Управления Генерального Штаба Н.А. Монкевицу пришлось 3 августа 1914 г. специально послать ему зашифрованную успокоительную телеграмму, суть которой сводилась к тому, что Япония в данный момент относится к России дружественно и ожидать от неё военной интервенции в Приморье не приходится [21, с. 19].

После отправки на фронт трёх корпусов в округе остались лишь несколько задержанных по стратегическим соображениям полевых частей, развёрнутые по военному времени части Амурского и Уссурийского казачьих

войск, а также караульные команды от некоторых частей, предназначенные для охраны оставленных казарм и имущества: полкового, батареинового, дивизионного и т.д. Во Владивостокской крепости, кроме того, остались кадровые крепостные части (артиллеристы, сапёры, связисты).

Переброска частей и соединений происходила в целом удачно, хотя без мелких эксцессов не обошлось. Так, начальник эшелона № 10521 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады капитан Цигр, следуя с эшелоном в Действующую армию через Маньчжурию, купил там 20 ящиков байхового чая, который погрузил в один из вагонов воинского поезда, намереваясь провезти его через границу, чтобы избежать оплаты чая пошлиной. 14 октября, когда эшелон прибыл на ст. Маньчжурия, чай был обнаружен чинами Маньчжурской таможни.

«По обнаружении чая Капитан Цигр заявил, что найденный чай он купил частями в Харбине и Маньчжурии исключительно для нужд нижних чинов, вверенного ему эшелона и, полагая, что таковой для них можно провезти беспошлинно, таможне об этом ничего не заявил. На предложение уплатить за чай пошлину — Капитан Цигр не согласился и заявил, что желает оставить чай в Маньчжурии» [27, Приказ № 765 от 25 октября 1914 г.].

Когда об этом было доложено Временно Командующему войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанту С.С. Саввичу, последний отдал приказ: «Признавая поступок Капитана Цигр незаконным, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что Капитан Цигр совершил его являясь в роли Начальника эшелона, долженствуя подавать пример своим подчинённым и быть блюстителем порядка и исполнения закона, объявляю Капитану Цигр выговор» [27, Приказ № 765 от 25 октября 1914 г.].

Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), с её Уссурийским отделением и всей полосой отчуждения, была объявлена на военном положении ещё 6 сентября 1914 г., а Командующему войсками Приамурского военного округа были предоставлены на этих территориях права Главнокомандующего [28, Приказ № 643 от 12 сентября 1914 г.]. Как и в Русско-японскую

войну 1904—1905 гг., были выставлены специальные караулы для охраны мостов, тоннелей и других стратегически важных объектов железной дороги. Вначале для этой цели командировали отряды нижних чинов от оставшихся на территории округа частей [28, Приказы № 663 и 664 от 21 сентября 1914 г.], а в дальнейшем начали использовать и ополченцев.

Вместе с регулярными частями изъявила желание отправиться на фронт и большая часть офицерства, занимавшего различные командные и административные должности в окружном управлении. Началась столь нежелательная в военное время усиленная ротация кадров, затронувшая даже должность Командующего войсками Приамурского военного округа. На момент начала войны её занимал генерал от инфантерии Платон Алексеевич Лечицкий, который сделал всё возможное, чтобы как можно быстрее отправиться на театр военных действий. 30 июля 1914 г. он сообщал в приказе войскам Приамурского военного округа, что ему Высочайше повелено немедленно прибыть в Петербург, куда он в этот же день и уехал со своим личным адъютантом подполковником бароном фон-Древиц. По его приказу во временное исполнение обязанностей Командующего войсками округа должен был вступить командир 5-го Сибирского армейского корпуса генерал от инфантерии Леонтий Леонтьевич Сидорин.

В своём прощальном приказе П.А. Лечицкий писал: «Расставаясь с войсками ВЫСОЧАЙШЕ вверенного мне округа и не рассчитывая, в виду предстоящих событий, вернуться обратно в округ, чувствую сердечное желание выразить всем войскам, штабам, управлениям, учреждениям и заведениям округа мою сердечную благодарность за отличную их службу и работу за время почти 4-х летнего моего командования войсками округа.

Сердечно благодарю моих ближайших помощников: командиров корпусов и комендантов крепостей, начальников дивизий, Начальника штаба округа, всех начальников военно-окружных управлений, директора Хабаровского кадетского корпуса, Начальника Амурской речной флотилии, а также всех генералов, штаб- и обер-офицеров, врачей, военных чиновников и военное духовенство.

Молодцам нижним чинам объявляю моё сердечное спасибо за их отличную службу, желаю им успеха на пользу НАШЕГО ОБОЖАЕМОГО ВОЖДЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И РОДИНЫ» [28, Приказ № 519 от 30 июля 1914 г.].

Предчувствие генерала не обмануло. 9 августа 1914 г. он был назначен командующим 9-й армией, действовавшей на левом фланге Юго-Западного фронта, и в Приамурский военный округ уже не вернулся [6, с. 353], хотя и посылал периодически его войскам «сердечный привет» с театра военных действий (первый — 27 августа 1914 г.) [28, Приказ № 587 от 30 августа 1914 г.].

Сидорин принял должность 31 июля 1914 г. [28, Приказ № 523 от 31 июля 1914 г.]. Однако уже 11 сентября 1914 г. во временное командование войсками Приамурского военного округа вступил комендант Владивостокской крепости и командир 4-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Сергей Сергеевич Саввич* [27, Приказ № 642 от 11 сентября 1914 г.], который и сам собирался отправиться на войну в самое ближайшее время. Выехал он 25 ноября 1914 г. отдав напоследок приказ, вступить во временное командование войсками округа Начальнику артиллерии округа генерал-лейтенанту Дмитрию Дмитриевичу Крылову [28, Приказ № 848 от 25 ноября 1914 г.], который и вступил в исполнение этой должности уже на следующий день [27, Приказ № 842 от 26 ноября 1914 г.]. Характерно, что шедшее через столицу официальное делопроизводство просто не успевало за стремительно меняющейся обстановкой, и производившие все назначения *de jure* «Высочайшие приказы» несколько запаздывали относительно реального положения дел на месте. Так, подписанный Д.Д. Крыловым Приказ войскам Приамурского военного округа от 5 декабря 1914 г. информировал, что «Высочайшим приказом 10-го ноября сего года числящийся по Генеральному

* В литературе встречаются два варианта написания фамилии этого человека: «Савич» и «Саввич». В данной статье используется второй вариант, поскольку именно он применялся самим Сергеем Сергеевичем в отдаваемых им приказах войскам Приамурского военного округа. [27, Приказ № 642 от 11 сентября 1914 г.].

штабу Временно Командующий войсками Приамурского военного округа и Войсковой Наказной Атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск, Комендант Владивостокской крепости и командир 4-го Сибирского армейского корпуса, Генерал-Лейтенант Саввич отчислен от первых трёх должностей.

Тем же приказом, числящийся по гвардейской артиллерии, временно Командующий войсками Иркутского военного округа и Войсковой Наказной атаман Забайкальского казачьего войска, Генерал-от-Артиллерии Нищенко назначен временно Командующим войсками Приамурского военного округа и Войсковым Наказным Атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск» [27, Приказ № 872 от 5 декабря 1914 г.]. Аркадий Никанорович Нищенко прибыл в Хабаровск и вступил в должность 18 декабря 1914 г. [28, Приказ № 906 от 18 декабря 1914 г.]. Занимал он её до конца мая 1917 г.

На следующий день по прибытии он осмотрел помещение Окружного штаба с состоящей при штабе командой нижних чинов и познакомился с личным составом. Впечатления остались противоречивые. Они во многом определили характер и методы его работы на новой должности на протяжении всей войны: «Помещение содержится в должном порядке; нижние чины размещены удобно; виден внутренний порядок.

При посещении мною караульного помещения при Окружном Штабе караул был от 274 пешей Казанской дружины. Караульный Начальник не умел рапортовать, не ознакомился с находящейся в караульном помещении инструкцией и не знал, что делать и куда обращаться в случае тревоги. Ни у караула, ни в караульном помещении не было устава гарнизонной службы, между тем на столе валялись какие-то книжки для чтения... Один из хранящихся в караульном помещении слепков печати был засвидетельствован ещё несколько лет тому назад прежним комендантом» [28, Приказ № 911 от 20 декабря 1914 г.].

Подобное катастрофическое состояние караула, заставило нового Временно Командующего войсками не только напомнить, что «слепки следует возобновлять ежегодно», и приказать командиру 274-й пешей Казанской дружины «принять меры к тому, чтобы нижние чины, заступая в караулы,

обстоятельно знакомились с своими обязанностями» [28, Приказ № 911 от 20 декабря 1914 г.], но и обратить самое серьёзное внимание на все находящиеся в его округе ополченские части.

Последние начали прибывать в округ ещё в ноябре 1914 г. взамен отправленных на фронт частей и соединений полевых войск. 24 ноября 1914 г. генерал-лейтенант С.С. Саввич, исполнявший тогда должность Временно Командующего войсками Приамурского военного округа, приказал прибывающую в пределы округа 46-ю бригаду Государственного ополчения «расквартировать временно, до прибытия прочих частей ополчения» следующим образом: управление бригады — в г. Никольск-Уссурийский, 271-ю дружину — на Черняевской ветке Средне-Амурской железной дороги, 272-ю — в г. Никольск-Уссурийский, 273-ю и 274-ю — в г. Хабаровск, 275-ю — штаб дружины и две роты — в урочище Раздольное и по одной роте в сёлах Спасское и Шкотово, 276-ю — в г. Никольск-Уссурийский [27, Приказ № 839 от 24 ноября 1914 г.].

К середине декабря в округ прибыли три бригады Государственного ополчения (46-я, 49-я и 51-я — каждая в составе 6 дружин и 1 сапёрной полуроты), дислокация которых на территории округа и система подчинения были определены Приказом войскам Приамурского военного округа № 899 (отданный ранее Приказ № 839 отменялся).

Управление 46-й бригады разместили в г. Никольск-Уссурийский, входившие в ее состав пешие Казанские дружины: 271-ю — на Черняевской ветке Средне-Амурской железной дороги, 272-ю — в с. Раздольное, 273-ю — г. Никольск-Уссурийский, 274-ю — г. Хабаровск, 275-ю — с. Шкотово, 276-ю — с. Спасское, а 46-ю сапёрную полуроту — в г. Никольск-Уссурийский.

Управление 49-й бригады тоже разместили в г. Никольск-Уссурийский, входившие в её состав пешие Пермские дружины: 289-ю, 290-ю, 291-ю, 292-ю — в г. Никольск-Уссурийский, 293-ю и 294-ю — в крепости Владивосток, а 49-ю сапёрную полуроту — в г. Никольск-Уссурийский.

Управление 51-й бригады разместили в г. Благовещенск, входившие в её состав пешие Вятские дружины: 301-ю, 302-ю, 303-ю —

в г. Благовещенск, 304-ю — рота на Имане, рота на Красной Речке и две роты — в г. Хабаровск, 305-ю — в г. Хабаровск, 306-ю — в с. Спасское. 51-я сапёрная полурота — в г. Благовещенск [28, Приказ № 899 от 15 декабря 1914 г.].

Впрочем, уже через полторы недели, 24 декабря 1914 г., в округе была получена телеграмма из Главного Управления Генерального Штаба № 14248, в соответствии с которой Управление, а также 291-я, 292-я, 293-я и 294-я дружины 49-й ополченской бригады выбыли 17 декабря 1914 г. из состава войск округа. Оставленные в составе округа 289-я и 290-я дружины этой бригады и 49-я сапёрная ополченская полурота были подчинены Начальнику 46-й ополченской бригады* [27, Приказ № 921 от 24 декабря 1914 г.].

Параллельно шёл процесс изменения системы подчинения некоторых оставшихся в округе частей. Ещё 11 ноября 1914 г. Управления Хабаровского, Никольск-Уссурийского и Амурского воинских начальников, а также Хабаровская, Владивостокская и Благовещенская конвойные команды, на время военных действий, были подчинены, на правах Начальника местной бригады, Окружному Дежурному Генералу штаба Приамурского военного округа [28, Приказ № 808 от 11 ноября 1914 г.].

Тогда же Сводный батальон 40-го Сибирского стрелкового полка и караульные команды, оставленные в Хабаровске для охраны зданий и имущества 22-го, 23-го и 24-го Сибирских стрелковых полков, 2-го дивизиона 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и Уссурийского казачьего полка, были подчинены командиру 39-го Сибирского стрелкового полка.

Прочие караульные команды, оставленные для указанных выше целей выбывшими из округа войсковыми частями, были подчинены: в Никольске-Уссурийском, Раздольном, Барабаше и Шкотово — командиру 36-го Сибирского стрелкового полка, в с. Спасское — командиру Сибирской воздухоплавательной роты, в «Штабе Графа Муравьёва-Амурского» — командиру 3-й особой Уссурийской сотни, в урочищах Новокиевском, Зайсановке и посту

* В статье Т.Я. Иконниковой ошибочно указано, что выбыли лишь три дружины: 291-я, 292-я и 293-я [12, с. 35].

Посыет — командиру 2-го Амурского казачьего полка, в Гродеково — начальнику Гродековского участка Уссурийской железной дороги [28, Приказ № 809 от 11 ноября 1914 г.].

6 декабря 1914 г. И.д. Временно Командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант Д.Д. Крылов отдал приказ о подчинении Южно-Уссурийской отдельной обозной кадровой роты «на правах Начальника дивизии Окружному Дежурному Генералу Штаба округа» [27, Приказ № 874 от 6 декабря 1914 г.]. В конце декабря этого же года 46-я и 51-я ополченские бригады были сведены в 8-й ополченский корпус, управление которого было сформировано в Хабаровске к 24 декабря 1914 г. [26, Приказ № 17 от 20 января 1915 г.].

31 декабря 1914 г. Временно Командующий войсками округа генерал от артиллерии А.Н. Нищенков изменил, в соответствии с текущей обстановкой, распоряжения, отданные ранее в Приказе войскам Приамурского военного округа № 809. В результате была установлена новая система подчинения находящихся в Приамурском военном округе военных частей.

В г. Хабаровск подчиняются начальнику Штаба 8-го ополченского корпуса, на правах начальника дивизии, следующие части:

1) сводные батальоны молодых солдат 39-го и 40-го Сибирских стрелковых полков, с обучающими их кадрами;

2) караульные команды 22-го, 23-го, 24-го и 39-го Сибирских стрелковых полков, вторых дивизионов 6-й и 10-й Сибирских стрелковых артиллерийских бригад и Уссурийского казачьего полка. Кроме того эти караульные команды, на правах командиров отдельных частей, подчиняются:

а) 22-го и 39-го Сибирских стрелковых полков и 2-го дивизиона 10-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады — командующему сводным батальоном молодых солдат 39-го Сибирского стрелкового полка;

б) 23-го Сибирского стрелкового полка — командиру 274-й пешей Казанской ополченской дружины;

в) 24-го Сибирского стрелкового полка — командиру 305-й пешей Вятской ополченской дружины;

г) 2-го дивизиона 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады — командиру 304-й пешей Вятской ополченской дружины;

д) Уссурийского казачьего полка — командиру 1-й особой сотни Уссурийского казачьего войска.

Расположенные в Штабе Графа Муравьёва-Амурского караульные команды подчиняются, на правах начальника дивизии, начальнику штаба 46-й ополченской бригады, а на правах командира отдельной части — командиру 3-й особой сотни Уссурийского казачьего войска.

В г. Благовещенск подчиняются начальнику 51-й ополченской бригады, на правах начальника дивизии, следующие части:

1) сводные батальоны молодых солдат 37-го и 38-го Сибирских стрелковых полков, с обучающими их кадрами;

2) караульные команды 10-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и Амурского казачьего полка;

3) горный артиллерийский парк 10-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

Причём указанные караульные команды на правах командира отдельной части подчинялись Амурскому Воинскому Начальнику.

Далее, начальнику 46-й ополченской бригады, на правах начальника дивизии, были подчинены караульные команды, оставленные выбывшими из округа войсковыми частями в: г. Никольск-Уссурийский, с. Раздольное, с. Шкотово, с. Спасское, урочищах Новокиевское и Зайсановка, п. Посъет, урочищах Славянка и Барабаш и станции Гродеково. Эти же караульные команды, на правах командиров отдельных частей, подчинялись: в Никольске-Уссурийском — командиру 290-й пешей Пермской дружины, Раздольном — командиру 272-й пешей Казанской ополченской дружины, Шкотово — командиру 275-й пешей Казанской ополченской дружины, Спасском — командиру 306-й Вятской ополченской дружины, а в урочищах: Новокиевском, Зайсановке, Посъете, Славянке и Барабаше — командиру 2-го Амурского казачьего полка [27, Приказ № 928 от 31 декабря 1914 г.].

В дальнейшем, на протяжении всей Первой мировой войны, подчинение караульных команд периодически корректировалось в зависимости от текущей ситуации в округе. Например, 17 апреля 1915 г. караульные команды, расположенные в г. Хабаровск: 39-го Сибирского стрелкового полка, 2-го дивизиона 10-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и Уссурийского казачьего полка были подчинены, на правах командира отдельной части, командиру 724-й пешей Пензенской дружины, а команда 22-го Сибирского стрелкового полка — командиру 274-й пешей Казанской дружины. Все караульные команды, расположенные в «Штабе Графа Муравьева-Амурского», подчинили, на правах командира отдельной части, командиру 304-й пешей Вятской дружины, а на правах начальника дивизии — начальнику штаба 8-го ополченного корпуса [26, Приказ № 168 от 17 апреля 1915 г.].

26 июня 1915 г. был установлен новый порядок подчинения караульных команд Владивостокского гарнизона: на правах Командира отдельной части караульные команды 9-го и 10-го Сибирских стрелковых полков подчинялись командиру 1-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, 11-го Сибирского стрелкового полка — командиру 4-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, 12-го Сибирского стрелкового полка — командиру 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона — командиру 4-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, 33-го, 34-го, 35-го и 36-го Сибирских стрелковых полков, 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, 9-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона — командиру 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, 4-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона — командиру 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка.

На правах начальника дивизии, все эти команды, подчинили начальнику Владивостокской крепостной артиллерии.

Караульные команды инженерных частей были подчинены: 6-го Сибирского сапёрного батальона, крепостной воздухоплавательной роты, крепостного авиационного отряда, на правах командира отдельной части, командиру крепостной военно-телеграфной роты, а Владивостокского крепостного сапёрного батальона — командиру Владивостокского минного батальона. Команды инженерных частей, на правах начальника дивизии, начальнику Владивостокской крепостной сапёрной бригады [26, Приказ № 322 от 26 июня 1915 г.]

6 июля 1915 г. начальнику 106-й бригады Государственного ополчения были подчинены: дислоцировавшиеся в г. Хабаровск пешие дружины 274-я Казанская, 304-я Вятская, 724-я Пензенская и 730-я Оренбургская; в с. Спасское — 276-я Казанская, 306-я Вятская и 727-я Самарская; на Красной Речке — 305-я Вятская; коменданту Николаевской-на-Амуре крепости — находившаяся там 725-я пешая Пензенская дружина [26, Приказ № 362 от 6 июля 1915 г.]

18 сентября 1915 г. все караульные команды, расположенные в Штабе Графа Муравьёва-Амурского, были подчинены, на правах командира отдельной части, командиру 724-й пешей Пензенской дружины [26, Приказ № 486 от 18 сентября 1915 г.]. Затем 24 сентября все караульные команды, расквартированные в с. Спасское, были подчинены, на правах начальника дивизии, начальнику 106-й бригады Государственного ополчения, а все команды, расположенные в урочище Новокиевское, Зайсановке, Посьете, Славянке и Барабаше, «в виду отдалённости названных пунктов от места квартирования Начальника 46-й ополченской бригады», подчинены на правах начальника дивизии, начальнику Владивостокской крепостной сапёрной бригады [26, Приказ № 507 от 24 сентября 1915 г.]. 12 октября караульные команды 37-го и 38-го Сибирских стрелковых полков были подчинены, на правах командира отдельной части, начальнику штаба 51-й бригады Государственного ополчения [26, Приказ № 533 от 12 октября 1915 г.].

30 августа 1916 г., «в изменение приказа войскам округа, от 31 декабря 1914 г. за № 928» все караульные команды, расположенные в г. Никольск-

Уссурийский, были подчинены, на правах командира отдельной части, командиру 721-й пешей Симбирской дружины [29, Приказ № 422 от 30 августа 1916 г.].

Система подчинения переброшенных в округ ополченских дружин тоже периодически существенно корректировалась. 14 марта 1915 г. А.Н. Нищенков в очередной раз изменил её для некоторых уже находящихся в округе частей Государственного ополчения, а заодно определил места расположения и порядок подчинения ожидавшихся к прибытию частей [26, Приказ № 125 от 14 марта 1915 г.]. В г. Хабаровск находился штаб 8-го ополченского корпуса, начальнику которого напрямую подчинялись дислоцировавшиеся там же пешие дружины: 274-я Казанская, 304-я и 305-я Вятские, 724-я и 725-я Пензенские, 730-я Оренбургская.

В г. Никольск-Уссурийский находилось управление 46-й ополченской бригады, начальнику которой подчинялись дислоцировавшиеся там же пешие дружины: 273-я Казанская, 289-я и 290-я Пермские, 721-я Симбирская, 728-я Самарская, а также 46-я и 49-я сапёрные полуроты. Ему же были подчинены пешие дружины дислоцировавшиеся в Раздольном: 272-я Казанская и 729-я Саратовская; в с. Шкотово — 275-я Казанская; в с. Спасское: 276-я Казанская, 306-я Вятская, 727-я Самарская; в крепости Владивосток: 726-я Пермская.

В г. Благовещенск находилось управление 51-й ополченской бригады, начальнику которой подчинялись дислоцировавшиеся там же пешие дружины: 301-я, 302-я и 303-я Вятские, а также 51-я сапёрная полурота. Ему же подчинялась 271-я пешая Казанская дружина, расположенная на Черняевской ветке Амурской железной дороги.

На правах командира корпуса все дружины подчинялись командиру 8-го ополченского корпуса [26, Ведомость расквартирования частей Государственного ополчения Приамурского военного округа, с указанием порядка их подчинения // Приложение к Приказу № 125 от 14 марта 1915 г.].

К маю 1915 г. в округ прибыли и вошли в состав 8-го ополченского корпуса ещё 721-я Симбирская, а также 727-я и 728-я Самарские пешие дружины [26, Приказ № 205 от 4 мая 1915 г.]. В то же время, 2 мая 1915 г. из состава войск округа выбыли 46-я и 49-я сапёрные ополченские полуроты [26, Приказ № 255 от 19 мая 1915 г.], а 25 мая — выбыла и 51-я сапёрная ополченская полурота [26, Приказ № 280 от 27 мая 1915 г.]. К 27 июня 1915 г. в округе было сформировано управление 106-й бригады Государственного ополчения, уже третьей по счёту [26, Приказ № 354 от 6 июля 1915 г.].

В этом же году, по распоряжению Главного Управления Генерального Штаба (телеграмма от 23 мая за № 15494), дислоцировавшийся в Приамурском военном округе 8-й ополченский корпус впервые получил артиллерию и пулемёты. Всего были сформированы 4 лёгкие подвижные артиллерийские батареи: две для Амурской области (30 марта), подчинённые на правах начальника дивизии начальнику 51-й ополченской бригады и две для Приморской области (10 апреля), подчинённые на правах начальника дивизии начальнику 46-й ополченской бригады.

По тому же штату № 3 ополченской батареи, были сформированы и две лёгкие подвижные батареи для Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (7 мая), причём на момент формирования они были временно подчинены, на правах начальника дивизии, начальнику артиллерии Владивостокской крепости [26, Приказ № 281 от 27 мая 1915 г.].

Несколько позднее были сформированы и приданы ополченским дружинам округа 10 пулемётных взводов: при пеших Казанских дружинах: 272-й — 16 мая, 273-й — 20 июня, 274-й — 21 июня, 275-й — 21 мая, 276-й — 3 июня; при пеших Пермских дружинах: 289-й — 10 августа, 290-й — 12 августа; пеших Вятских дружинах: — 301-й — 22 августа, 303-й — 16 июня, 305-й — 22 июня [26, Приказ № 464 от 7 сентября 1915 г.].

7 августа 1915 г. 726-я Пензенская дружина Государственного ополчения и 4-я лёгкая ополченская батарея, расквартированные в крепости Владивосток, были подчинены, на правах начальника дивизии: дружина — начальнику Владивостокской крепостной сапёрной бригады, а батарея — начальни-

ку артиллерии Владивостокской крепости, с оставлением их по-прежнему в составе 8-го ополченского корпуса [26, Приказ № 420 от 7 августа 1915 г.].

Осенью этого же года три дружины были переформированы из четырёхротного в шестиротный состав: 274-я пешая Казанская дружина — 14 октября 1915 г., а 273-я пешая Казанская и 726-я пешая Пензенская дружины — 15 октября 1915 г. [26, Приказ № 587 от 1 ноября 1915 г.]. 8 августа 1916 г. состоявшую при 274-й пешей Казанской дружине пулемётную команду «со всем имуществом и состоящими при ней нижними чинами» передали в 730-ю пешую Оренбургскую дружину [29, Приказ № 378 от 8 августа 1916 г.].

Поскольку некоторые исследователи также включают в состав войск Приамурского военного округа в этот период и части, находившиеся на территории полосы отчуждения КВЖД, что представляется весьма спорным [22, с. 176], отметим, что 10 февраля 1915 г. обе дивизии Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в полном составе были отправлены на фронт, а им на замену из Европейской России прибыли 12 дружин Государственного ополчения, которые вместе с оставшимися от Заамурских конных полков шестью кадровыми сотнями, и приняли на себя охрану КВЖД [18, с. 521—522.].

Параллельно продолжалось развёртывание ряда частей, оставшихся на территории округа с довоенного времени, и отправка некоторых из них на фронт. Так, 6 марта 1915 г. Анучинская дисциплинарная рота была переформирована в Анучинский дисциплинарный батальон [26, Приказ № 164 от 16 апреля 1915 г.]. К концу апреля уже ждал отправки на театр военных действий и 40-й Сибирский стрелковый полк, до этого времени продолжавший оставаться в крепости Николаевск-на-Амуре [26, Приказ № 200 от 26 апреля 1915 г.]. Причём и здесь не обошлось без определённой доли разгильдяйства и, как следствие — скандала. 9 мая 1915 г. Временно Командующий войсками Приамурского военного округа писал: «Ещё в феврале месяце сего года мною было приказано всем довольствуемым управлениям выяснить, непосредственным сношением, чего именно из имущества недостаёт в 40 Сибир-

ском стрелковом полку и доложить мне как о недостатках, так и о способе пополнения их.

В назначенный срок это сделано и можно было думать, что вопрос вполне выяснен и пополнение недостатков в имуществе названного полка обеспечено.

Между тем, в последнее время, то есть почти накануне выступления в поход, полк заявляет о вновь открытых недостатках; так, из доложенных мне телеграммы Коменданта Николаевска и радиограммы Командира полка, я узнал, что полк не имеет для этапной своей роты отлаженных винтовок, а также в нём недостает значительного числа ружейной принадлежности. Столь позднее заявление о недостающем имуществе препятствует пополнению и показывает, что командир полка проявил малую заботливость в подготовке полка к походу, за что объявляю полковнику **Ярошевичу замечание** (так в документе)» [26, Приказ № 233 от 9 мая 1915 г.].

В ноябре 1915 г. отправился на фронт из урочища Новокиевское и 2-й Амурский казачий полк Амурского казачьего войска [26, Приказ № 613 от 18 ноября 1915 г.], в связи с чем, караульные команды, расквартированные: в урочище Новокиевское, Зайсановке, Посъете, Славянке и Барабаше были переподчинены на правах командира отдельной части, командиру 726-й пешей Пензенской дружины Государственного ополчения [26, Приказ № 643 от 27 ноября 1915 г.]. К декабрю 1915 г. ожидал отправки на фронт и Уссурийский казачий дивизион Уссурийского казачьего войска [26, Приказ № 694 от 23 декабря 1915 г.]. 3-я сотня этого дивизиона «выступила в военный поход» 1 ноября 1916 г. [29, Приказ № 564 от 19 ноября 1916 г.].

Уже в 1914 г. на действительную службу в округе были призваны из запаса 39 620 нижних чинов и 700 офицеров, а также 19 418 новобранцев. В 1915 г. в ратники ополчения призвали 47 000 чел. В целом же, в 1914—1915 гг. в округе на военную службу призвали более 100 000 чел. [11, с. 135; 14, с. 55—57].

Что касается боевых качеств частей и соединений Государственного ополчения, то, в отличие от полевых и крепостных войск, реальной боевой силы они изначально не представляли, да и вероятность их боевого применения до Первой мировой войны считалась минимальной. Однако с уходом из округа регулярных войск именно им предстояло решать целый комплекс важнейших задач. Прежде всего, на их плечи легла задача по охране огромного количества находящихся в округе военных объектов: оставленных войсками казарм, интендантских и артиллерийских складов, гауптвахт, госпиталей и т.д., а также объектов транспортной инфраструктуры (железные и колесные дороги, тоннели, мосты, пристани и т.д.). Вскоре добавилась и новая задача — начали прибывать первые германские и австро-венгерские военнопленные [Подробнее см.: 10].

Сменивший Саввича на должности Временно Командующего войсками Приамурского военного округа А.Н. Нищенков, будучи опытным военным, прекрасно понимал, что для того, чтобы наскоро сформированные ополченские дружины смогли выполнить хотя бы стоящие перед ними в то время, по сути небоевые, задачи и не превратились в источник беспорядков и революционных выступлений, нужно приложить много сил, времени и старания. Поэтому он обратил на них самое серьёзное внимание, занялся инспектированием и разного рода поверками, с последующей отдачей приказов о ликвидации выявленных недочётов. Многие из них были столь банальными, что никогда не могли иметь место в регулярных частях. Параллельно велась работа и с командным составом всех уровней.

Однако успешное обучение ополченских частей происходило лишь в тех случаях, когда их командиром становился человек деятельный и ответственный. Например, пулемётная команда при 272-й пешей Казанской дружине при инспекции в октябре 1915 г. показала себя с лучшей стороны и «с действием пулемётов люди были ознакомлены вполне удовлетворительно», в чём была несомненная заслуга начальника команды зауряд-прапорщика Колмогоркина [26, Приказ № 581 от 30 октября 1915 г.].

Как точно подметила Т.Я. Иконникова, ополченцы обустроивали свой быт с гораздо большим рвением, чем осваивали боевые науки. Осматривавший в декабре 1915 г. казармы 275-й пешей Казанской дружины А.Н. Нищенков, отмечал, что в помещениях, где размещены дружины — порядок, кухни и бани чистые. На стенах казармы 1-й роты «развешаны плакаты: о наших пленных у немцев, о немецких шпионах, о царской заботе о семьях воинов и прочие, но никто, видимо, не знакомил с ними солдат, один из которых сказал, что это расписание занятий» [26, Приказ № 666 от 10 декабря 1915 г.].

Трудности с обучением и боевой подготовкой ополченских дружин были обусловлены целым рядом факторов, как объективных, так и субъективных. К первым следует отнести контингент, призванный ратниками в ополчение. Значительную его часть составляли мужчины Поволжских, Уральских и некоторых других губерний, где был высок процент населения исповадовавшего ислам [12, с. 39], для значительной части которого русский язык был либо не родным, либо не первым родным. Этим же объясняется и периодическое получение А.Н. Нищенковым в ответ на воинское приветствие поклонов всех видов и разновидностей — типично восточного способа приветствия. Призванные в ополчение честно выказывали «начальству» всё положенное уважение, но выражали его так, как привыкли и умели, а не как полагалось по уставу, о котором большинство из них прежде никогда не слышали. К субъективным причинам следует отнести полнейшее нежелание ополченцев, оторванных на длительный срок от семей и хозяйства, нести службу и уж тем более, при необходимости, отправиться на фронт. В силу этого, никакого рвения в обучении и боевой подготовке они не выказывали, а при случае ещё и демонстрировали её полное отсутствие, поскольку доставалось за это, прежде всего не им, а командующим ими офицерам.

Более того, со временем ситуация не только не улучшалась, а наоборот — ухудшалась. Изначально, согласно «Уставу о воинской повинности 1874 г.», с изменениями, внесёнными законом 1912 г., ратники Государст-

венного ополчения делились на два разряда. В 1-ом разряде состояли все, отслужившие действительную службу и службу в запасе (возраст от 39 до 43 лет), и те, кто физически годен, но не был призван на действительную службу по результатам жеребьёвки или был освобождён от неё льготами по семейному положению (2-го и 3-го разрядов). Во 2-ом разряде состояли те, кто по своим физическим данным или по состоянию здоровья не были годны к строевой службе и те, кто имел льготы по семейному положению по 1-му разряду (единственные сыновья в семьях, единственные кормильцы и т.п.). Во время войны из ратников 1-го разряда предполагалось формировать ополченские дружины [5, с. 21—24; 16, с. 41] и ими же должны были пополняться потери действующих войск. Ратников 2-го разряда предполагалось использовать для охраны порядка в тылу, внутри государства, производства строительных работ и т.п., т.е. направлять их непосредственно на фронт для участия в боевых действиях изначально вообще не предполагалось.

Однако потери в новой войне оказались столь большими, что уже через два месяца все ополченцы 1-го разряда, проходившие ранее действительную военную службу, были отправлены в Действующую армию. В результате 9 сентября 1914 г., за подписью Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-мл. была выпущена «Инструкция об организации пополнения убыли в пехоте в Действующих армиях». Она устанавливала порядок, по которому от каждой дружины, сформированной из ополченцев 1-го разряда, через определённый промежуток времени выделялась одна рота, которая и передавалась в запасные батальоны (ополченцы из Приамурского военного округа обычно попадали в запасные батальоны, дислоцировавшиеся на территории Иркутского военного округа) [26, Приказ № 711 от 30 декабря 1915 г.] для более глубокого прохождения курса стрельбы и обучения тактике. Далее эти ополченцы и отправлялись на фронт на пополнение убыли в воюющих частях [20, с. 142—143].

Таким образом, уже с октября 1914 г. предвоенные взгляды на ополчение как на вспомогательные войска изменились с точностью до наоборот, и

ополченские части начали активно использовать в боях наравне с полевыми войсками. Тыловые округа, при необходимости, отдавали фронту как дружины целиком, так и отдельных ратников в составе маршевых рот, сохраняя часть дружин в качестве центра подготовки бойцов внутри страны [20, с. 144].

Однако, по мере того, как война принимала затяжной характер, фронт требовал всё больше и больше людей на пополнение убыли в войсках. В результате произошло то, чего меньше всего ожидали как русские генералы, так и западные союзники по Антанте. В 1915 г. в стране просто начали кончаться люди! Призыв ратников 1-го разряда прекратился по причине их полного исчерпания. 5 сентября 1915 г. государство вынуждено было начать призыв для последующей отправки на фронт ратников ополчения 2-го разряда, т.е. той части мужского населения империи, которая вообще никогда не служила в армии. Причём это потребовало существенной корректировки законодательства, которое пришлось проводить через Государственную Думу. Это вызвало уже скрытое недовольство среди населения, и резкое падение качества как поступающих в войска пополнений, так и самих ополченских дружин. К концу же 1916 г. был близок к исчерпанию и контингент ратников ополчения 2-го разряда [5, с. 72—80, 83—101; 20, с. 148].

В Приамурском военном округе о грядущем призыве ратников 2-го разряда узнали ещё в середине лета 1916 г. В связи с этим, 18 июля, Временно Командующий войсками округа отдал очень показательный, в плане напряжения всех сил империи приказ: «В виду призыва в скором времени ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов и зачислении части их в войска округа, приказываю теперь же организовать дело их обучения с тем, чтобы, по зачислении их в войска, возможно было бы приступить тотчас же к обучению, для чего надлежит: назначить соответствующих офицеров и вполне подготовленных учителей; причём число учителей должно быть назначено с таким расчётом, чтобы обучаемых приходилось не более 10 чел. на каждого учителя.

Назначенным чинам пройти курс положенный для обучения ратников под наблюдением опытных штаб-офицеров и не позже 10 августа начальникам бригад произвести поверку подготовки.

Начальникам ополченских бригад теперь же наметить в лагерях соответствующие помещения, для прибывающих ратников.

Курс обучения должен быть закончен в 4-х недельный срок, руководствуясь прилагаемой при сём программой, а равно и приказами войскам Московского военного округа 1915 года за №№ 22 и 171, разосланными во все войсковые части округа в конце августа месяца минувшего года.

Если по окончании 4-х недельного срока обучения ратники не будут отправлены немедленно из пределов округа, то остающееся время надлежит использовать повторением пройденного, обратив главным образом внимание на отделы: **“Стрелковое дело”**, **“Подготовка бойца”** и **“Сведения из устава гарнизонной службы и из полевого устава о сторожевой службе”** (так в документе)» [29, Приказ № 350 от 18 июля 1916 г.].

Всего этого расчёты мирного времени уже совершенно не предполагали. При общем низком уровне грамотности и гражданского сознания населения, усугублявшегося почти полным непониманием целей и задач войны, а также не всегда разумными и продуманными мерами руководства, подавляющее большинство ополченцев не испытывали ни малейшего желания умирать за Родину. При этом понимая, что под угрозу поставлено само существование страны, ведущей тяжелейшую войну за выживание, у народа не было.

Следствием этого был и низкий уровень дисциплины призываемых ратников, которые требовали постоянного надзора. Различные эксцессы случались регулярно. Так, по донесению коменданта железнодорожного и военного участков станции Хабаровск, 16 октября 1915 г. «следовавшая в 2-х вагонах почтового поезда № 4 в гор. Хабаровск с охраны мостов у ст. Бикин, Дормидонтовка, Хор и Верино, команда ратников 2 роты 724 пешей Пензенской дружины в числе 68 человек, подлежавших отправлению в действующую армию, произвела в пути буйство, беспорядок и разбила 6 окон в вагонах, причём большая часть этой команды была в нетрезвом состоянии, а четыре нижних чина ко времени прибытия поезда в Хабаровск были настолько пьяны, что не могли следовать в свою часть и были Комендантом станции

арестованы и отправлены до выпрезвления в ближайшую к вокзалу 304 пешую Вятскую дружину» [26, Приказ № 628 от 23 ноября 1915 г.].

24 августа 1916 г. А.Н. Нищенков отмечал, что, поскольку большая часть призываемых в Приамурском генерал-губернаторстве ратников ополчения отправляется в Иркутский военный округ, ответственным лицам надлежит в точности руководствоваться ранее отданными на этот предмет приказами, и ни в коем случае от них не отступать. «В особенности же надлежит обратить самое серьёзное внимание на порядок при следовании эшелонов через Маньчжурию, для предупреждения случаев пьянства и заражения различными венерическими болезнями» [29, Приказ № 411 от 24 августа 1916 г.]. Некоторые из этих приказов, отданных ещё в 1915 г., содержали и такие указания: «Во время следования эшелонов и, в особенности во время продолжительных остановок поездов начальники команд и старшие в вагонах должны зорко наблюдать, чтобы ратники не продавали состоящих на них вещей» [26, Приказ № 634 от 24 ноября 1915 г.]. Тем более что «отправляемые нижние чины в войсковые части, управления и заведения не всегда пребывают по назначению, а если и прибывают, то не всегда приносят с собою полученные казенные вещи...» [29, Приказ № 581 от 29 ноября 1916 г.]. Однако полностью победить это зло уже не представлялось возможным, и в декабре 1916 г. при проезде очередного эшелона по Маньчжурской дороге, нижние чины и ратники ополчения, «при приближении поезда к винобакалейным лавочкам, с целью приобретения спирта, соскакивали на ходу поезда; в результате напивались пьяными, буйствовали, не исполняли приказаний начальников эшелонов...» [29, Приказ № 625 от 30 декабря 1916 г.].

В фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока сохранился документ, дающий полное представление о составе войск округа весной 1915 г.: «Дислокация частей войск Приамурского военного округа на 20 апреля 1915 г.». Фактически, это полный список находящихся на территории округа частей и соединений, с указанием командиров и мест дислокации.

Итак, в округе находился 8-й ополченский корпус (штаб в г. Хабаровск) в составе: 46-й и 51-й ополченских бригад; частей, напрямую подчинённых начальнику штаба 8-го ополченского корпуса на правах начальника дивизии; частей, в состав корпуса не входящих; войск, расположенных в крепостях Владивостоке и Николаевске, а также казачьих частей.

46-я ополченская бригада (штаб в г. Никольск-Уссурийский): 272-я пешая Казанская дружина, 729-я пешая Саратовская дружина, 273-я пешая Казанская дружина (от неё были выделены нижние чины на охрану тоннелей между станциями Пограничная и Гродеково), 289-я пешая Пермская дружина, 290-я пешая Пермская дружина (от неё полурота была командирована для несения караульной службы в урочище Анучино), 721-я пешая Симбирская дружина, 728-я пешая Самарская дружина (с 46-й и 49-й сапёрными полуротами, которые «на днях подлежат отправлению на театр войны»), 276-я пешая Казанская дружина, 306-я пешая Вятская дружина (этой дружиной охранялся мост через р. Уссури), 727-я пешая Самарская дружина, 275-я пешая Казанская дружина и 726-я пешая Пензенская дружина;

51-я ополченская бригада (штаб в г. Благовещенск): 271-я пешая Казанская дружина, 301-я пешая Вятская дружина (от этой дружины командировано 30 нижних чинов для охраны моста у г. Алексеевка и 40 — для охраны моста у Белогорья), 302-я пешая Вятская дружина и 303-я пешая Вятская дружина (с 51-й сапёрной полуротой).

Кроме того, напрямую начальнику штаба 8-го ополченского корпуса, на правах начальника дивизии, были подчинены: 274-я пешая Казанская дружина, 304-я пешая Вятская дружина (1-я рота находилась на охране арестантов на строительстве моста через р. Амур, 4-я — находилась на охране мостов Уссурийской железной дороги), 305-я пешая Вятская дружина, 724-я пешая Пензенская дружина, 725-я пешая Пензенская дружина (после открытия навигации по р. Амур должна была быть отправлена в крепость Николаевск) и 730-я пешая Оренбургская дружина.

В состав корпуса не вошли: Южно-Уссурийская кадровая обозная рота («подлежит отправлению на театр войны»), Сибирская воздухоплавательная

рота («личный состав роты подлежит отправлению на театр войны»), Амурчинский дисциплинарный батальон (подчинялся на правах начальника дивизии председателю Приамурского военно-окружного суда), Хабаровская, Владивостокская и Благовещенская конвойные команды (подчинялись на правах начальника местной бригады Окружному дежурному генералу), Сахалинская и Камчатская пешие жандармские команды (подчинялись начальнику Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги).

Гарнизон крепости Владивосток составляли: 1-я Владивостокская крепостная артиллерийская бригада (1-й и 2-й Владивостокские крепостные артиллерийские полки), 2-я Владивостокская крепостная артиллерийская бригада (3-й и 4-й Владивостокские крепостные артиллерийские полки), Владивостокская крепостная сапёрная бригада, Владивостокский крепостной минный батальон, Владивостокская крепостная военно-телеграфная рота.

Гарнизон крепости Николаевск составляли: 40-й Сибирский стрелковый полк («с открытием навигации по р. Амуру подлежит отправлению на театр войны»), Николаевская крепостная артиллерия, Николаевская крепостная сапёрная рота («подлежит отправлению на театр войны»), Амурская минная рота и Николаевский крепостной военный телеграф.

Казачьи войска в округе были представлены 2-м Амурским казачьим полком (1-я — 6-я сотни) и Уссурийским казачьим дивизионом (1-я — 3-я сотни), которые подчинялись на правах начальника дивизии Начальнику штаба округа, а также особыми казачьими сотнями: шестью — Уссурийского и восемью — Амурского казачьих войск, подчинявшимися, соответственно, наказным Атаманам Уссурийского и Амурского казачьих войск [23, с. 91—101].

Войска эти дислоцировались либо в местах своего постоянного квартирования, если речь идёт о существовавших ещё в мирное время частях, либо, если речь идёт об ополченских дружинах, в тех же населённых пунктах, что и ушедшие на фронт полевые войска, которые они были призваны заменить [23, с. 91—101]. Кроме того, ополченские дружины должны были находиться также в пунктах размещения военнопленных (Хабаровск, Красная Речка, Спасск, Никольск-Уссурийский, Шкотово, Раздольное и др.) [10, с. 12—33], охрана которых на них была возложена. Последние, впрочем, всегда совпа-

дали с местами расположения старых военных гарнизонов до начала Первой мировой войны, поскольку, во-первых, войска стояли практически во всех крупных населённых пунктах региона, во-вторых, военнопленных в подавляющем большинстве случаев размещали прямо в казармах ушедших на фронт частей, лишь обнеся их специальной оградой — других помещений для размещения такого количества людей в округе просто не было, в-третьих, так как в этих пунктах и вокруг них имелась необходимая инфраструктура (прежде всего транспортная, т.е. пленных можно было туда доставить и отсюда вывезти) и, в-четвертых, в Приамурском генерал-губернаторстве почти не было крупных добывающих или обрабатывающих производств, на которых можно было использовать труд военнопленных. Поэтому размещение последних по местам нахождения шахт, рудников или крупных предприятий, как это было, например, в Германии, почти полностью исключалось. Определять же их размещение «полевыми работами», к которым пленных стали привлекать с 1916 г., смысла не было.

Итак, по официальным данным на 20 апреля 1915 г. ополченскими частями были заняты населённые пункты Приморской области: с. Раздольное (272-я пешая Казанская дружина и 729-я пешая Саратовская дружина), г. Никольск-Уссурийский (273-я пешая Казанская дружина, 289-я и 290-я пешие Пермские дружины, 721-я пешая Симбирская дружина, 728-я пешая Самарская дружина с 46-й и 49-й сапёрными полуротами), с. Спасское (276-я пешая Казанская дружина, 306-я пешая Вятская дружина и 727-я пешая Самарская дружина), с. Шкотово (275-я пешая Казанская дружина), кр. Владивосток (726-я пешая Пензенская дружина), г. Хабаровск (274-я пешая Казанская дружина, 1-я, 2-я и 4-я роты 304-й пешей Вятской дружины, 724-я и 725-я пешие Пензенские дружины), ст. Красная Речка (305-я пешая Вятская дружина) и с. Иман (3-я рота 304-й пешей Вятской дружины).

В Амурской области: на Чернявской ветке Амурской железной дороги (271-я пешая Казанская дружина), г. Благовещенск (301-я и 302-я пешие Вятские дружины и 303-я пешая Вятская дружина с 51-й сапёрной полуротой при ней).

В г. Никольск-Уссурийский также находилась Южно-Уссурийская отдельная кадровая обозная рота, в с. Спасское — Сибирская воздухоплавательная рота, в урочище Анучино дислоцировался Анучинский дисциплинарный батальон, в г. Хабаровск — Хабаровская конвойная команда, в г. Владивосток — Владивостокская конвойная команда, в г. Благовещенск — Благовещенская конвойная команда, в п. Александровский на о-ве. Сахалин — Сахалинская пешая жандармская команда и в г. Петропавловск на п-ове Камчатка — Камчатская пешая жандармская команда.

2-й Амурский казачий полк был разбросан по территории Южно-Уссурийского края: штаб полка, 5-я и 6-я сотни находились в урочище Новокиевское, 1-я сотня — в п. Посьет, 2-я — урочище Славянка, 3-я — урочище Зайсановка, 4-я — урочище Барабаш. Аналогичным образом обстояло дело с размещением Уссурийского казачьего дивизиона, штаб и 1-я сотня которого находились в с. Раздольное, 2-я сотня — с. Шкотово, 3-я — с. Спасское.

Особые сотни Уссурийского казачьего войска дислоцировались: 1-я и 2-я — в г. Хабаровск, 3-я — «Штабе Графа Муравьёва-Амурского», 4-я — с. Камень-Рыболов, 5-я — ст. Гродеково, 6-я и команда укомплектования — г. Никольск-Уссурийский.

Сотни Амурского казачьего войска были разбросаны по территории всей Амурской области: 1-я — с. Джалинда, 2-я — г. Зея, 3-я сотня и команда укомплектования для пополнения 1-го казачьего генерал-адъютанта графа Муравьёва-Амурского полка — г. Благовещенск, 4-я — ст. Кумара, 5-я — ст. Черняево, 6-я полусотнями — ст. Иннокентьевская и ст. Поярково, 7-я — ст. Екатерино-Никольская, 8-я полусотнями — ст. Михайло-Семёновская и ст. Пашково [23, с. 91—101].

Интересно, что в этом перечне отсутствуют 35-й и 46-й запасные Сибирские стрелковые полки, что имеет принципиальное значение. В опубликованной ещё в 1994 г. статье В.Н. Зуева было указано, что «после отправки войск на фронт роль полевых войск на Дальнем Востоке стали выполнять 35 и 46-й запасные Сибирские стрелковые полки, находившиеся во Владивосто-

ке». Численность каждого из таких полков достигала 10 тыс. чел. Ссылка в статье была дана на страницу 22 работы В.В. Звегинцова «Русская армия 1914 г. Париж, 1959»*, с указанием, что «в иных литературных источниках информация об этих полках отсутствует» [8, с. 50, 52]. В более поздней статье, изданной в 1998 г. В.Н. Зуев снова привёл эти данные со ссылкой на ту же работу (теперь уже на страницу 33), однако, на этот раз, уточнил, что «к февралю 1917 г. эти полки были передислоцированы в прифронтовые округа для сокращения сроков переброски маршевого пополнения и экономии железнодорожного подвижного состава» [9, с. 34, 46]. Впоследствии эти данные переключались практически во все исследования, так или иначе затрагивающие военную историю Дальнего Востока в период Первой мировой войны, от диссертационных до монографических [2, с. 273; 4, с. 191; 11, с. 6; 14, с. 57; 15, с. 126; 22, с. 175; 25, с. 125; и др.]. Однако отсутствие указанных полков в рассмотренном документе поставило под серьёзное сомнение тезис об их нахождении во Владивостоке, тем более, что каких-либо других источников, подтверждающих их нахождение в крепости, обнаружить не удалось, а работы В.В. Звегинцова, как известно, писались в эмиграции и изобилуют ошибками и неточностями.

Проведённые в последнее время изыскания показали, что эти сведения являются ошибочными: 35-й Сибирский стрелковый запасной батальон был сформирован на территории Омского военного округа в 1916 г. и в мае—июне этого же года развёрнут в полк. 35-й Сибирский стрелковый запасной полк входил в состав 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады и дислоцировался вовсе не во Владивостоке, а в Тюмени [19, с. 413]. Что касается 46-го Сибирского стрелкового запасного полка, то его вообще не существовало. Упоминания об этой части не удалось обнаружить ни в одной работе, в которой бы не было ссылки на указанные выше книгу В.В. Звегинцова или

* Следует отметить, что В.Н. Зуев приводит ссылку на книгу неточно. Её полное правильное название: Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г.: подробная дислокация, формирования 1914—1917 гг., регалии и отличия. Париж, 1959. Используемые В.Н. Зуевым данные приведены в ней на с. 22.

статьи В.Н. Зуева. Упоминание о существовании этих частей и их дислокации во Владивостокской крепости отсутствует в воспоминаниях современников, в частности А. Алютина [3, с. 48—49]. Отсутствует и соответствующий фонд в Российском государственном военно-историческом архиве, где имеются отдельные фонды по всем сформированным в военное время Сибирским стрелковым запасным полкам с 1-го по 44-й включительно.

Совпадение номеров (46-й полк и 46-я бригада) позволяет предположить, что ошибка с появлением 46-го полка связана с искажённой передачей реальной информации о наличии в Приамурском военном округе 46-й бригады Государственного ополчения, 726-я пешая Пензенская дружина которой действительно дислоцировалась во Владивостоке [23, с. 93—94]. В то же время, источник, из которого данные об этих полках были почерпнуты В.В. Звегинцовым, на данный момент установить не удалось.

С 20 по 26 января 1916 г. в Приамурском военном округе прошёл особый смотр, вызванный приездом великого князя Георгия Михайловича возвращавшегося из Японии. Там он выполнял возложенное на него Николаем II особое поручение [29, Приказ № 42 от 30 января 1916 г.], суть которого сводилась к поздравлению молодого японского императора с коронацией, выражению ему благодарности за помощь в снабжении русской армии оружием и боеприпасами и вообще, созданию почвы для более успешного ведения переговоров по организации военных поставок из Японии. Политиком и дипломатом великий князь не был, поэтому своё дело видел в чисто внешней стороне, т.е. «оказание японцам внимания с целью снискать их расположение», с чем он блестяще и справился. Ему же царь поручил посетить на обратном пути сибирские и дальневосточные лагеря австрийских и немецких военнопленных, причём местные власти об этом предупреждены не были [21, с. 77—78].

Он осмотрел войска гарнизонов г. Владивостока, с. Спасского, г. Хабаровска, п. Иман, п. Раздольного и г. Никольск-Уссурийского, «причём передал войскам ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА сердечный привет и благодарность за ревностную службу».

В связи с этим Временно Командующий войсками округа А.Н. Нищенков писал в приказе войскам округа: «Всюду ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволил найти войска в блестящем состоянии и благодарить меня, а в Никольск-Уссурийском по окончании смотра перед всеми войсками поцеловал меня. Расставаясь со мною, незадолго до прибытия на станцию Пограничная, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ещё раз благодарил меня.

Столь высокомилолюбивые знаки внимания со стороны ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА я отношу не к себе, а считаю, что в лице моём они оказаны всем представлявшимся ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ частям войск.

Во всех гарнизонах по окончании смотров ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволил знакомиться с бытом военнопленных офицеров и нижних чинов австрийской, германской и турецкой армий. Помещения военнопленных, их пища и порядок содержания найдены ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ вполне хорошими, наружный вид их здоровым, никаких жалоб пленными при опросе их ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ и лицами, сопровождавшими Его, заявлено не было, кроме только того, что почта доставляется с замедлением». Далее он выразил сердечную благодарность командирам практически всех войсковых единиц округа, начальствующим лицам и объявил «сердечное спасибо всем участвовавшим на смотрах подпрапорщикам, фельдфебелям, унтер-офицерам и молодцам нижним чинам прочих званий».

Не забыл он и о практическом напутствии: «Щедрая оценка ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ наших слабых трудов пусть послужит побуждением к дальнейшему нашему совершенствованию во всех отраслях воинского дела и удвоит наше старание в исполнении долга службы во славу обожаемого МОНАРХА и на пользу Родины». Этот приказ он распорядился дважды прочесть при собрании всех нижних чинов, батарей, сотен и команд округа (так в документе) [29, Приказ № 42 от 30 января 1916 г.].

В марте—апреле 1916 г. 16 получивших пополнение дружин Государственного ополчения были доведены в округе до восьмимротного состава.

Пешие Казанские дружины: 272-я — к 7 марта, 273-я — 5 марта, 274-я — 4 марта, 276-я — 5 апреля; пешие Пермские дружины: 289-я и 290-я — к 5 марта; пешие Вятские дружины: 303-я — к 17 марта, 304-я — 10 марта, 305-я — 8 марта, 306-я — 9 апреля; 721-я пешая Симбирская дружина — 25 марта, 726-я пешая Пензенская дружина — 6 марта, пешие Самарские дружины: 727-я — 4 апреля, 728-я — 8 марта, 729-я пешая Саратовская дружина — 31 марта, 730-я пешая Оренбургская дружина — 5 марта [29, Приказ № 247 от 31 мая 1916 г.].

Весной этого же года начался процесс отправки большей части военнопленных нижних чинов, находящихся в разных пунктах Приамурского военного округа, в Европейскую Россию. К этому времени массовые призывы в Действующую армию подавляющей доли трудоспособного мужского населения вызвали необходимость хоть как-то заменить его отсутствие в экономике. А поскольку до системы ГУЛАГа советского образца в Российской империи не додумались, то единственным трудовым ресурсом оставались как раз военнопленные — в большинстве своём достаточно здоровые мужчины трудоспособного возраста.

В связи с этим, А.Н. Нищенковым было приказано: «1. Остающихся в небольшом числе военнопленных свести в каждом гарнизоне в один отряд при одной из дружин, по усмотрению Начальников подлежащих ополченских бригад.

2. Сформировать в каждом гарнизоне, распоряжением его Начальника, из ратников ополчения особые команды для окарауливания всех освобождённых от военнопленных казарменных зданий, а также ограждающих их заборов с воротами в них, вышками для часовых, проволочными заграждениями, фонарями и т.п.

3. Начальникам этих караульных команд (обязательно офицерам) принять по описям вышеупомянутые казармы, заборы и т.п., каковые сооружения после этого будут состоять на полной, за их целостность, ответственности названных начальников.

4. Один экземпляр описей, по которым казармы, заборы, вышки, фонари и т.п. будут приняты начальниками команд, представить в Окружное Управление по квартирному довольствию войск — по принадлежности» [29, Приказ № 121 от 14 марта 1916 г.].

Возможно именно со столь масштабной отправкой из округа «рабочих рук» и связано формирование Владивостокской ополченской рабочей роты, которая считалась официально сформированной с 9 августа [29, Приказ № 402 от 19 августа 1916 г.].

В целом во время войны в Приамурском военном округе основная деятельность была сосредоточена на нескольких направлениях:

1. Использование военного потенциала региона для помощи Действующей армии — отправка на фронт значительной доли хранящихся на складах округа интендантских, артиллерийских и военно-аптечных запасов, а также артиллерии Владивостокской крепости.
2. Использование логистического потенциала региона для получения, обработки и отправки в Европейскую часть империи всевозможных грузов, от прямой военной помощи союзников по Антанте до закупаемого в больших количествах сырья.
3. Использование экономического потенциала региона для материального обеспечения армии: от сбора пожертвований и пошива сапог до организации производства медикаментов и заготовки продовольствия.
4. Призыв новобранцев, запасных и ратников Государственного ополчения, с последующей отправкой их на фронт.
5. Оказание помощи семьям лиц призванных на действительную военную службу.
6. Приём и охрана военнопленных.
7. Прием и помощь беженцам и вынужденным переселенцам*.

* Следует отметить, что первые два направления, которые необходимо признать важнейшими, в фундаментальной работе Т.Я. Иконниковой специально выделены не были [11, с. 363—364].

* * *

Завершая статью, автору хотелось бы выразить благодарность за неоценимую помощь в сборе материалов д.и.н., ведущему научному сотруднику Института истории и археологии УрО РАН Евгению Юрьевичу Рукосуеву, а также д.х.н., действительному члену Общества изучения Амурского края — Приморского краевого отделения Русского географического общества Сергею Анатольевичу Авилову и д.б.н., действительному члену Общества изучения Амурского края — Приморского краевого отделения Русского географического общества Владимиру Ивановичу Калининну за помощь в сборе материалов, ценные замечания и рекомендации. Особая благодарность — главному научному сотруднику отдела истории Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова к.и.н. Денису Алексеевичу Ляхову (г. Хабаровск) за помощь в организации научно-исследовательской работы во время командировки автора в г. Хабаровск в апреле 2015 г.

Литература и источники

1. Авилов Р.С. Войска Приамурского военного округа накануне Первой мировой войны: структура и дислокация // Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. С. 35—54.
2. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. 2. Уроки Порт-Артура. 1906—1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. 408 с.
3. Алютин А. Военная комиссия Владивостокского совета в 1917 году // За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Приморье в 1917—1922 годах. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1957. С. 48—49.
4. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006. 336 с.
5. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
6. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2003. 894 с.
7. Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г.: подробная дислокация, формирования 1914—1917 гг., регалии и отличия. Париж, 1959. 132 с.
8. Зув В.Н. Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в канун Октября 1917 г.: Структура, дислокация, численность // Вопросы истории Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке: сб. науч. тр. Владивосток, 1994. С. 46—52.
9. Зув В.Н. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. // Дальний Восток России в период революции 1917 года и Гражданской войны: сб. науч. статей. (Материалы к 1-й книге 3-го тома «Истории Дальнего Востока России»). Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 33—46.
10. Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.). Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004. 177 с.
11. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
12. Иконникова Т.Я. Ополченские дружины Приамурского военного округа в 1914—1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 35—40.

13. История военно-окружной системы в России. 1862—1918. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2012. 463 с.
14. Краснознамённый Дальневосточный. Военно-исторический очерк о Дальневосточном военном округе. 4-е изд., испр. и доп. Хабаровск: Хехцыр, 2003. 400 с.
15. Крепость Владивосток. СПб.: Остров, 2001. 264 с.
16. Марков О.Д. Русская армия 1914—1917 гг. СПб.: Галлея Принт, 2001. 160 с.
17. Международные отношения на Дальнем Востоке: в 2 кн. Кн. 1 (с конца XVI в. до 1917 г.). М.: Мысль, 1973. 323 с.
18. Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Т. 1. 1896—1923. Харбин: Тип. КВЖД, 1923. 690 с.
19. Новиков П.А. Омский военный округ в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014 г. Иркутск, 2014. С. 411—416.
20. Оськин М.В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 142—152.
21. Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 261 с.
22. Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 216 с.
23. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 280 с.
24. Росписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 сентября 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 578 с.
25. Рудаков И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884—1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2010. 200 с.
26. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК.). Научно-справочная библиотека (НСБ.). Ед. хр. 1529. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1915 г.
27. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1914 г.
28. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1531. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1914 г.
29. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1916 г.

Транслитерация

1. Avilov R.S. Vojska Priamurskogo voennogo okruga nakanune Pervoj mirovoj vojny: struktura i dislokaciya // Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: shtrixi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy. Vladivostok: RGIA DV, 2014. S. 35—54.
2. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikaciya, sobytiya, lyudi. Chast' II. Uroki Port-Artura. 1906—1917 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. 408 s.
3. Alyutin A. Voennaya komissiya Vladivostokskogo soveta v 1917 godu // Za vlast' Sovetov. Sbornik vospominanii uchastnikov grazhdanskoj vojny v Primor'e v 1917—1922 godax. Vladivostok: Primorskoe kn. izd-vo, 1957. S. 48—49.
4. Vladivostokskaya krepost'. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 336 s.
5. Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v Mirovoj vojne. M.: Kuchkovo pole, 2001. 440 s.
6. Zalesskij K.A. Kto byl kto v Pervoj mirovoj vojne. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; OOO «Izd-vo Astrel'», 2003. 894 s.
7. Zvegincov V.V. Russkaya armiya 1914 g.: podrobnaya dislokaciya, formirovaniya 1914—1917 gg., regalii i otlichiya. Parizh, 1959. 132 s.
8. Zuev V.N. Suxoputnye sily Rossii na Dal'nem Vostoke v kanun Oktyabrya 1917 g.: Struktura, dislokaciya, chislennost' // Voprosy istorii grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii na Dal'nem Vostoke: Sb. nauch. tr. Vladivostok, 1994. S. 46—52.
9. Zuev V.N. Uchastie vojsk Priamurskogo voennogo okruga v revolyucionnyx sobytiyax 1917 g. // Dal'nij Vostok Rossii v period revolyucii 1917 goda i Grazhdanskoj vojny: sb. nauch. statej. (Materialy k 1-j knige 3-go toma «Istorii Dal'nego Vostoka Rossii»). Vladivostok: DVO RAN, 1998. S. 33—46.
10. Ikonnikova T.Ya. Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914—1918 gg.) Xabarovsk: Izd-vo GOU VPO XGPU, 2004. 177 s.
11. Ikonnikova T.Ya. Dal'nevostochnyj tyl Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. Xabarovsk, 1999. 365 s.

12. Ikonnikova T.Ya. Opolchenskie družiny Priamurskogo voennogo okruga v 1914—1917 gg. // Voен.-ist. zhurnal. 2009. № 2. S. 35—40.
13. Istoriya voenno-okružnoj sistemy v Rossii. 1862—1918. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2012. 463 s.
14. Krasnoznamennyj Dal'nevostochnyj. Voенno-istoricheskij oчерk o Dal'nevostochnom voennom okruge. 4-e izd., ispr. i dop. Xabarovsk: Xexcyr, 2003. 400 s.
15. Krepost' Vladivostok. SPb.: Ostrov, 2001. 264 s.
16. Markov O.D. Russkaya armiya 1914—1917 gg. SPb.: Galleya Print, 2001. 160 s.
17. Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: v 2 kn. Kn. 1 (s konca XVI v. do 1917 g.). M.: Mysl', 1973. 323 s.
18. Nilus E.X. Istoricheskij obzor Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi. T. 1. 1896—1923. Xarbin, Tip. KVZhD, 1923. 690 s.
19. Novikov P.A. Omskij voennyj okrug v gody Pervoj mirovoj vojny // Irkutskij istoriko-e'konomicheskij ezhegodnik. 2014 g. Irkutsk, 2014. S. 411—416.
20. Os'kin M.V. Gosudarstvennoe opolchenie v period Pervoj mirovoj vojny // Voprosy istorii. 2013. № 6. S. 142—152.
21. Pavlov D.B. Russko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoj mirovoj vojny. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2014. 261 s.
22. Petrenko V.M. Stanovlenie i razvitie sistemy territorial'nyx organov voennogo upravleniya na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk. Xabarovsk, 2009. 216 s.
23. Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: shtrixi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy. Vladivostok: RGIA DV, 2014. 280 s.
24. Rospisanie suxoputnyx vojsk. Ispravlennoe po svedeniyam k 1 sentyabrya 1914 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1914. 578 s.
25. Rudakov I.S. Stanovlenie Priamurskogo voennogo okruga i ego rol' v uкреplenii oboronosposobnosti Dal'nego Vostoka Rossii (1884—1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk Xabarovsk, 2010. 200 s.
26. Gosudarstvennyj arxiv Xabarovskogo kraja (GAXK.). Nauchno-spravochnaya biblioteka (NSB.). Ed. xr. 1529. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1915 g.
27. GAXK. NSB. Ed. xr. 1530. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1914 g.
28. GAXK. NSB. Ed. xr. 1531. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1914 g.
29. GAXK. NSB. Ed. xr. 2298. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1916 g.

УДК: 947.085(571.62)

Г.А. Ткачева
*G.A. Tkacheva***Амурская Краснознамённая военная флотилия
в 1941—1945 гг.***

На основе архивных документов и материалов рассмотрено пополнение Амурской военной флотилии призывниками и военнообязанными запаса, добровольцами, выявлены изменения численности личного состава в 1941—1945 гг.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Дальний Восток, Амурская Краснознамённая военная флотилия, мобилизация, призывники, военнообязанные запаса, мобилизационное развёртывание.

The Amur Red Banner Flotilla in 1941—1945

On the basis of archive documents and materials there considered the completion of the Amur Flotilla conscripts, reservists, reserve force, and volunteers, there revealed changes in the number of personnel in 1941—1945.

Key words. The Great Patriotic War, the Far East, Amur Red Banner Flotilla, mobilization, conscripts, reservists reserve mobilization deployment.

Амурская Краснознамённая военная флотилия (соединение речных военных кораблей на Дальнем Востоке), созданная для обеспечения безопасности восточных рубежей СССР, формировалась по мере осложнения геополитической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К началу 1941 г. она имела бригаду речных кораблей, 10 отдельных дивизионов, 334 орудия береговой артиллерии, 104 самолёта, 28 боевых кораблей, 54 катера. По боевому составу и вооружению флотилия превосходила Сунгарийскую речную военную флотилию (92 корабля — из них канонерских лодок — 8, бронекатеров — 12, сторожевых катеров — 12, 3 полка морской пехоты с 50-ю десантными мотоботами и 60-ю моторными лодками), которая входила в состав маньчжурской группировки войск.

В годы Великой Отечественной войны руководство Японии сознательно создавало напряжённую обстановку на дальневосточных рубежах, применяя весь арсенал провокационных действий. Вдоль дальневосточной границы в Маньчжурии была развёрнута Квантунская группировка войск, предназна-

* Исследование подготовлено при поддержке гранта ДВО РАН. Проект № 15-1-9-008.

ченная для ведения военных действий против СССР, Монголии и Китая. На важнейших стратегических направлениях были созданы укрепленные районы, в том числе Сахалинский — напротив Благовещенска, Сунгарийский — прикрывающий вход в р. Сунгари и Фуцзинский — в 70 км от устья Сунгари, состоявшие из узлов сопротивления и опорных пунктов.

Разветвленная сеть военно-морского базирования Японии увеличивала возможность нанесения ударов по побережью дальневосточного региона, что требовало усиления обороны Дальнего Востока. Амурская флотилия пополнилась минными и боносетевыми заградителями, тральщиками, катерами, плавучими зенитными батареями, имела большие «амурские» бронекатера (проект 1124) с двумя танковыми башнями или установками типа «Катюша» и малые «днепровские» бронекатера (проект 1125) с одной танковой башней. На 1 июля 1945 г. в её составе насчитывалось 8 мониторов (в том числе один малый монитор «Активный»), 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 48 тральщиков, 7 минных катеров типа Я-5, один минный и один сетевой заградитель, 5 плавучих зенитных батарей (в том числе 3 самоходных), 15 полуглиссеров, 3 сторожевых катера, 3 плавучих базы и штабной корабль. В состав флотилии входили отдельные дивизионы зенитной артиллерии, в которых было 76-мм орудий — 28, 40-мм зенитных автоматов — 18 и 20-мм — 24, береговые части и подразделения. Кроме этого она располагала собственными военно-воздушными силами в составе истребительного полка, эскадрильи и отряда. Всего имелось около 70 самолётов, из них ЛаГГ-3 — 27, Як-7 — 2, Як-3 — 10, Ил-2 — 8, И-153-бис — 13, И-16 — 7, СБ — 1, По-2 — 3, МБР-2 — 3, С-2 — 1.

Основные силы флотилии — 1-я, 2-я и 3-я бригады речных кораблей дислоцировались на главной базе в Хабаровске (Кировский затон), Зее-Бурейская бригада — на реках Малая Сазанка, Бурей и маневренной базе в Астрахановке. В устье р. Шилка (в зимнее время в Сретенске) находился Сретенский отдельный дивизион речных кораблей (8 бронекатеров, 2 полуглиссера и плавучая база), Уссурийский и Ханкайский отдельные от-

ряды бронекатеров (по четыре бронекатера) — в районе Имана, Лесозаводска и Камень-Рыболова [3, с. 18, 20, 27].

Таким образом, с 1936 по 1945 г. количество судов Амурской военной флотилии увеличилось с 63 единиц до 544, в том числе с 41 до 235 боевых единиц; по водоизмещению — с 17,8 тыс. до 69,4 тыс. т, по мощности главных двигателей — с 18,7 тыс. до 186,4 тыс. лошадиных сил [ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 32. Л. 69, 74]. Наиболее мощными кораблями были мониторы с артиллерией калибра от 102 до 152 мм, на которых заменили зенитные 75-мм орудия на 85-мм, оборудовали скаты для постановки более крупных мин. Бронекатера, обладавшие хорошими маневренными возможностями, артиллерией и броневой защитой, вооружили установками реактивных миномётов армейского образца. Их можно было передислоцировать с одного участка на другой по внутренним водным и сухопутным коммуникациям, что позволяло при необходимости создавать новые формирования на стратегических направлениях, оказывая помощь войскам Дальневосточного фронта.

Крупные материально-технические, береговые и маневренные базы, расположенные в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Лесозаводске, Камень-Рыболове, Сретенске, Ленинске, Малиновке и Падь-Даване, четыре плавучие ремонтные мастерские обеспечивали флотилию всем необходимым, проводили аварийный и планово-предупредительный ремонт.

В годы Великой Отечественной войны Амурская военная флотилия должна была обеспечить безопасность на речных коммуникациях и поддерживать войска Дальневосточного фронта в обороне и наступлении. Каждое соединение вело боевую подготовку в соответствии с поставленными задачами. Моряки изучали опыт ведения боевых действий речных флотилий, отработывали совместные действия с сухопутными войсками вдоль водного рубежа, согласовывали вопросы взаимодействия с артиллерией и авиацией. Методом визуальной и фоторазведки составлялись описания, одиночные, панорамные и маршрутные снимки военных объектов на сопредельном берегу, позволяющие поражать цели в случае начала военных действий. В 1943—

1944 гг. только маневренные гидрографические партии Хабаровского и Благовещенского районов составили 138 артиллерийских планшетов на укрепленные районы противника, обозначили 384 возможные огневые позиции, 124 наблюдательных поста противоминной обороны на Амуре, Зее и Уссури, 23 пункта высадки десанта на берег с указанием путей подхода кораблей и укрытий для войск [4, с. 67].

Амурская военная флотилия укомплектовывалась из ресурсов Военно-морского флота военнообязанными запаса и призывниками Московского (Ивановский областной военкомат), Уральского (Кировский), Сибирского (Омский, Красноярский, Хакассский), Забайкальского (Читинский) военных округов, Дальневосточного фронта (военкоматы Хабаровский, Амурский и Еврейской автономной области), из ресурсов Красной Армии — Дальневосточного фронта и Уральского военного округа. В соответствии с директивой Генерального штаба № 542249 сс от 3/6 марта 1941 г., в военкоматах всех военных округов приписали военнообязанных по военно-учётным специальностям к воинским соединениям сначала 1900—1918 гг. рожд., затем 1905—1918 гг. и военкоматах Дальневосточного фронта — 1910—1918 гг. рожд. [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 7—9, 13].

При наличии на учёте более 12 тыс. военнообязанных запаса по ресурсам Военно-Морского Флота и 1,1 тыс. — Красной Армии, мобилизационная потребность Амурской флотилии обеспечивалась почти полностью военнообязанными 1905—1918 гг. рожд., но разнарядка на комплектование не была выполнена. Не удалось приписать 745 чел. (21,6% от задания), в том числе 442 чел. (41%) — младшего начальствующего и 303 чел. (12%) — рядового состава. Судя по отчётам, возникли трудности при наборе личного состава на флот (24%), в части береговой обороны (18,6%) и военно-воздушных сил (26%) [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 27].

Неудовлетворительное выполнение мобилизационного плана флотилии связано в большей степени с решением организационных вопросов, а не с наличием ресурсов запаса по категориям. Местные органы военного управления, осуществлявшие одновременно приписку военнообязанных для частей

РККА и ВМФ, без чётких указаний Штабов военных округов изменения учитываемых возрастных категорий общего, специального и военизированного учёта не смогли оперативно учесть мобилизационные ресурсы. Начало навигации и рыбной путины, бронирование рабочих оборонных заводов и военизация личного состава речных пароходств усугубили сбор информации и затруднили предоставление отчётов: ведомости о ресурсах мобилизационного запаса (форма 22) не соответствовали фактическому наличию специалистов, предназначенных для флотилии.

С началом Великой Отечественной войны отмобилизование флотилии осуществлялось в три этапа. Вначале (распоряжение Главного морского штаба ВМФ) мобилизовали суда гражданских наркоматов с личным составом, далее (постановление ГКО № 147 от 14 июля 1941 г.) призывались на большие учебные сборы военнообязанные, приписанные к частям береговой и противовоздушной обороны, а затем (указание Наркомата ВМФ № 2/225 от 21 июля 1941 г.) — весь приписной состав.

Планы мобилизационного развёртывания Амурской военной флотилии не учитывали отдалённость районов комплектования: личный состав прибывал к месту назначения с 8 июля по 17 августа 1941 г. вместо второго по тринадцатый день после объявления мобилизации. К сентябрю 1942 г. поодиночке, командами и эшелонами поступило более 4 тыс. военнообязанных запаса (из них 3,5 тыс. к сентябрю 1941 г.) и мобилизационный план был перевыполнен. Это произошло, прежде всего, за счёт ресурсов Дальневосточного фронта, выполнившего наряд на 116,5%, и Забайкальского военного округа — на 157,2%. Московский и Сибирский военные округа смогли обеспечить мобилизационную потребность соответственно на 90,4% и 92,7%, а Уральский — только на 61,3%, что объясняется необходимостью восполнения людских потерь на советско-германском фронте в начальный период войны [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 101, 106; Д. 765. Л. 169, 177—179 (подсчит. авт.)].

В период мобилизационного развёртывания части флотилии на 81% комплектовались лицами в возрасте 30—36 лет; на 68% — рабочими и на

23,3% — служащими. Большинство были беспартийные, коммунисты составляли 7,8%, комсомольцы — 10,8%. Несмотря на то, что на флот, в силу высокой технической оснащённости, требовались более образованные военнослужащие, среди прибывших 43,2% имели образование 3—4 кл., 23,2% — 5—6 кл. и 12,8% были малограмотными (см. табл. 1).

Таблица 1

**Состав военнослужащих запаса прибывших на комплектование
Амурской военной флотилии (июль 1941 — август 1942 г.), чел.**

Показатели		Флот	БО-4	БО-2	ВВС	Всего
Состав военнослужащих запаса, прибывших на комплектование		2318	570	494	676	4058
Из них:	1905—1910	1890	492	363	542	3287
	1911—1924	428	78	131	134	771
по возрасту (год рожд.)	рабочие	1580	362	349	472	2763
	колхозники	173	94	43	24	334
	служащие	554	112	101	178	945
	прочие	11	2	1	2	16
по партийности	члены ВКП (б)	109	19	15	5	148
	канд. в члены ВКП (б)	108	35	13	15	171
	члены ВЛКСМ	241	66	56	77	440
	беспартийные	1860	450	410	579	3299
по образованию	высшее	2	—	1	1	4
	среднее	135	19	19	26	199
	7—9 кл.	387	75	49	126	637
	5—6 кл.	578	125	100	140	943
	3—4 кл.	959	279	228	288	1754
	малограмотные	257	72	97	95	521

Источник. ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 107 (сост. авт.).

Численность рядового состава запаса перекрывала расчётную потребность, а младшим начальствующим составом — обеспечивались только на 74,4%, однако с учётом призыва молодёжи и выпуска старшин (сержантов) из Объединённой школы подготовки, организационное развёртывание Амурской военной флотилии прошло в установленные сроки.

В дальнейшем военнообязанные запаса в части Амурской военной флотилии почти не призывались, а убыль личного состава восполнялась за счёт прибывших с июля 1941 г. по апрель 1945 г. более 8,2 тыс. призывников, из них 64% распределили в части флота, и 13% — в части береговой оборо-

ны, 14% — в сухопутные и 8% — военно-воздушные части (табл. 2).

Таблица 2

**Комплектование личного состава Амурской военной флотилии
призывниками (июль 1941 — апрель 1945 г., чел.)**

Показатели	Годы					Всего
	1941	1942	1943	1944	1945	
Части: флота	462	2249	1037	885	644	5277
береговой обороны	531	371	—	53	157	1112
военно-воздушных сил	112	450	—	32	35	629
сухопутные	—	1007	60	47	44	1158
вне нормы	—	—	60	—	25	85
Итого	1105	4077	1157	1017	905	8261

Источник. ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1 Д. 765. Л. 179.

Призывались преимущественно 17—18-летние юноши, их социальный состав изменялся по мере сокращения мобилизационных ресурсов в военных округах. Так, в 1942 г. из Среднеазиатского военного округа прибыли призывники, которых смогли направить только в обслуживающие подразделения сухопутных, авиационных воинских частей и частей противовоздушной обороны флотилии. В начале 1945 г. по направлению военкоматов Сибирского военного округа и Дальневосточного фронта прибыли 705 призывников 1927 г. рожд., прошедших допризывную подготовку, из них 272 комсомольца (39%), 334 рабочих (47,4%), 320 колхозников (45,4%), 20 служащих, 27 учащихся, 4 прочих. Образование 4—5 кл. имели 42,4%, 6 кл. — 19,1% и 7—9 кл. — 37,7%. В то же время, по решению ГКО № 7081 от 6 декабря 1944 г., с оккупированных территорий запрещалось направлять новобранцев, даже с высоким уровнем образования, на пополнение личного состава кораблей [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 775. Л. 153].

Людские ресурсы военных округов и дальневосточного региона, предназначенные для восполнения убыли личного состава флотилии, были исчерпаны, и набрать призывников, отвечающих требованиям морально-психологической и образовательной (не ниже 6 кл.) подготовки для службы на кораблях военно-морского флота, по сообщению Главного управления формирования и укомплектования, не представлялось возможным.

В органах местного военного управления не имелось единой документации с учётными данными на военнообязанных. На флотилию прибывали лица, не служившие и не имевшие навыков морской службы. Между тем, обучение военно-морским специальностям требовало как минимум четырёх-месячной подготовки. Даже призывники и военнообязанные запаса, прошедшие программу военной подготовки и учебные сборы от одного до четырёх раз, имели низкий квалификационный уровень.

Учитывая, что подготовка морских специалистов занимает длительное время, а резервов военнотружущих молодых возрастов не было (на 1 марта 1942 г. в частях ВМФ недоставало 35,8 тыс. чел.), летом 1942 г. началась мобилизация женщин для замены красноармейцев, краснофлотцев, и младших командиров, направлявшихся на пополнение боевых частей [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 73. Л. 12].

Краснознаменная Амурская флотилия приняла 1117 девушек из Хабаровского края. Несмотря на некоторые упущения при наборе, большинство из них (по состоянию здоровья и социальному положению) зачислили на действительную военную службу: среди них 17—18-летние составляли 15%, 19—21-летние — 57%, 22—24-летние — 25%. Образовательный уровень призванных был сравнительно высоким: (со средним и незаконченным средним образованием — 56%, с начальным — 7%), что объясняется не только спецификой службы, требующей определённой подготовки, но и социальным составом мобилизованных молодых женщин. По социальному положению преобладали служащие — 57%, рабочие составляли 28%, колхозники — 7%, учащиеся — 8%. Профессиональные навыки слесаря имели 3 чел., токаря — 2, шофёра — 16, и другие специальности — 742 чел.

В части флота направили 33% девушек, береговой обороны — 42%, военно-воздушных сил — 25% (см. табл. 3). Их назначали на должности во флотские управления и береговые базы, посты наблюдения и связи, части противовоздушной обороны, гидрографии, на склады и производственные предприятия, медико-санитарные, ветеринарные, военно-судебные, культурно-массовые и учебные учреждения флотилии.

Таблица 3

**Социально-демографическая характеристика женщин, мобилизованных в части
Амурской военной флотилии в 1942 г., чел.**

Показатели		Численность
Мобилизовано	наряд	1050
	прибыло	1117
	отчислено	104
Зачислено в воинские части	всего	1013
В том числе	флот	337
	береговая оборона	426
	авиация	250
	сухопутные	—
По социальному положению	рабочие	285
	колхозники	74
	служащие	578
	учащиеся	76
По партийности	члены ВКП (б)	7
	члены ВЛКСМ	611
	беспартийные	396
По образованию	высшее	2
	среднее	114
	9—7 кл.	455
	6 кл.	230
	5 кл.	141
	4 кл.	71
По годам рождения	1925	11
	1924	142
	1923	274
	1922	161
	1921	142
	1920	138
	1919	58
	1918	54
	1917	12
	1916	15
	1915	6

Источник. ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1108. Л. 35—36, 57—59, 97—98 (сост. авт.).

С июля 1941 по апрель 1945 г. на Амурскую военную флотилию прибыло 15,7 тыс. чел. (14,1 тыс. — военнообязанные запаса, призывники и добровольцы и 1,6 тыс. — военнослужащие из других флотов и тыловых частей ВМФ), а убыло 14,1 тыс., из них только на укомплектование соединений Красной Армии — более 9,6 тыс. (380 офицеров и около 9,3 тыс. краснофлотцев и красноармейцев, старшин и сержантов). По военной необходимости 215 чел. рядового и младшего командного состава направили на Балтий-

ский флот, 138 — на Черноморский, 15 — на Северный, 78 — на военные флотилии (70 чел. — на Днепровскую), 345 — в военно-морские училища и 498 — в тыловые части военно-морского флота, 52 чел. перевели в офицерский состав. На Тихоокеанский флот отправили 1475 чел., из них 257 чел. — на укомплектование 117-го и 114-го авиаполков, 191 чел. — авиабазы и 114 чел. — 17-й авиамастерской, 60 чел. — 70-й роты связи, 209 чел. — монитора «Перекоп» и 153 чел. — монитора «Сиваш», 60 чел. — боносетевых заградителей «Сухона» и «Молога», 35 чел. — тральщика № 191 и 171 чел. — спецкоманды [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 226. Л. 14—15; Д. 765. Л. 179, 179 об., 181].

Наиболее интенсивное движение личного состава Амурской флотилии наблюдалось до середины 1943 г., когда она приняла 11,7 тыс. чел. и отправила более 10 тыс. Следует отметить, что ежегодно (за исключением второго полугодия 1941 г.) убывало военнослужащих больше, чем прибывало, изменяя показатели наличия личного состава. Если к началу 1942 г. за счёт мобилизации военнослужащих запаса численность старшин, сержантов и рядовых значительно увеличилась, превысив штатную в среднем на 5%, то к началу 1943 г. она сократилась и в последующие годы держалась на уровне 94—98% штатной (см. табл. 4).

Таблица 4

**Численность старшинского (сержантского), рядового состава
Амурской военной флотилии (июль 1941 — апрель 1945 г.), чел.**

Годы	Численность				
	всего	из них в воинских частях			
		флота	береговой обороны	военно- воздушных	сухопутных
1.07.1941	9102	5212	950	1210	986
1.01.1942	13875	7842	1815	1804	1148
1.01.1943	10662	7771	1292	579	197
1.01.1944	10561	7933	1071	530	226
1.01.1945	10357	7585	1181	604	209
1.04.1945	10655	7806	1295	610	200

Источник. ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 765. Л. 177, 177 об. (сост. авт.).

Согласно статистической отчётности, требующей уточнения, число женщин срочной службы в составе Амурской военной флотилии постепенно уменьшалось, но было выше, чем в военно-морских частях Тихоокеанского флота (см. табл. 5). Основной причиной демобилизации являлись семейные обстоятельства и, прежде всего, беременность (96,6%), а также перевод в другие воинские соединения. В частности, из призванных в 1942 г. в Амурскую военную флотилию 893 чел., в этом же году уволили 11 чел. (1,2% списочного состава), в 1943 г. — 20 (2,3%), 1944 г. — 78 (9,8%), в первом квартале 1945 г. — 39 чел. (21,4%) [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1 Д. 765. Л. 178 об.].

Таблица 5

Численность женщин рядового и старшинского (сержантского) состава в частях Амурской военной флотилии в 1943—1945 гг., чел.

Показатели	Годы				
	1.01.1943	1.07.1943	1.01.1944	1.07.1944	1.01.1945
Воинские части:					
флота	434	438	386	340	331
береговой обороны	257	234	220	220	212
военно-воздушных сил	146	5	125	41	122
сухопутные	28	47	42	125	37
Итого	865	724	773	726	702

Источник. ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 226. Л. 257—262, 291, 292; Д. 463. Л. 69—73, 76, 110; Д. 773. Л. 38, 43, 49 (сост. авт.).

Массовая отправка рядовых, старшин (сержантов) флотилии в действующую армию в спешном порядке (22 октября 1941 г., 19 августа, 29 сентября, 10 ноября, 11 декабря 1942 г. и 16 января 1943 г.) без учёта их подготовки, повлияла на квалификационный уровень личного состава отдельных частей. На 1 января 1941 г. в составе Амурской военной флотилии находилось 575 сверхсрочников (6,2% состава), из них 30 — состояли на службе свыше десяти лет, 68 — свыше пяти. К 1943 г. число сверхсрочнослужащих сократилось до 323 чел., составляя 3% общей численности флотилии. Военнослужащих первого года службы (включая женщин) стало 44,8%, третьего — 12%, четвёртого — 3%, пятого — 21%, а в частях флота — соответственно 37,2%, 11%, 3% и 28%.

В начале 1945 г. на флотилии было 248 (2,4%) сверхсрочнослужащих (142 — десять, 27 — пять лет). Первый год служили — 23,6% призывников,

а по частям флота — 22,7% (допустимая норма — 20%), третий год — 29 и 27%, четвёртый — по 2%, пятый — 27% и 29%. Из 4959 прибывших из запаса осталось только 1110 (22,3%), а 2593 (52%) — отправили в действующую армию и 758 — перевели на другие флоты или демобилизовали, 498 — возвратили в запас. Несмотря на то, что сверхсрочнослужащие практически все являлись младшими командирами и служили в частях флота (в частях береговой обороны — 21 чел., авиации — 15), удельный вес военнослужащих срочной службы, прослуживших от трёх до пяти лет, был сравнительно высоким (58%) [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1 Д. 16. Л. 8—9; Д. 765. Л. 178 об., 180; Д. 773. Л. 8 (подсчит. авт.)].

Подготовка рядового и старшинского состава осуществлялась в Объединённой школе, на кораблях и частях флотилии. На 1 января 1941 г. в Объединённой школе флотилии обучались 1067 военнослужащих осеннего призыва 1940 г.: из них по социальному составу — 50% составляли рабочие с профессиональными навыками, 40,7% — служащие, 10,2% — колхозники; по партийности — 3,4% — коммунисты, 56,5% комсомольцы и 40,1% — беспартийные; по образованию: высшее — 0,2%, среднее — 22,5%, 7—9 кл. — 58,3%, 6 кл. — 12,5% и 4—5 кл. — 6,5% призывников [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 98. Л. 112; Д. 765. Л. 160 об., 175 (подсчит. авт.)]. Призывники предвоенного осеннего набора (возраст 21—22 года) в большинстве своём имели близкую флоту гражданскую специальность, что облегчало их обучение.

Новобранцы военного времени обучались по 17 специальностям (рулевые, мотористы, машинисты, электрики, комендоры, сигнальщики, радиотелеграфисты, палубные матросы, зенитчики, пулемётчики, минёры), однако их образовательный уровень был гораздо ниже довоенного: среднее образование имели 4,6%, 7—9 кл. — 51,3%, 6 кл. — 23,5% и 4—5 кл. — 15,6%. Среди обучавшихся больше половины составляли рабочие, 19% — служащие, 16,2% — учащиеся и 14,8% — колхозники, но в начале 1942 г. преобладали служащие (67,4%), в начале 1943 г. — учащиеся (45%) и в начале 1945 г. — рабочие (68,8%). Партийно-комсомольская прослойка также стала

гораздо ниже: 0,6% — коммунисты, 31,7% — комсомольцы и 67,7% — беспартийные [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1 Д. 765. Л. 160 об., 175 (подсчит. авт.)].

В начальный период войны обучение специалистов для военно-морского флота осуществлялось по сокращённой программе, которая не обеспечивала необходимую теоретическую и практическую подготовку, и сроки обучения увеличили. Краснофлотцы и красноармейцы первые 1,5 месяца проходили общевойсковую подготовку, а затем в течение 6—8 месяцев (в зависимости от сложности) обучались специальности.

Подготовка старшин (сержантов) составляла 3,5—4 месяца (в мирное время — 4,5 мес.). Ввиду того, что во время войны на должности младших командиров назначались лица без подготовки, на флотилии и кораблях создавались специальные 1,5—2-месячные курсы, которые работали по особой программе, давая общие знания и практические навыки. В частности, в 1942 г. командирами отделения стали 795 краснофлотцев и старшинами — 193 командира отделения, в 1943 г. соответственно 253 и 24 [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 461. Л. 30, 31, 33].

При поступлении в морские части прошедшие курс обучения краснофлотцы назначались на должности специалистов третьего класса, окончившие старшинские классы — специалиста второго класса с присвоением звания старшины 2-й статьи, а в частях береговой и противовоздушной обороны — младшего сержанта. Если в довоенное время краснофлотцы приходили из школы на корабль учеником специалиста и в течение 4—5 мес. являлись дублёрами, получая практические навыки, то в годы войны сразу приступали к должностным обязанностям.

На 1 января 1945 г. на флотилии насчитывалось 3096 младших командиров (2450 — в частях флота, 310 — береговой обороны, 245 — военновоздушных и 91 — сухопутных сил), что составляло 30,5% личного состава флотилии, из них 2160 — военнослужащие срочной службы, 246 — сверхсрочники, 555 — призывники из запаса и 135 — женщины. Временно занимали должности офицеров 108 старшин и сержантов флотилии. Однако, как отмечалось в отчётных документах, имеющийся младший начальствующий

состав не обеспечивал потребности формируемых соединений [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 773. Л. 43].

Национальный состав флотилии также изменился. На 1 июля 1941 г. в составе флотилии практически все были русскоязычные — 95,6% (7396 русских, 1255 украинцев, 52 белоруса), на 1 января 1945 г. — 86,8% (8122 русских, 795 украинцев, 82 белоруса). Численность татар увеличилась со 152 до 372 чел. (в 2,4 раза), мордвы — с 44 до 90 (в 2 раза), евреев — с 61 до 101 (в 1,6 раза), появились казахи (256 чел.), башкиры (170), узбеки (174 чел.), многие со слабым знанием русского языка [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 765. Л. 180 об.]

Благодаря усиленной партийно-пропагандистской работе число коммунистов в частях флотилии за годы войны увеличилось с 924 до 2,4 тыс. чел., а численность комсомольцев сократилась с 5,1 тыс. до 3,5 тыс. К началу 1945 г. удельный вес членов и кандидатов в члены партии составлял 23,3% против 10,2% в июле 1941 г., комсомольцев — соответственно 34,4% и 56,3% [ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1 Д. 765. Л. 180].

Таким образом, в годы Второй мировой войны численность личного состава Амурской Краснознамённой военной флотилии обуславливалась военно-оперативной обстановкой на театрах военных действий и необходимостью восполнения людских потерь при ограниченных резервах военнообязанных призывных возрастов. Если в предвоенные годы учёт и комплектование рядового и старшинского состава осуществлялись по отдельным частям флотилии, прибытие и убытие — по заранее намеченным планам, создавая резерв квалифицированных специалистов, то в годы войны — по соединениям и распределялись в части флотилии без учёта наличия в них военнослужащих по годам службы, и как результат — одни корабли имели более высокий удельный вес подготовленных специалистов, другие — молодое, слабо подготовленное пополнение. Однако соединения и части флотилии по дислокации, организационной структуре и боевому составу, наличию вооружения и боевой техники превосходили японскую Сунгарийскую военную флотилию

и успешно выполняли задачи прикрытия дальневосточных границ на сунгарийском, сахалино-цицикарском и приханкайском оперативных направлениях.

Литература и источники

1. Сборник материалов по опыту боевой деятельности военно-морских сил Союза ССР. М.: Воениздат, 1947.
2. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941—1945 гг. Владивосток, 2005. 331 с.
3. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края).
4. ЦВМА (Центральный Военно-Морской архив).

Транслитерация

1. Sbornik materialov po opytu boevoj dejatel'nosti voenno-morskih sil Sojuza SSR. M.: Voenizdat, 1947.
2. Tkacheva G.A. Oboronno-jekonomicheskij potencial Dal'nego Vostoka SSSR v 1941—1945 gg. Vladivostok, 2005. 331 s.
3. ГАНК (Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja).
4. CVMA (Central'nyj Voenno-Morskoj arhiv).

УДК: 947.085(571.61/.64)

Ю.М. Зайцев
Yu.M. Zaitsev

**Деятельность завода № 202 им. К.Е. Ворошилова (Дальзавод)
по обеспечению боевой готовности кораблей Тихоокеанского флота
(1941—1945 гг.)**

Исследуется одна из малоизвестных страниц деятельности завода № 202 (Дальзавод) по строительству и ремонту кораблей Тихоокеанского флота в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Дальзавод, Тихоокеанский флот, военное судостроение и судоремонт.

The activities of plant N202 named after K.E. Voroshilov (Dal'zavod) on securing fighting order of the Pacific Fleet ships (1941—1945)

The article deals with one of the little-known activities of the plant № 202 (Dal'zavod) for the construction and repair of ships of the Pacific Fleet during World War II.

Key words. Dal'zavod, Pacific Fleet, the military shipbuilding and ship repair.

Война застала Дальзавод в стадии реконструкции, которая в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 10 марта 1941 г. должна была закончиться в 1942 г. Наряду с реконструкцией, выполняемой Наркомстроем и Наркомсудпромом (НКСП) и непосредственно Строительным управлением № 2 треста Владнефтестрой Главдальстроя, завод продолжал строительство новых кораблей (табл. 1) и плановый ремонт корабельного состава Тихоокеанского флота.

Таблица 1

План военного судостроения Дальзавода на 3 квартал 1941 г.

Класс корабля, проект и название	Заводской номер	Техническая готовность			
		готовность на 1.01.1941 г., %	задание на 1941 г., %	выполнено на 1.07.1941 г., %	задание на 3 кв. 1941 г., %
ЭМ пр. 7 «Разящий».	319	33,6	40,0	11,9	12
ЭМ пр. 7 «Разумный».	1075	42,7	54,3	36,7	16,7
ПЛ IX серии «С-56»	405	40,3	59,7	—	*
ПЛ IX серии «С-51»	284	29,8	70,2	—	**
ПЛ IX серии «С-52»	285	1,1	54,5	14,1	18,7
ПЛ IX серии «С-53»	286	4,3	58,0	15,3	19,2
ПЛ IX серии «С-54»	403	—	—	—	***
ПЛ IX серии «С-55»	404	—	—	—	****

ПЛ X серии «Щ-135»	477	—	—	—	*****
ПЛ X серии «Щ-136»	478	66,2	33,8	—	*****
ПЛ X серии «Щ-137»	479	24,1	72,9	50,9	20,0
ПЛ X серии «Щ-138»	480	21,0	76,0	30,7	38,0

Источник. Приказ НК ВМФ № 00153 от 25.06. 1941 г. Выписка из приложения к Постановлению СНК СССР о плане военного судостроения на 3-й квартал 1941 г.; ЦВМА. Ф. 508. Оп. 678. Д. 17. Л. 195—206; Д. 13. Л. 51—59 (сост. авт.).

Примечание. * — сдача в августе 1941 г.; ** — сдача в сентябре 1941 г.; *** — сдача в январе 1941 г.; **** — сдача в мае 1941 г. ***** — сдача в июне 1941 г. («Щ-136» — в июле 1941 г.).

После сдачи большей части строящихся кораблей Тихоокеанскому флоту в 1941 г. основной задачей предприятия стали ремонт и модернизация надводных кораблей и подводных лодок флота. При этом производственная программа завода на 1942 г., утверждённая НКСП, втрое превышала фактическое выполнение плана 1941 г. Помимо ремонта боевых кораблей планом предусматривался большой объём ремонта коммерческого флота, занятого поставками по ленд-лизу [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 7. Л. 67]. Его выполнение во многом зависело от темпа и сроков реконструкции завода, оснащения оборудованием основных цехов. В 1941 г. бюро Приморского обкома ВКП (б) дважды заслушивало руководство строительной организации и выносило постановления с требованием выполнить в намеченные правительством сроки окончание реконструкции, но по ряду причин объективного и субъективного характера СУ № 2 не выполняло их [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 7. Л. 58—64]. На 1 января 1942 г. лишь восстановление сухого дока было выполнено более чем на 90%, а работы на отдельных ключевых объектах не начинались вовсе (табл. 2).

Таблица 2

Состояние реконструкции завода № 202 на 1.01.1942 г.

Наименование объекта	Сметная стоимость по титулу 1941 г., тыс. руб.	Техническая готовность на 1.01.1942 г., %	Сроки ввода в эксплуатацию
1	2	3	4
Восстановление сухого дока	17535,0	96,4	1 августа 1940 г.
Кузнечно-болтовой цех	4070,0	73,7	3 кв. 1941 г.
Ремонто-достроечный цех	3515,0	10,0	2 кв. 1942 г.

Турбо-дизельный цех	3843,0	48,0	3 кв. 1942 г.
Газоубежище № 2	1435,0	16,0	
Судомонтажный цех	1728,0	20,8	3 кв. 1942 г.
2 жилых дома по 50 квартир	6990,0	22,0	4 кв. 1942 г.
Главный магазин ЭМТа	1072,0	24,0	4 кв. 1942 г.
Цех ремонта приборов ЭМТа	823,0	57,0	4 кв. 1942 г.
Аккумуляторный цех	Работы не начаты		
Склады мобзапасов и демонтированных изделий			
Механизация сухих доков № 1 и 2 и достроечной набережной			
Газоубежище № 1			

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 7. Л. 59 (сост. авт.).

После окончания строительства надводных кораблей основной производственной программы Дальзавода становился ремонт боевых и вспомогательных кораблей Тихоокеанского флота, ледоколов Севморпути, занятых в обеспечении межтеатрового манёвра силами ВМФ, и доковый ремонт кораблей и судов дальневосточного бассейна. Завершалось строительство двух подводных лодок типа «С» («С-52», «С-53»), сдача которых задерживалась из-за отсутствия внешних поставок арматуры. Неблагоприятная обстановка, сложившаяся в начальный период войны, и утрата ряда предприятий в европейской части СССР, с которыми судостроительные и судоремонтные заводы Дальнего Востока взаимодействовали до её начала, их эвакуация и развёртывание производства на новых местах, негативно отразились на деятельности дальневосточных судостроителей и судоремонтников. Задержки в поставке комплектующих узлов и элементов для строящихся и ремонтируемых кораблей стали систематическими, что вызывало срыв плановых сроков ввода в строй новых кораблей и нарушение графика судоремонта.

Это обстоятельство привело к необходимости изготовления недостающих деталей и оборудования своими силами. Для этого заводу пришлось значительно увеличить нагрузку на станочный парк (40%), и в течение трёх месяцев были изготовлены недостающие комплектующие элементы. По существу эти работы положили начало обеспечению завода арматурой и мно-

гими деталями собственного производства; в дальнейшем они выполнялись и в интересах других дальневосточных предприятий. Ухудшение снабжения материалами для изготовления деталей, особенно сортовой легированной сталью, привело к тому, что завод начал осваивать технологию и методы восстановления изношенных деталей механизмов и устройств.

В годы войны завод № 202 освоил изготовление гребных винтов для торпедных катеров (ТКА) и морских охотников (МО), строившихся на заводе № 199. Ранее гребные винты заводом не изготавливались, а оборудование для их производства (копировальные станки) имелось только на некоторых судостроительных заводах западной части страны. Кроме того, по программе межзаводской кооперации и заданию Технического управления ВМФ Дальзавод начал изготовление гребных и промежуточных валов для этих кораблей. Поковки для валов должен был изготовить завод № 199, но из-за отсутствия стали нужной марки сделать этого не смог. Аналогичная проблема возникла с изготовлением гребных винтов. Отлитые в Комсомольске-на-Амуре гребные винты имели большое количество брака. Попытка заменить металл другой маркой стали также не дала требуемого результата. Лишь в конце ноября 1943 г. завод № 202 добился показателей, близких к техническим условиям, что позволило заводу № 199 увеличить процент готовности торпедных катеров и морских охотников [ГАПК. Ф. 27. Оп. 4. Д. 3. Л. 14].

Объективным фактором, влиявшим на выполнение производственных программ заводами, стало массовое поступление в ремонт кораблей довоенной постройки, у которых выходили плановые сроки капитального и среднего ремонта. Так, на Дальзаводе при общем снижении объема нового судостроения программа капитального и среднего ремонта кораблей ТОФ в 1941—1943 гг. возросла почти в два раза (табл. 3).

Таблица 3

**Программа нового судостроения и судоремонта кораблей ТОФ на заводе № 202
им. К.Е. Ворошилова в 1939—1943 гг.**

Показатели	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.
Отремонтировано и сдано судов (капиталь- ный и средний ремонт)	15	8	10	21	20
Построено новых ко- раблей	4	3	9	2	1

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 64 (сост. авт.).

В годы Великой Отечественной войны Дальзавод выполнил важнейшую задачу — подготовил корабли для усиления Северного и Черноморского флотов. Во исполнение постановления ГКО СССР от 5 июня 1942 г. № 1872 «О переводе Северным морским путём из Тихоокеанского флота в Северный флот одного лидера и трёх эсминцев в навигацию 1942 г.» [РГАС-ПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38. Л. 113, 157] приказом наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова № 00192 от 18 июня 1942 г. в состав группы кораблей, подлежащих передаче Северному флоту, были включены лидер «Баку» и три эскадренных миноносца проекта 7 («Разумный», «Разъяренный» и «Ревностный»), которые составили ядро Экспедиции особого назначения (ЭОН-18). Для обеспечения плавания кораблей в сплошных льдах, требовалось решить несколько технических задач: укрепить корпуса, обеспечить скорость на чистой воде более 20 узлов, в случае необходимости отклонения от противника, и 6—8 узлов — во льдах, обеспечить работу всех приборов, механизмов и устройств в условиях низких температур, сотрясений и вибрации корпуса корабля при его соударении со льдами. И, наконец, необходимо провести модернизацию вооружения кораблей с учётом боевого опыта воюющих флотов.

Эти работы следовало выполнить в кратчайшие сроки, так как выход отряда был запланирован на 15 июля 1942 г. Большой объём и сложность работ требовали отвлечения значительного числа квалифицированных рабочих от выполнения основной (плановой) программы.

Наиболее сложной и трудоёмкой задачей было обеспечение прочности корпуса в ледовых условиях. Некоторый опыт усиления корпусов кораблей уже имелся: ещё до войны ЦНИИ-45 разработал рекомендации по обеспечению их ледовой защиты. Несколько облегчало работу то, что подготовку к её установке начали заблаговременно. Флагманский инженер-механик А.И. Дубровин*, прибывший в декабре 1941 г. на завод № 202, предложил на основе этих рекомендаций вначале выполнить опытные работы по подкреплению корпуса на эсминце «Ретивый»: в январе 1942 г. эсминец был одет в так называемую «ледовую шубу», в которой в конце февраля успешно прошёл испытания в ледовых условиях залива Петра Великого. Результаты опыта были положены в основу оборудования остальных кораблей.

Инженеры, рабочие и личный состав кораблей трудились по 15—18 час. в сутки. Наконец все доковые работы выполнены, и в конце июня корабли встали у пирса завода для завершения всех работ на плаву. Для определения мореходных качеств кораблей сделали пробный выход в залив Восток. В процессе испытаний, длившихся несколько дней, выявилось, что из-за некоторой перегрузки и изменения обводов корпуса мореходные и маневренные качества кораблей изменились. Однако возросла уверенность, что они надёжно подготовлены для перехода через арктические льды. В этом же году в соответствии с постановлением ГКО СССР от 4 сентября № 2238 «Об усилении Северного флота шестью подводными лодками за счёт перевода их с Тихоокеанского флота» [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 54. Л. 155] завод № 202 выполнил доковый и текущий ремонт на подводных лодках «С-51», «С-54», «С-55» и «С-56», совершивших переход через Тихий и Атлантический океаны из Владивостока в Полярный.

Опыт судостроителей Дальзавода, полученный при подготовке лидера «Баку» и эсминцев к плаванию во льдах, потребовался уже в 1943 г., когда постановлением ГКО СССР № 3233 от 22 апреля «О переводе Северным

* Флагманский инженер-механик экспедиции капитан 2 ранга А.И. Дубровин был участником перехода Северным морским путём из Кронштадта во Владивосток эсминцев «Сталин» и «Войков» в 1936 г.

морским путём в навигацию 1943 года в состав Северного флота крейсера «Калинин» и одного миноносца» заводу поставили задачу оборудовать крейсер и эсминец «Ревностный»* ледовой защитой. Коллектив завода выполнил эту работу в установленные сроки [ГАПК. Ф. 27. Оп. 4. Д. 3. Л. 8], но из-за отсутствия ледоколов в Дальневосточном бассейне, которые в навигацию 1942/1943 г. остались в Белом море и физически не могли вернуться во Владивосток и совершить обратный переход за одну навигацию, задача перебазирования к концу года была снята** [ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 965. Л. 1].

Установка ледовой защиты на крейсере «Калинин» проекта 26 бис велась параллельно с достройкой после его прибытия из Комсомольска-на-Амуре. К работам, выполняемым специалистами Амурского судостроительного завода № 199, привлекались наиболее квалифицированные рабочие Дальзавода. При нахождении крейсера в доке на него погружен и установлен командно-дальномерный пост (КДП) и начат монтаж схемы артиллерийской стрельбы. Выполнение требований постановления ГКО СССР практически парализовало работу на других ремонтируемых и строящихся объектах. Так, цех № 4 в течение полутора месяцев занимался изготовлением крепежа ледовой защиты, а все сварщики, включая прикомандированных с других заводов, были привлечены к этим работам [ГАПК. Ф. 27. Оп. 4. Д. 3. Л. 9, 10].

Разумеется, срочность работ, и большой отрыв рабочих с других объектов не могли не сказаться на выполнении производственного плана завода. Вместе с тем программа нового судостроения Дальзавода на 1943 г. включала завершение строительства и сдачу флоту подводной лодки «С-52», строительство четырёх бензораздатчиков ёмкостью 65 т, строительство сухогрузной баржи водоизмещением 150 т., закладку шести тралыщиков проекта 263.

* Эсминец «Ревностный» планировался к переходу в составе ЭОН-18 совместно с лидером «Баку», но 18 июля 1942 г. на выходе из Татарского пролива столкнулся с пароходом «Терней» и получил серьёзные повреждения носовой части. Корабль был отбуксирован в док СРЗ № 1 Советской Гавани, где была отрезана носовая оконечность и изготовлена новая. Вся работа была выполнена за 17 суток, но догнать ушедшие корабли «Ревностный» уже не мог, и в дальнейшем из состава экспедиции был исключён.

** Приказом НК ВМФ № 00151 от 1 июня 1943 г. «Об отмене перевода КР «Калинин» и ЭМ «Ревностный» с ТОФ на СФ», было объявлено решение правительства об отмене этого перехода и связанных с ним мероприятий. Командование и штаб Особого отряда кораблей, назначенные приказом НК ВМФ № 00127 от 4 мая 1943 г. были расформированы. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 965. Л. 1.

С задержкой по указанным выше причинам в июне 1943 г. была сдана Тихоокеанскому флоту подводная лодка «С-52», на которой выполнены не предусмотренные проектом дополнительные работы, улучшившие её тактико-технические характеристики: установлены система беспузырной торпедной стрельбы (БТС), аккумуляторная батарея, приборы и механизмы на амортизаторы и т.п. В конце августа завершили строительство сухогрузной баржи. Сложнее обстояло дело со строительством бензораздатчиков, работы на которых осуществлялись по мере освобождения рабочих с более срочных объектов. Вследствие этого техническая готовность бензораздатчиков № 121 и № 122 на 1 января 1944 г. составила 38,6%, а на двух других (№ 123 и № 124) работы не велись вообще. Из-за отсутствия металла и необходимой рабочей силы не состоялась запланированная закладка шести тральщиков, и в четвёртом квартале Наркомсудпром исключил их из программы завода [ГАПК. Ф. 27. Оп. 4. Д. 3. Л. 6].

Большой объём работ в 1943 г. был запланирован по капитальному ремонту кораблей Тихоокеанского флота. Капитальному ремонту подлежали 25 подводных лодок и 2 сторожевых корабля (табл. 4), однако такое количество кораблей завод принять и одновременно отремонтировать не мог. Из запланированных к сдаче в 3—4 квартале 1943 г. 10 подводных лодок, ремонт был завершён на трёх — типа «М» («М-1», «М-4» и «М-5» — в августе 1943 г.) и одной — типа «Щ» (31 декабря). С высоким процентом готовности перенесена на 1944 г. сдача флоту подводных лодок «М-2», «М-6» и «М-20». На подводной лодке «Щ-101», техническая готовность которой на 1 января 1944 г. составляла 87,5%, завершили монтаж оборудования, провели швартовные испытания, и подготовили её к ходовым заводским испытаниям. С такой же готовностью (87,9%) перенесена сдача в эксплуатацию подводной лодки «Щ-104», а с готовностью 91% в январе 1944 г. начали заводские ходовые испытания после капитального ремонта СКР «Бурун».

Таблица 4

План капитального ремонта кораблей Тихоокеанского флота заводом № 202 в 1943 г.

Показатели	План, ед.		Фактически выполнено, ед.	
	кол-во кораблей, подлежащих ремонту	из них запланировано к сдаче	находятся в ремонте	сданы в эксплуатацию
Подводные лодки типа «Щ»	9	3	5	1
Подводные лодки типа «М»	16	6	8	3
Сторожевые корабли	2	1	2	—

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 3. Л. 7 (сост. авт.).

Всего же за пятилетку 1939—1943 гг. завод № 202 отремонтировал 136 кораблей Тихоокеанского флота и провёл 432 доковые операции с боевыми кораблями и вспомогательными судами флота. При этом наибольшее количество кораблей, отремонтированных за эти годы, приходится на период Великой Отечественной войны (табл. 5).

Таблица 5

Ремонт кораблей Тихоокеанского флота на заводе № 202 в 1939—1943 гг.

Показатели	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	Всего
Всего отремонтировано	30	29	14	41	22	136
В том числе:						
капитальный ремонт	—	1	2	8	4	15
средний ремонт	15	7	8	13	11	54
текущий ремонт	15	21	4	20	7	67
Продокковано кораблей	57	64	108	97	108	432

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 82 (сост. авт.).

Одновременно с постройкой и ремонтом боевых кораблей в 1941—1943 гг. завод № 202 выполнял работы по модернизации кораблей, оснащению их современной техникой и вооружением. Выполняя эти работы, заводу пришлось осваивать технологию изготовления не встречавшихся ранее деталей и устройств, и, как правило, конструктивно дорабатывать присылаемые проекты. В течение 1941 г. полностью освоили установку удлинённых перископов. Во время доковых стоянок ими оснастили большую часть подводных лодок. В течение 1941—1942 гг. почти весь подводный флот был вооружён системой БТС. Крупные работы по модернизации провели на подводных

лодках V серии («Малютки»): бортовые балластные цистерны переделали под топливо, что увеличивало автономность и дальность плавания [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 64 об]. Значительный объём работ был проведен по обесшумливанию подводных лодок: по чертежам завода все механизмы, устройства и системы установили на амортизаторы, что снизило шумность и увеличило скрытность подводных лодок. По проекту инженера А.П. Соловьева изготовили опытный образец бортового минного устройства (БМУ), который после одобрения Наркоматом ВМФ принят в серийное производство и адаптирован для различных проектов подводных лодок. На надводных кораблях установили новую гидроакустическую аппаратуру и артиллерийские системы. Под гидроакустическую контрольную станцию переоборудовали сторожевой корабль «Красный Вымпел».

На сумму более 27 млн руб. в 1943 г. были выполнены работы по среднему ремонту боевых кораблей и вспомогательных судов ТОФ (табл. 6).

Таблица 6

Средний ремонт кораблей ТОФ и сдача их в эксплуатацию в 1943 г.

Ремонтируемые корабли	Находились в ремонте, ед.	Сдано в эксплуатацию, ед.
Быстроходные тральщики	3 («Проводник», «Чека», «Веха»)	1
Минные заградители	4 («Ворошиловск», «Аргунь», «Гижига и «Аян»)	3
Буксиры	2 («Геркулес», «Менжинский»)	2
Гидрографическое судно	1 («Полярный»)	1
Ледоколы	2 («Казак Хабаров» и «Добрыня Никитич»)	2
Подводные лодки типа «...?»	2 («Л-10» и «Л-12»)	1
Подводные лодки типа «Щ»	3 («Щ-131», «Щ-132», «Щ-139»)	1

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 3. Л. 11 (сост. авт.).

В 1943 г. сделали подкрепление корпусов на эсминцах «Рекордный», «Разящий», «Резкий», «Рьяный» и СКР «Метель». Гарантийный, текущий и плановый ремонт произведён на подводных лодках «Щ-106», «Щ-108», «Щ-

110», «Щ-112», «Щ-133», «М-16», «М-114» и «С-53». На эсминце «Расторопный» выполнили аварийный ремонт: заново изготовили носовую часть корпуса до 32 шпангоута, сделали подкрепление корпуса, установили и испытали ледовую защиту. Общая продолжительность работ на аварийном корабле составила немногим более четырёх месяцев.

Условия плавания кораблей в Японском море требовали регулярного докового ремонта из-за интенсивного обрастания корпусов и забортных отверстий, а также коррозии металла. В 1943 г. более 100 кораблей ТОФ прошли ремонт в сухих доках Дальзавода, в том числе 44 подводные лодки, 22 тральщика, 15 эсминцев и др. (табл. 7).

Таблица 7

**Количество постановок и кораблей, прошедших доковый ремонт
на заводе № 202 в 1942—1943 гг.**

№ доков	В 1942 г.		В 1943 г.	
	количество постановок	отдокано объектов	количество постановок	отдокано объектов
1	13	30	8	31
2	9	34	9	41
3	10	49	8	48

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 3. Л. 11—13 (сост. авт.).

Помимо программы собственно судостроения и судоремонта на коллектив Дальзавода легла ответственность за изготовление несвойственной ранее продукции, продиктованной обстоятельствами военного времени. Так, по линии межзаводской кооперации на дальневосточные заводы Наркомсудпрома возлагалось изготовление боеприпасов и запасных частей для ремонта кораблей, задания на которые выдавались Наркомсудпромом в соответствии с ежеквартальными постановлениями ГКО СССР.

Межзаводская кооперация в условиях задержки поставок комплектующего оборудования и материалов для строящихся и ремонтирующихся кораблей стала тяжким бременем для крупных заводов, как, например, Дальзавод. Не рассчитанные на выполнение дополнительных заказов, ни по количеству выделяемых материалов, ни по фактической численности рабочих, они вынуждены были в первую очередь выполнять работы по кооперации в

ущерб своему плану. Такое положение стало причиной обращения в Главки и Наркомат ВМФ с ходатайством о снятии части работ и передаче их другим предприятиям. Так, руководство Дальзавода из-за большой перегруженности дизельной группы просило Наркомсудпром освободить предприятие от ремонта дизелей для подводных лодок, ремонтируемых в Комсомольске-на-Амуре, справедливо полагая, что Амурский завод в состоянии справиться с этими заказами самостоятельно. Тем не менее, несмотря на внутризаводские проблемы, постановления ГКО СССР и приказы Наркомсудпрома требовалось выполнять. Следует отметить, что руководство Наркомсудпрома и Главморпрома назначало плановые задания по межзаводской кооперации, исходя из производственных возможностей предприятий. Так, завод № 202, освоивший ремонт и восстановление дизелей подводных лодок и надводных кораблей и имевший специализированное оборудование для этого, помимо своих работ обязывали вести монтаж, обслуживание и ремонт дизелей для ремонтируемых и строящихся кораблей на заводах № 386 (г. Хабаровск) и № 199 (г. Комсомольск-на-Амуре). Вместе с тем, приказом замнаркома НКСП предусматривалось централизованное обеспечение Дальзавода запасными частями для дизелей (цилиндровые блоки, втулки, пальцы поршней, топливная арматура и т.п.), однако в 1943 г. это распоряжение заводами-поставщиками выполнено не было, что вынудило освоить и внедрить в производство ремонт и восстановление цилиндровых блоков, поршневых пальцев, топливной арматуры. Серьёзной проблемой стало отсутствие фондов на материалы для заказов по межзаводской кооперации, с одной стороны, и требование НКСП использовать имеющиеся материалы только на целевые нужды своего предприятия, с другой. Это явилось одной из причин невыполнения кооперированных заказов в интересах других дальневосточных предприятий [ГАПК. Ф. 27. Оп. 4. Д. 3. Л. 16]. Несмотря на все трудности коллектив Дальзавода в 1943 г. выполнил значительный объём работ, связанных с межзаводской кооперацией (табл. 8).

Таблица 8

Программа завода № 202 им. К.Е. Ворошилова по межзаводской кооперации в 1943 г.

Наименование работ	Сумма товарного выпуска, тыс. руб.
Капитальный ремонт дизелей:	
для завода № 199 — 8 шт.	1530,0
для завода № 368 — 2 шт.	408,0
монтаж дизелей на заводах № 199 и № 368	473,0
Газогенераторные установки для автомашин:	
заводу № 199	367,0
заводу № 368	344,0
заводу № 369	129,0
Головки зажигательных авиабомб, рулевая машина, паровой котел для завода № 368 и другие работы	н/св
Услуги заводу № 199 по гарантийному ремонту ЭМ «Решительный»	466,0
Услуги заводу № 199 по сдаче КР «Калинин»	533,0

Источник. ГАПК. Ф. 27. Оп. 4. Д. 3. Л. 15 (сост. авт.).

Кроме того, на базе Дальзавода проходила доводка и подготовка к государственным испытаниям кораблей, построенных в Комсомольске-на-Амуре, подготовка их к государственным испытаниям, а также подготовка к ходовым испытаниям кораблей ТОФ, отремонтированных на заводах № 199 и № 368. Так, в 1943—1944 гг. у причалов предприятия находилось до 6 сдаточных кораблей, на которых предстояло установить оборудование, укрепить корпуса и выполнить другие работы, которые не могли сделать немногочисленные сдаточные команды судоремонтников Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

В четвёртом квартале 1943 г. начали ввод в эксплуатацию завода № 263 в Советской Гавани. В целях оказания ему организационной и хозяйственной помощи в начале производственной деятельности по распоряжению СНК СССР его определили как филиал завода № 202. Для его оснащения Наркоматом было выделено с импорта оборудование, которое в навигацию переправлено в Советскую Гавань. Завод № 202 командировал производственных и вспомогательных рабочих, укомплектовал аппарат заводууправления и цехов, выделил инструменты, материалы и оборудование (как по разнарядке, так и дополнительно), требующиеся для производства. Однако имея недо-

комплект производственных рабочих на основном предприятии, он не мог в полной мере обеспечить филиал, который насчитывал 130 производственных рабочих, 65 чел. вспомогательного состава и 70 инженерно-технических работников. При этом только на обслуживание электростанции, электрических сетей, насосной, водопровода, канализации и т.п. завод вынужден был дополнительно выделять 59 чел. из числа квалифицированных рабочих (около 45% от общей численности производственных рабочих) в ущерб основному производству [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 105 об., 106].

Исходя из производственных площадей и введённого в эксплуатацию оборудования, заводу № 263 требовалось 800 рабочих и 200 — вспомогательного персонала. С такими людскими ресурсами завод мог бы выйти в 1944 г. на плановую выработку продукции в 35 млн руб. против 9,3 млн руб. в 1943 г.

Кроме этого новый завод испытывал острую нужду в судоремонтных и горюче-смазочных материалах и топливе, которая покрывалась за счёт Северной Тихоокеанской флотилии, чьи корабли ремонтировались на заводе, и предприятий местной промышленности.

Руководство Дальзавода видело выход из создавшегося положения в решении ряда проблемных вопросов только на уровне наркомата Судостроительной промышленности и СНК СССР. Для этого предлагалось:

1. выделить завод № 263 в самостоятельный завод с подчинением его непосредственно НКСП;
2. обязать НКСП обеспечить его рабочей силой в количестве 800 чел., судоремонтными материалами и увеличить соответственно программу на 1944 г.;
3. Выделить по заявкам завода недостающее оборудование корпусному цеху, литейному и термическому цехам;
4. Разрешить использование свободных площадей завода № 263 для нужд строительства № 500 (железная дорога Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань), обязав Наркомат Внутренних дел выделить для этого рабочую силу, а НКСП принять заказы [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 106, 106 об.].

Последнее предложение представлялось наиболее реальным, так как НКСП не мог обеспечить рабочей силой даже основные действующие предприятия, а по мере освобождения оккупированных территорий планировал возвращать эвакуированных рабочих на восстановление разрушенного хозяйства. Нельзя было соглашаться и с предложением руководителей строительства № 500 о выделении им производственных площадей для организации самостоятельного производства на время строительства дороги. В этом случае завод № 263 оказался бы в ещё более тяжёлом положении. Рабочими он по-прежнему был бы не укомплектован, а водой, электроэнергией и другими видами обслуживания должен был обеспечивать не только себя, но и стройку № 500, что привело бы к увеличению штата обеспечивающего персонала. Передача же части оборудования строительству № 500 лишала завод возможности станочных работ, выполнения поковок и литья, и также могло требовать дополнительной рабочей силой.

Однако нарком судостроительной промышленности И.И. Носенко* отверг предложения руководства Дальзавода, мотивируя отказ о выделении завода в самостоятельное производство необходимостью предоставить заводу время для укрепления его хозяйственной и организационной деятельности в рамках филиала. Усилить кадровый состав завода рабочей силой он также был не в состоянии. Поэтому до 1944 г. завод оставался в прежнем статусе — филиал Дальзавода.

Несмотря на производственные проблемы и отставание от графика [ГАПК. Ф. 27. Оп. 4. Д. 3. Л. 19]**, в 1943 г. на заводе № 263 провели средний ремонт с модернизацией на подводных лодках «М-46», «М-47» и «М-48», тральщике № 19, текущий ремонт — на гидрографическом судне «Океан», тральщике № 121 и ряде плавсредств тыла Северной Тихоокеанской флотилии (СТОФ).

* *Носенко Иван Исидорович* (1902—1956), зам. наркома судостроительной промышленности (1939—1940), нарком судостроительной промышленности (1940—1946), инженер-контр-адмирал (1944), министр транспортного машиностроения (1947—1950), 1-й заместитель министра судостроения (1950—1954), министр среднего машиностроения (атомной энергетики, 1954—1956), канд. в чл. ЦК ВКП(б) с 1941 г., депутат Верховного Совета СССР VI созыва.

** План выпуска оборонной товарной продукции заводом № 263 в 1943 г. был выполнен только на 47%.

В 1944 г. на Дальзаводе сохранялась тенденция отставания от графика ремонта кораблей Тихоокеанского флота (табл. 9), которая объяснялась:

- неукомплектованностью предприятия рабочей силой;
- большим невыполнением годового плана заводом № 263 (59,1%);
- нерегулярным и ограниченным снабжением завода необходимыми судоремонтными материалами, что приводило к задержкам в работе, простоям и вторичным работам на кораблях (отсутствие леса и изоляционных материалов задерживало доковый ремонт и оборудование помещений, окончание ремонта и швартовые испытания механизмов на ТЩ «Ара», ЭМ «Резвый», лидере «Тбилиси», БТЩ «Подсекатель», МЗ «Аян» и др.);
- выполнением в сравнительно короткие сроки сверхплановых работ по ремонту ледоколов Севморпути, демонтажу, ремонту и отправке 10 подводных лодок типа «М» на Черноморский флот, работами на сдаточных объектах для заводов № 199 и № 368, работами по межзаводской кооперации и модернизации кораблей ВМФ;
- большой загрузкой станочного парка срочными работами по межзаводской кооперации при недостаточной укомплектованности рабочими, что не давало возможности заблаговременно изготавливать детали для ремонта кораблей;
- недостаточной мощностью дизельного участка и загрузкой его большим объемом работ по ремонту дизелей для заводов № 199 и № 368 в порядке межзаводской кооперации почти при полном отсутствии запасных частей.

Недокомплект рабочей силы в 1944 г. в среднем составил 11,4% с учетом того, что в число рабочих включены краснофлотцы ремонтирующихся кораблей.

Невыполнение плана по заводу № 263 было обусловлено отсутствием опыта работы на боевых кораблях, недостаточной обеспеченностью рабочей силой и материалами, оторванностью филиала от основного предприятия из-

за сезонности транспортных коммуникаций (невозможностью поставки материалов и рабочей силы в период ледостава с ноября по апрель) и другими факторами объективного характера.

Отсутствие материалов и оборудования, поставляемых по межзаводской кооперации заводами западной части страны, а также опыта в их самостоятельном изготовлении задерживало окончание ремонта и швартовых испытаний механизмов на ТЦ «Ара», ЭМ «Резвый», лидере «Тбилиси», быстроходном тральщике «Подсекатель», минном заградителе «Аян» и ремонте дизелей капитально ремонтируемых подводных лодок.

Обеспеченность рабочей силой и производство деталей для ремонта дизелей усугубило возвращение на свои предприятия ранее эвакуированных рабочих Харьковского тракторного и Коломенского заводов.

Таблица 9

Выполнение программы строительства и ремонта кораблей ТОФ в 1944 г.

	Подлежало сдаче	Фактически сдано	Перешло на 1945 г.
1. Новое судостроение			
Бензораздатчики № 121 и № 122	2	—	2
2. Капитальный ремонт			
Подводные лодки типа «Щ» (Щ-101, 104, 125, 128)	4	2	2
Подводные лодки типа «М» (М-2, 6, 20, 8, 11)	5	3	2
Сторожевые корабли «Бурун» и «Гром»	2	1	1
Быстроходный тральщик «Подсекатель»	1	—	1
3. Средний ремонт			
Быстроходные тральщики: «Чека», «Веха», «Параван»	3	2	1
Тральщик «Ара»	1	1	—
Минный заградитель «Аян»	1	1	—
Шхуна «Быстрая»	1	1	—
Гидрографическое судно «Партизан»	1	1	—
Лидер «Тбилиси»	1	—	1
Сухогрузные баржи	2	—	2
Подводные лодки типа «Щ» (Щ-131, 132, 15)	3	3	—
Подводные лодки типа «Л» (Л-12)	1	1	—

Подводные лодки типа «М» (М-46, 47, 48)	3	2	1
4. Гарантийный и текущий ремонт			
Эсминцы «Резвый», «Ретивый», «Рьяный», «Разящий», «Резкий»	5	5	—
Буксир «Геркулес»	1	1	—
Сторожевой корабль «Вьюга»	1	1	—
Подводные лодки типа «Щ» (Щ-110, 112, 101, 102, 104)	5	2	3
Подводные лодки типа «М» (М-1, 4, 5)	3	3	—
Подводные лодки типа «С» (С-52, 53)	2	2	—
Плавбатареи	1	—	1
Шхуна «Работница»	1	—	1

Источник. ГАПК. Ф. 27. Оп. 23. Д. 11. Л. 6, 6 об. (сост. авт.).

Значительный объём внеплановых работ, повлиявших на реализацию годовой программы завода, был выполнен в соответствии с Постановлением ГКО СССР от 13 апреля 1944 г. № 5619 «О переводе 10 подводных лодок типа «М» с Тихоокеанского флота в Чёрное море». Приказом наркома ВМФ для восполнения потерь подводного флота на Чёрном море были определены тихоокеанские «Малютки» «М-23» — «М-28», «М-30», «М-114» — «М-116». Военным советом Тихоокеанского флота утверждён план мероприятий по подготовке подводных лодок к отправке, который включал предзаводские работы (выгрузка аккумуляторных батарей, откачка топлива, воды и масла, снятие части имущества и т.п.; объём и порядок демонтажа и консервации снятого оборудования; объём и порядок работ по маскировке лодок и оборудования после погрузки на подвижной состав). На Дальзаводе производили демонтажные работы, в ходе которых с кораблей сняли ограждения боевой рубки и все устройства и системы внутри ограждения, боевую рубку со всем оборудованием, поворотное устройство шумопеленгатора «Тамир», радиопеленгатор, ограждение носовых и кормовых горизонтальных рулей и нижнее ограждение вертикального руля, обтекатель докового балласта, балласт, рули и баллеры, гребной винт, якорь с якорь-цепью и волнорезные щиты торпедных аппаратов. Все демонтированные детали, требовавшие ремонта, ремонтировались в цехах завода, а наиболее изношенные заменялись новыми. На

каждую подводную лодку при разборке составлялся подробный перечень снятых деталей, которые маркировали и после консервации укладывали в ящики вместе с описью. Подводные лодки грузили и крепили на железнодорожные транспортёры, а снятое оборудование — на платформы, всё маскировали брезентовыми чехлами без придания каких-либо определённых форм. В период с 5 июня по 6 октября подводные лодки отправили в г. Потти [2, с. 36—39].

Кроме того завод выполнил ремонт ледоколов «Каганович» и «Молотов» Севморпути, которые в зимнее время осуществляли проводку через пролив Лаперуза судов Дальневосточного морского пароходства с грузами из США и Канады.

Указанные выше причины влияли, в первую очередь, на выполнение программы нового судостроения. Так, объём выполненных работ по строительству бензораздатчиков № 121 и № 122, которые завод должен был сдать флоту в 1944 г., на 1 января 1945 г. составил 62,7% и 55,2% соответственно, а на двух остальных (№ 123 и № 124) — работы не производились вообще.

Из 12 кораблей, проходивших капитальный ремонт в Дальзаводе и подлежавших сдаче флоту в 1944 г., удалось сдать только шесть (табл. 10). Решением Военного совета Тихоокеанского флота окончание ремонта СКР «Гром» перенесено на 1945 г. Полностью завершён ремонт и переданы флоту подводные лодки «Щ-101», «Щ-104», «М-2», «М-6», «М-20» и СКР «Бурун». Сдача остальных подводных лодок («Щ-125», «Щ-128», «М-8», «М-11») и БТЩ «Подсекатель» перенесена на 1945 г. Ремонт подводных лодок «Щ-125» и «Щ-128» к концу 1944 г. был завершён, они прошли ходовые заводские и государственные испытания, и во второй половине января 1945 г. были сданы Тихоокеанскому флоту. Значительно ниже был процент готовности «Малюток» (48,45%), на которых выполнены работы по ремонту корпуса и вспомогательных механизмов, но из-за срочного ремонта дизелей для завода № 199, не отремонтированы двигательные установки.

В 1944 г. завод впервые капитально ремонтировал быстроходные тральщики (БТЩ «Подсекатель»). Не имея опыта подобных работ и соответствующей документации, специалисты завода не смогли точно установить объём и стоимость ремонта, которая значительно увеличилась по сравнению с первоначальной. Тем не менее, готовность корабля на 1 января 1945 г. составила 64,6%. Его подготовили к швартовным испытаниям, которые планировалось начать уже в январе [ГАПК. Ф. 27. Оп. 23. Д. 11. Л. 14 об., 15].

Таблица 10

Выполнение плана капитального ремонта кораблей ТОФ в 1944 г.

Корабли	План		Выполнение	
	количество кораблей, подлежащих ремонту	из них запланировано к сдаче	находилось в ремонте	сдано
Подводные лодки типа «Щ»	6	4	6	2
Подводные лодки типа «М»	7	5	7	3
Подводные лодки типа «Л»	1	—	1	—
Быстроходные тральщики	3	1	2	—

Источник. ГАПК. Ф. 27. Оп. 23. Д. 11. Л. 14 (сост. авт.).

По плану гарантийного и текущего ремонта, модернизации кораблей ТОФ в 1944 г. отремонтировали эсминцы «Разящий» и «Резкий», сторожевой корабль «Вьюга», подводные лодки «Щ-110», «Щ-112», «М-1», «М-4» и «М-5», «С-52» и «С-53», подкрепление корпусов сделали на эсминцах «Ретивый», «Рьяный», «Резвый» и «Расторопный», лидере «Тбилиси», сторожевом корабле «Гром», установили бортовое минное устройство на подводных лодках «Щ-125» и «Щ-129», сняли ледовую защиту с корпуса крейсера «Калинин».

При модернизации кораблей установили радиолокационную аппаратуру на крейсере «Калинин», эсминцах «Резкий», «Редкий», «Резвый» и лидере «Тбилиси», заменили зенитную артиллерию на эсминцах «Резвый», «Расторопный», лидере «Тбилиси», быстроходных тральщиках «Подсекатель» и «Проводник». Кроме этого для эсминца «Резвый» изготовили опытную конструкцию шахт артиллерийских погребов.

В 1943—1945 гг. Дальзавод стал своеобразной лабораторией, где проходили испытания новые разработки систем и аппаратуры надводных кораблей и подводных лодок. Новейшими системами управления подводными лодками, торпедной стрельбой, гидролокационной аппаратурой и усовершенствованными шумопеленгаторными станциями оборудовали подводные лодки. Так, аппаратуру стабилизации глубины подводной лодки без хода «Спрут» установили на подводных лодках «Щ-121», «Щ-124», «Щ-134», «Щ-135» и «Щ-139», на подводных лодках «Щ-132» и «С-52» — шумопеленгаторные станции «Марс-16» и «Марс-24» и малошумные винты. Для увеличения скрытности подводных лодок изготовили 27 комплектов выдвижных антенн связи «ВАН-1» и «ВАН-3», два из которых установили наПЛ «Щ-109» и «Щ-135». На подводной лодке «Л-12» установлен гидролокатор «Дракон-129», а на «С-52» и «С-53» смонтировали опытные образцы гидролокационной станции «Тамир-5л», которую после успешных государственных испытаний приняли на вооружение в 1945 г.

В 1943 г. на заводе № 251 НКСП изготовлен и прошёл заводские испытания опытный образец торпедного автомата стрельбы «Трап». По приказу № 0756 Наркома Военно-Морского флота Н.Г. Кузнецова «Трап» установили в Дальзаводе на тихоокеанскую подводную лодку «Л-14» для прохождения государственных испытаний [ГАПК. Ф. 27. Оп. 23. Д. 11. Л. 15 об.]. По окончании испытаний приказом НК ВМФ № 0283 от 11 апреля 1944 г. «Трап» под шифром «ТАС-Л» (торпедный автомат стрельбы — лодочный) был принят на вооружение. Этим же приказом Наркомсудпрому поручили изготовить в 1945 г. 50 комплектов аппаратуры и установить её на других подводных лодках. На торпедных аппаратах подводных лодок «М-2» и «М-20» смонтировали приборы установки глубины хода и курса торпед ПУГ–ПУПО*, которые впоследствии внедрили на всех подводных лодках ВМФ.

Эти работы, проведённые на Дальзаводе, способствовали повышению эффективности боевой деятельности кораблей воюющих флотов и внесли большой вклад в победу в Великой Отечественной войне.

* ПУПО — прибор установки прибора Обри (Обри — прибор установки курса торпеды)

Ремонт кораблей ТОФ проходил одновременно с продолжавшейся реконструкцией завода № 202, начатой перед войной. В связи со значительным сокращением численности рабочих, и недостатком строительных материалов и оборудования темпы реконструкции в годы войны значительно снизились. Так, план капитального строительства за семь месяцев 1943 г. был выполнен лишь на 84,9%, в том числе подрядной организацией стройконторой № 2 треста Владнефтестрой на 56,2%. Нарком судостроительной промышленности И.И. Носенко в приказе от 14 августа отметил причины невыполнения плана: значительное отвлечение рабочей силы подрядной организации и Отдела капитального строительства завода на работы, не связанные со строительством, не согласованные с наркоматом изменения в проекте и т.п. Вместе с тем часть построенных объектов, которые фактически эксплуатировались, но не были приняты на баланс завода, в результате — числились как незавершенное строительство [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 128].

Сохранались и проблемы с обеспечением оборудованием, запасными частями и судоремонтными материалами. Особенно остро стоял вопрос с поставками материалов для ремонта кораблей Тихоокеанского флота. Дальзавод с разрешения СНК и ГКО СССР изыал часть материалов из мобилизационных запасов, которые восполнить было нечем. Для устранения причин, тормозящих судоремонт, руководство завода и Приморского крайкома ВКП (б) представили на рассмотрение в Наркомсудпром и СНК СССР свои предложения:

- освободить завод № 202 от ремонта дизелей для завода № 199 из-за перегруженности дизельной группы;
- снять задания на выполнение заказов для Наркомсудпрома и других наркоматов из-за перегруженности мелкого и среднего токарного оборудования;
- перевести снабжение дальневосточных заводов материалами и оборудованием, поступавшими по импорту через Владивостокский порт, для чего создать Дальневосточную контору Главсудснаба НКСП, которая бы

аккумулировала и реализовывала фонды материалов среди дальневосточных предприятий Наркомсудпрома;

- выделить фонды для восполнения материалов, изъятых из мобилизационных запасов в 1942—1943 гг.;
- выделить целевым назначением стройматериалы и оборудование для работ по реконструкции завода по плану 1944 г. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 79, 79 об.].

29 октября 1944 г. ГКО СССР принял постановление № 6836 с «О мероприятиях по судостроительным заводам НКСП на Дальнем Востоке» [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 329. Л. 29—41], которым определил комплекс мероприятий по дальнейшей реконструкции завода № 202, строительству завода № 263 в Советской Гавани и Электроремонтного завода Электромортреста (ЭМТ) во Владивостоке, обеспечению их материалами и оборудованием. В постановлении учитывались предложения Приморского крайкома ВКП (б) по срокам введения в строй новых цехов завода № 202, приданию заводу № 263 статуса самостоятельного и другие.

Дальнейшая реконструкция завода № 202 и строительство завода ЭМТ, как и ранее, возлагались на Стройуправление № 1 Отдельной строительномонтажной части (ОСМЧ) Владнефтестрой Наркомстроя СССР. Запрещалось загружать Стройуправление № 1 работами, не связанными со строительством указанных заводов. Для строительства завода № 263 в Совгавани ГУЛАГу НКВД выделялись необходимые средства. Руководителям профильных наркоматов поставили задачу обеспечить Дальзавод импортными токарными, револьверными станками и другим оборудованием, целевым назначением для дальневосточных заводов выделить фонды на строительные и судоремонтные материалы, топливо, лесоматериалы и продовольствие. Запретили загружать Дальзавод заказами, не связанными с судоремонтом, мобилизацию рабочих, инженерно-технических работников и автогужевого транспорта, занятых в судоремонте и на строительстве заводов № 202 и № 263.

Командование Дальневосточным фронтом обязали выделить 750 чел. из числа военнообязанных и военнотружущих, не годных к строевой службе, но годных к физическому труду на строительство завода № 202. Комитету по учёту и распределению рабочей силы надлежало мобилизовать и направить в 4-м квартале 1944 г. на капитальное строительство завода ещё 150 чел. из числа неработающего населения Владивостока.

Наркому судостроительной промышленности И.И. Носенко предписывалось выделить филиал завода № 202 в Советской Гавани (завод № 263) в самостоятельный Судоремонтный завод, а для «...максимального закрепления рабочих и служащих на заводах № 202 и № 263 всемерно поощрять индивидуальное строительство, оказывая помощь рабочим — индивидуальным застройщикам, в отпуске строительных материалов» [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 329. Л. 34].

Секретарю Приморского крайкома ВКП (б) Н.М. Пегову и председателю Приморского крайисполкома А.Ф. Блощаненко вменялось в обязанности оказание помощи заводу № 202 и Дальневосточному предприятию «Электромортрест» в реализации постановления ГКО, «...обратив особое внимание на обеспечение строительства новых цехов завода № 202, электроремонтного завода НКСП и наращение мощностей этих заводов» [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 329. Л. 33, 34].

В приложении № 1 данного постановления утверждались титульный список строительства и сроки ввода в строй основных объектов завода № 202 и Электроремонтного завода ЭМТ (табл. 11).

Таблица 11

Титульный список по строительству и вводу в строй основных объектов завода № 202 и электроремонтного завода НКСП, осуществляемых Наркомстроем в г. Владивосток

Наименование объектов строительства	Срок ввода в действие
1. Завод № 202	
Турбодизельный цех	III кв. 1945 г.
Литейный цех	II кв. 1945 г.
Сухой док № 1 (восстановление)	IV кв. 1945 г.
Судомонтажный цех	IV кв. 1945 г.
Наружные работы (водопровод, канализация, теплосеть, планировка и проч. недостатки)	III—IV кв. 1945 г.

2. Электроремонтный завод	
Главный корпус	IV кв. 1945 г.
Конструкторское бюро	IV кв. 1945 г.
Водопровод, канализация, планировка и дороги	III—IV кв. 1945 г.
Главный магазин	II кв. 1945 г.

Источник. РГА СПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 329. Л. 35.

В конце 1944 — начале 1945 г. на Дальзаводе проведён осмотр основных и вспомогательных цехов, выявивший необходимость ремонта кровли и цементных полов в зданиях дореволюционной постройки и капитального ремонта зданий, возведённых в 1930—1940-х гг. Каменная набережная протяжённостью 330 п.м (построена в 1898 г.) со времени постройки не ремонтировалась, во многих местах имелись разрушения бетонного массива на уровне воды и каменных лестниц для спуска к воде, оторванные отбойные брусья, во многих местах отсутствовали облицовочные гранитные плиты. Подводная часть осмотру не подвергалась и состояние её неизвестно [ГАПК. Ф. 27. Оп. 23. Д. 11. Л. 173—176].

В результате обследования выяснилось, что в лучшем состоянии оказались объекты предприятия, выстроенные в конце XIX — начале XX в. В них требовался только ремонт кровли и цементных полов. Здания 1930—1940-х гг. строились наспех, из некачественных материалов, с большими недоделками, поэтому уже через несколько лет эксплуатации требовали капитального ремонта и реконструкции.

Руководством завода и Приморским крайкомом ВКП (б) определены сметная стоимость реконструкции завода с учётом уже выполненных работ и на дальнейшие перспективы до 1947 г. (табл. 12).

Таблица 12

**Ориентировочная сметная стоимость капитального ремонта
и реконструкции завода № 202 на 1944—1947 гг.**

Наименование объектов	Сметная стоимость работ, тыс. руб.	Выполнено на 1.01.1944 г., тыс. руб.	Остаток сметной стоимости на 1944—1947 гг., тыс. руб.
Турбо-дизельный цех	8858,0	3215,0	5643,0
Литейный цех	5528,0	4067,0	1460,0
Аккумуляторный цех, зарядная станция и цех покрытия	2800,0	—	2800,0

Ремонтно-достроечный цех	5637,0	606,0	5031,0
Судомонтажный цех	3259,0	787,0	2472,0
Новые сухие доки № 1	12000,0	—	12000,0

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 96. Л. 6 (сост. авт.).

Наряду с огромным объёмом работ по ремонту кораблей Тихоокеанского флота и судов Севморпути, Дальзавод все годы войны не выполнял задания НКСП и ГКО СССР по реконструкции завода. Партийно-правительственные органы края в докладах и справках отмечали отсутствие прогресса в этом вопросе, возлагая всю ответственность на руководство завода. Во второй половине 1945 г. проверка выполнения постановления ГКО № 6836 с от 24 октября 1944 г. показала, что причинами задержки реконструкции являются отсутствие документации (проект организации работ на ремонт дока № 1, решение о прекращении его эксплуатации на период ремонта, необходимые документы и решения по капитальному ремонту перекрытия литейного цеха), и поставок для завершения строительства турбо-дизельного цеха (литьё для стенов, сантехоборудование и т.п.) [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 132. Л. 46—49].

В 1945 г. сохранялось отставание и в выполнении программы судоремонта: из 33 кораблей, подлежащих сдаче флоту, фактически сдано 27. Наряду с выше названными причинами, это отставание обуславливалось переходом, после окончания войны с Германией, на нормальный режим работы (сокращение рабочего дня, отмена сверхурочных работ и т.п.). Тем не менее, к началу войны с Японией Тихоокеанский флот, благодаря усилиям дальзаводчан, имел большой процент боеготовых кораблей.

Одним из важнейших факторов, усугублявших тяжёлое положение дальневосточных предприятий Наркомсудпрома, являлся призыв в действующую армию, несмотря на то, что на заводы, имевшие важное оборонное значение, в начале июля 1941 г. правительством была наложена бронь. До конца года только с Дальзавода на фронт убыли 828 рабочих, а в 1942—1943 гг. в ряды РККА призвали около двух тысяч дальзаводцев (из них полторы тысячи — специалисты с квалификацией четвёртого разряда и выше),

что составляло около одной трети списочного состава рабочих Дальзавода [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 65, 67]. Пополнение взамен ушедших в РККА происходило в основном за счёт окончивших школы ФЗО и ремесленные училища и мобилизации местного населения (в основном женщины). За 1941—1942 гг. на завод приняли 1645 чел., однако молодёжь из школ ФЗО и ремесленных училищ не могла в полном объёме заменить призванных в РККА рабочих из-за недостаточной квалификации, а также повышенного требования к физическому состоянию судоремонтников. Призванные по мобилизации рабочие также не могли оказать непосредственного влияния на выполнение плана из-за низкой квалификации (табл. 13) [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 7. Л. 65].

Таблица 13

Квалификационный состав рабочих Дальзавода в 1941—1943 гг.

Показатели	на 22.06. 1941 г.	1942 г.	1943 г.
Рабочие: 2 разряда	53	197	440
3 разряда	1437	1001	1032
4 разряда	1124	817	693
5 разряда	833	750	686
6 разряда	347	362	362
7 разряда	115	88	86
8 разряда	11	20	19

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 67 об. (сост. авт.)

На специалистах 3—5 разрядов до войны лежала основная нагрузка по ремонту кораблей ТОФ. Как показывает анализ табл. 13 число рабочих средней квалификации в 1943 г. уменьшилось на 983 чел. по сравнению с довоенным периодом, что составило около трети численности рабочих, а высшей квалификации (8 разряд) — несколько возросло за счёт эвакуированных специалистов-судоремонтников из Ленинграда. Однако по мере освобождения территории от захватчиков и необходимости восстанавливать разрушенные заводы уже в 1944 г. началось их возвращение на прежние места работы.

В последние два военных года сохранялась острая нехватка рабочих, которую покрывали за счёт мобилизации неработающих женщин и молодёжи. Это особенно отражалось на использовании станочного парка (производ-

ство запасных частей, межзаводская кооперация и выполнение заказов для фронта). Привлечение учеников-станочников лишь частично могло покрыть нехватку рабочих. Выработка для них принималась 30—50% от планируемой квалифицированного рабочего, что снижало эффективность станочного парка завода за год в среднем на 30%.

Нехватка рабочих частично восполнялась за счёт привлечения к работам краснофлотцев ремонтируемых кораблей, которая не только поощрялась командованием флота, но и была вменена в обязанность в целях лучшего освоения техники, с одной стороны, и сокращения сроков ремонта, с другой. По ходатайству руководства завода № 202 и крайкома ВКП (б) число работающих краснофлотцев в конце 1944 г. увеличили с 300 чел. почти вдвое. Для оказания помощи на завод направляли моряков судоремонтного батальона Технического отдела флота. Однако и это не могло обеспечить выполнение плана в полном объёме, улучшить качество работ, поэтому руководство завода направляло рабочих на обучение и повышение квалификации. Применялись:

- бригадно-индивидуальное обучение;
- повышение квалификации рабочих на курсах техминимума, целевого назначения, в стахановских школах, курсах подготовки и повышения квалификации бригадиров и ИТР;
- индивидуальное прикрепление рабочих к мастерам и квалифицированным рабочим для обучения и повышения разряда;
- подготовка кадров в школах Гострудрезервов и Ремесленных училищах № 1 и № 11, которые передали в 1944 г. заводу 422 специалиста;
- прохождение практики учениками ФЗО и РУ непосредственно в цехах завода [ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 23. Д. 11. Л. 232].

Наряду с уже названными причинами невыполнения плана судоремонта выявилась ещё одна, которая оказывала влияние на судоремонт в ходе войны. Типовые технологические планы и графики капитальных и средних ремонтов основных серий подводных лодок и некоторых надводных кораб-

лей были разработаны в довоенный период. Однако на практике они не нашли применения в связи с целым рядом производственных технических трудностей (недостаток тех или иных материалов, задержки с поставками, перегрузка отдельных специальностей, задержки работ контрагентами и т.д.). Поэтому на все важнейшие объекты судоремонта составлялись новые календарные графики работ с разбивкой по цехам и с расчленением по важнейшим технологическим узлам. Отдельные графики составлялись на проведение швартовых и ходовых сдаточных испытаний, но эти графики уже не соответствовали тем, по которым Наркомсудпром осуществлял планирование и постановку задач предприятию [ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 23. Д. 11. Л. 32].

На подводных лодках «Щ-125» и «Щ-128», сдача которых была перенесена на 1945 г., при готовности 94,4% и 93,2% соответственно, были закончены ходовые заводские и государственные испытания. На 1945 г. перешли работы по ревизии и отделке механизмов, систем и устройств, и к концу января корабли были сданы флоту. В готовности 48,45% перенесли ремонт подводных лодок «М-8» и «М-11», на которых был завершён ремонт корпусов и вспомогательных механизмов в цехах и продолжался ремонт дизелей. Несвоевременная сдача указанных пяти кораблей обуславливалась общей нехваткой кадров, отвлечением рабочих на специальные работы, а также изменением срока ремонта дизелей, вызванный первоочередностью ремонта дизелей для завода № 199 по указанию НКСП [ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 23. Д. 11. Л. 14 об., 15].

В декабре 1944 г. руководство завода определило меры, направленные на своевременное выполнение программы по судоремонту и сдаче флоту кораблей, прошедших ремонт:

- на все сдаточные корабли составлены графики работ, выполнение которых контролировали главные строители, а самые важные — директор завода и главный инженер, диспетчерский аппарат производственного отдела;

- вся рабочая сила была сосредоточена на сдаточных объектах и резко сокращено её количество на кораблях, не связанных со сдаточной программой;
- группа квалифицированных слесарей из вспомогательных цехов переведена на сдаточные объекты;
- на ряде объектов введён круглосуточный режим работы;
- рабочий день на сдаточных объектах продлён до 22 часов;
- оставление рабочего места разрешалось только после выполнения дневного задания;
- работа в выходные дни;
- направление группы ИТР и работников заводоуправления и вспомогательных цехов на участки, не обеспеченные рабочей силой (отделка и покраска кораблей);
- массовое использование учеников ФЗО на «узких» участках работы;
- увеличение числа краснофлотцев, работающих на сдаточных объектах;
- дополнительное освещение участков для создания условий круглосуточной работы [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 96. Л. 200].

Усилия, предпринятые руководством Дальзавода в конце 1944 г., создали благоприятные условия для выполнения плана сдачи кораблей в 1945 г. и вступления Тихоокеанского флота в войну с Японией максимально возможным составом сил.

Таким образом, дальневосточный завод № 202 им. К.Е. Ворошилова, закончив программу нового судостроения, с 1942 г. практически полностью перешёл на судоремонт и восстановление кораблей Тихоокеанского флота. Трудности в выполнении программ судоремонта в период Великой Отечественной войны обуславливались отсутствием части материалов, поставок запасных частей и оборудования от заводов-смежников по межзаводской кооперации, большой нагрузкой, связанной со сдачей кораблей заводом № 199, низкой квалификацией и нехваткой рабочих в связи с призывом в РККА.

Литература и источники

1. ГАПК (Государственный архив Приморского края).
2. Опыт перевозок подводных лодок и малых кораблей по железным дорогам в Великую Отечественную войну // Сборник материалов по опыту боевой деятельности Военно-Морских Сил Союза ССР. № 39. М.: Военмориздат Военно-Морского Министерства Союза ССР, 1951.
3. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
4. ЦВМА (Центральный военно-морской архив).

Транслитерация

1. GAPK (Gosudarstvennyj arhiv Primorskogo kraja).
2. Opiyt perevozky podvodnyh lodok i malih korabley po zheleznyh dorogam v Velikuy Otechestvennuy voynu // Sbornik materialov po opiytu boevoy deiytel'nosty Voenno-Morskich Syl Souza SSR № 39 / M. Voenmorizdat Voenno-Morskogo Ministerstva Souza SSR, 1951.
3. RGASPI (Rossijskij gosudarstvennij arhiv social'no-politichskoj istorii).
4. CVMA (Central'nyj voenno-morskoj arhiv).

УДК: 947.083(571.6)

О.А. Устюгова
O.A. Ustyugova

Развитие внутренней торговли на юге Дальнего Востока России накануне Первой мировой войны

Рассматриваются организационные формы коммерческого обмена, динамика товарооборотов, численность и состав занятых в торговле на юге Дальнего Востока России накануне Первой мировой войны. В этот период основными торговыми центрами региона были города и сёла, расположенные вдоль главных транспортных путей. Значительную роль в снабжении сельского населения необходимыми товарами играли ярмарки.

Ключевые слова. Дальний Восток России, Первая мировая война, история, торговля, предприниматели.

The development of domestic trade in the South of the Far East of Russia on the eve of the World War I

The article deals with forms of commercial exchange, dynamics of commodity turnovers of trade enterprises, the number and composition of merchants in the South of the Russian Far East on the eve of the World War I. The main trading centers of the region were the towns and villages located along the main transport routes. Fairs played a significant role in supplying the rural population with necessary goods.

Key words. The Russian Far East, the World War I, history, trade, merchants.

Накануне Первой мировой войны на юге Дальнего Востока России были представлены все организационные формы торговой деятельности. Существование развозно-разносной торговли было обусловлено большими расстояниями между населёнными пунктами, расположенными, как правило, вдоль основных транспортных путей. По Амуру и его притокам купцы на пароходах, баркасах и баржах, нагруженных различными товарами, главным образом, мукой, солью, сахаром и мануфактурой, плавали по рекам и торговали с населением во время продолжительных остановок. Даже пассажирские пароходы, забирая дрова, вместо оплаты деньгами меняли их на сахар, соль, муку и другие товары. Нередко в качестве продавцов выступали сами капитаны судов [3, с. 132; 9, с. 141; 14, с. 29].

В 1909 г. в Амурской области развозным и разносным торгом зарабатывали на жизнь 132 и 51 чел. соответственно, а в 1911 г. — 164 и 63 чел.

[11, прил. 8; 13, прил. 10]. В Приморской области в 1911 г. было выбрано 29 свидетельств на развозной торг и 106 — на разносной, а в 1912 г. — 126 и 219 [16, прил. 21; 17, прил. 28].

В городах и сёлах разносную торговлю вели и китайцы. Как отмечал А.Н. Митинский: «Китайские «купезы», особенно продавцы овощей, снуют всюду по улицам. Снабжение их товарами производится на многочисленных шаландах, заполняющих пристани во Владивостоке, Благовещенске и Хабаровске» [9, с. 640].

Периодическая торговля осуществлялась на ярмарках и базарах. Особенностью региона было существование большого количества промысловых (инородческих) ярмарок, на которых производилась продажа пушнины в обмен на мануфактурные товары и продукты питания [6, с. 433—435]. На территории Амурской области, преимущественно у устьев значительных притоков Амура, Зеи и Буреи, проходили инородческие меновые ярмарки, на которые на своих лодках приезжали и китайцы с ханшином, мануфактурными товарами, порохом и свинцом. В Буреинском горно-полицейском округе в 1909 г. прошло три инородческих ярмарки с оборотом в 270 тыс. руб., а в 1911 г. — две, с оборотом до 90 тыс. руб. [11, с. 19; 13, с. 18]. В 1913 г. на трёх ярмарках в этом округе было продано товаров всего на 57 тыс. руб. [21, с. 70]. Такое снижение оборота можно объяснить постепенным истощением пушных запасов. В Удском уезде Приморской области промысловые ярмарки проходили в стойбище Бурукан и на оз. Орель [14, с. 29]. На о-ве Сахалин с 1911 г. проводились трёхдневные ярмарки для продажи пушнины (27 декабря в посту Александровский и 15 февраля в селении Рыковское) [19, с. 18].

Сельскохозяйственные ярмарки проходили в районах товарного земледелия — Зейско-Буреинской долине в Амурской области и Приханкайской низменности в Приморской области [21, с. 70; 6, с. 436]. На ярмарках этого типа местное население продавало рогатый скот на мясо, лошадей в небольшом количестве, зерно и овощи, овёс, сено, лес, дрова, паклю, мёд, домаш-

ною птицу, яйца, молочные продукты, добытое на охоте мясо изюбря, кабана, козы и дикой птицы, рыбу и разные предметы из дерева для домашнего обихода. Предметами купли служили разные мануфактурные, бакалейные и колониальные товары, земледельческие орудия.

К 1912 г. в 70 населённых пунктах Приморской области проходили по 2—3 ярмарки в год [5, с. 132]. В Никольск-Уссурийском уезде Приморской области сельскохозяйственные ярмарки действовали в сёлах Ильинка, Камень-Рыболов, Черниговка, Дубки, Ляличи, Астраханка, Воздвиженка, Осиновка, Ивановка, Кремево, Григорьевка, Халкидон, Монастырище, Поповка и Жариково [15, с. 16; 16, с. 31, 143], в Ольгинском уезде — в Ново-Нежино, Петровка, Шкотово, Маргаритово, посту св. Ольги [15, с. 18]. Наиболее крупными по числу участников и сумме оборота в Иманском уезде являлись ярмарки, проводившиеся по несколько раз в год, в расположенных недалеко от станций Уссурийской железной дороги сёлах Спасское, Зеньковка и Лутковское [15, с. 18—20; 16, с. 40; 17, с. 69; 18, с. 43].

В 1909 г. на ярмарках в Никольск-Уссурийском, Ольгинском и Иманском уездах Приморской области, проходивших в селениях Хорольское, Зеньковка, Ляличи, Александровка, Григорьевка, Дубки, Жариково, Осиновка, Спасское, Ивановка, Камень-Рыболов, Комаровка, Духовское, Михайловка, Хвалынка, Сысоевка, Астраханка, Вознесенка и Владимиро-Александровское было продано товаров на 550 тыс. руб. [14, с. 28]. В Хабаровском уезде ярмарки с оборотом от 15 до 20 тыс. руб. проводились в сёлах Вяземское, Сергие-Михайловское, Троицкое, Лермонтовка [1, с. 182; 15, с. 18—20].

Население Никольск-Уссурийского, Ольгинского и Иманского уездов Приморской области сбывало продукты сельского хозяйства в расположенных недалеко от войсковых частей, интендантских учреждений, заводских и промышленных предприятий сёлах Спасское, Раздольное, Новокиевское, Владимиро-Александровское, посаде Иман и посту св. Ольги [14, с. 28]. В Имане производило покупки население северной половины уезда (Тихонов-

ская, Ракитинская, Саровская, Ново-Покровская, Веденская и Лутковская волости), Успенская, Марьяновская, Зеньковская, Спасская и Чугуевская волости тяготели к большому торговому селу Спасское [16, с. 40; 17, с. 69; 18, с. 42—43].

В Амурской области сельскохозяйственных ярмарок было меньше, чем в Приморской: в 1912 г. в сёлах Завитинской, Песчано-Озёрской, Вознесенской и Краснояровской волостей на 12 ярмарках было продано товаров на 25 500 руб., а в 1913 г. — на 14 ярмарках — на 60 700 руб. [21, с. 70]. В Сахалинской области действовала ежегодная 4-х-дневная сельскохозяйственная ярмарка в посту Александровский [19, с. 18]. Впервые она прошла с 29 июня по 1 июля 1911 г. с оборотом в 6500 руб. Предметами торга стали крупный рогатый скот, лошади, поросята, домашняя птица, одежда, обувь, овощи, копчёная рыба [8, с. 71].

Периодическая торговля велась и в городах. На городских ярмарках население окрестных селений продавало рогатый скот, лошадей, овощи, телеги, дуги, сани, сбури, глиняные изделия и пр., а приобретало мануфактуру и предметы домашнего обихода. В г. Никольск-Уссурийский в 1909 г. провели 2 пятидневные ярмарки (22 октября и 17 марта), а в 1912 г. — 4 [14, с. 28; 17, с. 55]. В 1912 г. во Владивостоке проходили Сретенская (со 2 по 4 февраля), Петро-Павловская (с 29 июня по 1 июля) и Покровская (с 1 по 30 октября) ярмарки. Главными предметами торговли были хлеб, масло, мясо, кожа, скот, пушнина, мануфактурные товары [5, с. 132]. В 1913 г. в Хабаровске действовало уже 4 ярмарки [7, с. 15]. В г. Алексеевск Амурской области на четырёх ежегодных ярмарках в 1912 г. было продано скота и земледельческих орудий на 6500 руб., а в 1913 г. — на 20 тыс. руб. [21, с. 70].

Базары функционировали почти во всех более или менее крупных населённых пунктах региона. Как правило, ярмарки приурочивались к праздникам и длились по несколько дней, а для базаров отводили один день в неделю [5, с. 132]. Так, в Иманском уезде Приморской области в больших сёлах Спасское, Зеньковка и Лутковское проходили еженедельные базары

[16, с. 40; 17, с. 69; 18, с. 43]. В 1913 г. на двух базарах Хабаровска осуществлялась мелкая торговля и продажа сельскохозяйственных продуктов. С базарных лавок в городскую казну поступало до 570 руб. сборов (по 3 руб. с квадратной сажени) [1, с. 182].

Для налаживания сбыта и привоза товаров в больших масштабах требовалась более высокая форма организации торговли — стационарная, т.е. торговля из постоянных торговых заведений — лавок, магазинов и складов. Наибольшее развитие эта форма торговли получила в городских поселениях. В Амурской области в 1909 г. было занято магазинами и лавками 87 каменных и 649 деревянных зданий, а в 1911 г. — 86 и 598 [11, с. 31; 13, с. 30]. В 1910 г., по данным городской управы, в Благовещенске было 81 каменный и 617 деревянных магазинов и лавок (48% от общего числа по Амурской области) [12, с. 26; 13, с. 18, 30].

Почти вся торговля в городах была сосредоточена в руках нескольких крупных — большей частью иностранных — фирм, поставлявших товары для более мелких городских и сельских торговых заведений [9, с. 640]. Крупнейшими торговыми фирмами в крае были «И.Я. Чурин и К^о» и «Кунст и Альберс». Первая специализировалась на товарах отечественного производства, а вторая — заграничного [9, с. 142].

Значительная часть торговых заведений в городах принадлежала китайцам. В качестве примера можно привести Владивосток. В 1911 г. Владивостокский Биржевой Комитет провёл перепись торгово-промышленных учреждений города с целью подсчёта численности торговцев, ремесленников и промышленников жёлтой расы [16, с. 22]. Согласно собранным данным, в 1911 г. торговая сеть Владивостока была представлена 1449 торговыми предприятиями, 846 (58,4%) из которых принадлежали китайцам [ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 91. Л. 1], причём в это число не вошли «разносные» торговцы — исключительно китайцы [16, с. 22]. Китайские торговцы имели в своём владении 238 из 278 (86%) мелочных, 173 из 201 (87%) мануфактурных и галантерейных, 175 из 221 (79%) фруктовых, овощных, рыбных, зеленных и мясных

лавок. Европейцам (русским и иностранцам) принадлежали все универсальные, музыкальные и оружейные магазины, а также большая часть оптовых складов (71%), магазинов фотографических принадлежностей, книжных, писчебумажных и игрушечных (96%), кондитерских, булочных и хлебопекарен (63%), а также гастрономических магазинов, винно-бакалейных лавок, водочных и пивных складов и лавок (55%) [16, с. 23, прил. 31]. «Довольствуясь минимумом жизненных удобств, оказывая друг другу взаимную поддержку и кредит, китайские торговцы и ремесленники являются настолько сплочённой организацией, что борьба с ними на почве свободной конкуренции для русского торговца и ремесленника делается невозможной», — отмечали составители переписи [16, с. 23].

В небольших селениях обычно работали мелочные лавочки с предметами первой необходимости, а в более крупных сёлах, расположенных вблизи городов, имелись магазины, трактиры и пивные, а также отделения крупных фирм [1, с. 182—183; 5, с. 133]. Так, например, значительная доля в торговле в Никольск-Уссурийском, Ольгинском и Иманском уездах Приморской области принадлежала фирме «Кунст и Альберс», имевшей магазины в их главных торговых центрах — сёлах Спасское, Новокиевское, Владимиро-Александровское, Раздольное, посаде Иман и посту св. Ольги [14, с. 28; 17, с. 69; 18, с. 43].

Мелочной торговлей в сёлах региона занимались русские крестьяне, казаки и мещане. Внутренняя торговля по сёлам южной части Приморской области была сосредоточена главным образом в руках китайцев [14, с. 28; 15, с. 43; 16, с. 143]. «Потребности населения в необходимом мелочном товаре удовлетворяются местными сельскими торговцами, по преимуществу из китайцев, которые, даже не боясь постоянного обирания их хунхузами, забираются в самые отдалённые трущобы», — отмечалось в обзоре Приморской области за 1909 г. [14, с. 28]. В Уссурийском казачьем войске была одна русская и 10 китайских мануфактурных лавок, в с. Лермонтовка пять лавок из семи принадлежали китайцам [1, с. 183]. Торговля по селениям Иманского

уезда проводилась в равной мере русскими и китайскими лавочниками и «разносчиками» [15, с. 20].

В 1911 г. в Никольск-Уссурийском уезде Приморской области в сёлах и деревнях торговали 24 магазина и 272 мелочных лавки, в 1912 г. — 37 и 250, а в 1913 г. — 33 и 305 [16, с. 143; 17, с. 59; 18, с. 33]. В Ольгинском уезде к 1913 г. насчитывалось 30 магазинов и 100 разных мелочных лавок [18, с. 37]. В 1912 г. в Удском уезде имелось 29 русских мелочных торговых предприятий и 4 китайских с годовым оборотом от 5 до 50 тыс. руб. [17, с. 76; 18, с. 50]. В посту Александровском Сахалинской области в 1911 г. действовало около 30 торговых заведений (из них 10 с продажей крепких напитков на вынос), 5 пивных лавок и оптовый склад фирмы «Кунст и Альберс». Торговля была сосредоточена в руках русского населения, иностранцы — японцы и китаец — владели всего двумя магазинами [19, с. 17—18]. Население северной части Сахалинской области закупало все необходимые жизненные припасы в г. Николаевск-на-Амуре [20, с. 12].

В удалённых от железнодорожной магистрали районах, заселённых крестьянами-новосёлами, коммерсанты старались продавать свои товары по завышенным ценам. Чтобы не допустить разорения населения, Переселенческое Управление создавало казённые товаро-продовольственные склады, что позволяло доставлять в отдалённые районы предметы первой необходимости и регулировать цены на них. В 1911 г. было открыто 3 таких склада в Хабаровском уезде и 8 — в Иманском Приморской области [16, с. 143—144].

В некоторых селениях создавались общественные лавки, которые содержались крестьянскими обществами и контролировались сельскими сходами, передававшими доходы от торговли на общественные нужды [1, с. 183]. Так, в Удском уезде Приморской области в 1912—1913 гг. действовали 4 таких лавки [17, с. 76; 18, с. 50].

Торговые заведения работали и на золотых приисках. Золотопромышленники обязывались законом содержать амбары с продуктами и товарами первой необходимости для продажи рабочим по таксам, утверждавшимся ок-

ружным инженером, причём завышение цен не допускалось. Вокруг приисков располагались амбары мелких торговцев, которые представляли серьёзную конкуренцию золотопромышленным магазинам, поскольку имели возможность торговать дёшево. Товарораспределительным центром для золотых приисков являлся г. Благовещенск [5, с. 132—133].

Накануне Первой мировой войны наблюдался рост численности занятых в торговле. К купеческому сословию, как правило, приписывались люди, скопившие достаточный капитал и стремившиеся подтвердить серьёзность своих деловых намерений и обеспечить себе более прочное положение в деловых кругах. Ведущие позиции принадлежали купцам, владевшим двумя или тремя торговыми заведениями в городе и отделениями в нескольких населённых пунктах края.

В Амурской области в 1909 г. было выдано 7 купеческих свидетельств 1-й гильдии и 104 — 2-й гильдии [11, прил. 8]. К 1910 г. в Амурской области насчитывалось 515 купцов мужского пола и 497 — женского, в том числе 402 и 422 — в Благовещенске [12, прил. 2]. В этом же году в Приморской области было 504 купца мужского пола и 435 — женского, в том числе 98% — в городах Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский и Николаевск-на-Амуре [15, прил. 3]. В 1911 г. в Амурской области получено 5 свидетельств купцов 1-й гильдии и 101 — 2-й гильдии, а в городах Приморской области — 20 и 129 [13, прил. 10; 16, прил. 21]; в Приморской области в 1912 г. — 22 купца 1-й гильдии и 133 купца — 2-й, а в 1913 г. — 25 и 155 соответственно [17, прил. 28; 18, прил. 28].

На постепенное развитие внутренней торговли указывает также ежегодное увеличение числа торговых заведений. В обзорах дальневосточных областей содержатся данные о полученных коммерсантами документах на право ведения торговли. Согласно утверждённому в 1898 г. Положению о взимании государственного промыслового налога ведущие стационарную торговлю предприятия делились на четыре разряда, однако среди них имелись и заведения, не занимавшиеся торговлей в её современном понимании, т.е. фактически не связанные с торговыми операциями (комиссионерские, транспортные, экспедиторские дома и конторы, рестораны, трактиры, аптеки

и др.) [4, с. 84—85]. В источниках эти предприятия зачастую называются торгово-промышленными, т.е. вычленив собственно торговые заведения не представляется возможным.

В Благовещенске в 1909 г. действовало не менее 30 крупных торгово-промышленных предприятий, торговый оборот которых составлял 20 318 600 руб. (75% от оборота по области) [11, с. 19]. К 1910 г. торговые обороты 1277 торгово-промышленных заведений Благовещенска возросли до 22 406 200 руб. [10, с. 100; 12, с. 15]. В 1912 г. в Благовещенске зарегистрировано 1452 торгово-промышленных предприятия, а в 1913 г. — 1480; на них приходился 71% от общего оборота всех торговых фирм Амурской области [21, с. 69]. В 1911 г. в Приморской области выдано 5175 годовых свидетельств для торговых предприятий и 741 — полугодовое, а в 1912 г. — 7657 и 1293 соответственно [16, прил. 21; 17, прил. 28].

В предвоенный период большое влияние на развитие внутренней торговли на юге Дальнего Востока России оказывала и таможенная политика государства. В 1909 г. был отменён беспошлинный ввоз иностранных товаров в регион. «Пережив период с преобладающим участием иностранцев, в годы 1910 и последующие Окраина вступает в период большого развития торговли отечественными товарами», — отмечал В.Е. Глуздовский [3, с. 125]. В целом за 1909—1913 гг. общий рост товарооборота составил более 50%. При этом отмена порто-франко стимулировала позитивные изменения в структуре торгового баланса, в котором за 1911—1913 гг. доля ввоза уменьшилась с 82% до 76%, а доля вывоза увеличилась с 18% до 24%. В 1913 г. в регионе производилось уже 45,5% поступавшей на местный рынок продукции, 32,3% завозилось из центра страны и только 24,5% приходилось на импорт [2, с. 201—202].

Таким образом, накануне Первой мировой войны на юге Дальнего Востока России были представлены все формы организации торгового обмена. Основными товарораспределительными центрами были города региона и сёла, расположенные вдоль транспортных магистралей. Значительную роль в снабжении сельского населения необходимыми товарами играли ярмарки. В качестве дополнительного рынка сбыта выступали золотые прииски. Проис-

ходило стабильное расширение внутреннего потребительского рынка, увеличивалась численность занятых в торговле, торговая сеть региона расширялась за счёт роста числа торговых заведений и их оборота. С началом Первой мировой войны условия, в которых функционировала внутренняя торговля в регионе, изменились, что оказало существенное влияние на её развитие.

Литература и источники

1. Булдыгерова Л.Н. Формы торговли на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX века // Дальний Восток России на рубеже тысячелетий: социально-экономические и политико-правовые проблемы. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. 18—19 апреля 2000 г. Хабаровск: изд-во ХГТУ, 2000. Вып. 2. С. 181—187.
2. Галлямова Л.И. Экономическое развитие Дальнего Востока России накануне и в годы Первой мировой войны // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 198—206.
3. Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток: Тип. «Далекая Окраина», 1917. 183 с.: ил.
4. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 1999. 575 с.
5. Кит Т.В. Основные формы торговой деятельности на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX века // Записки Гродековского музея. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2006. Вып. 13. С. 131—133.
6. Кит Т.В. Основные типы ярмарок в Приамурье в конце XIX — начале XX в. // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 2007. Ч. 1. С. 433—434.
7. Кит Т.В. Ярмарочная торговля на Дальнем Востоке России в XVII — начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2008. № 1. С. 5—17.
8. Кит Т.В. Приамурские генерал-губернаторы и организация торговых отношений в крае (конец XIX — начало XX в.) // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009 г.). Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 67—75.
9. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. VIII. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1911. 284 с.
10. Мурзаев Д.В. К вопросу об экономическом состоянии Амурской области за последнее десятилетие. Благовещенск: Тип.-лит. «Благовещенск» Т.Д. «И.Я. Чурин и К°», 1914. 111 с.
11. Обзор Амурской области за 1909 г. Благовещенск, 1910. 54 с., прил.
12. Обзор Амурской области за 1910 г. Благовещенск, 1911. 48 с., прил.
13. Обзор Амурской области за 1911 г. Благовещенск, 1912. 56 с., прил.
14. Обзор Приморской области за 1909 г. Владивосток, 1910. 51 с., прил.
15. Обзор Приморской области за 1910 г. Владивосток, 1911. 72 с., прил.
16. Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912. 147 с., прил.
17. Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914. 146 с., прил.
18. Обзор Приморской области за 1913 г. Владивосток, 1915. 130 с., прил.
19. Обзор Сахалинской области за 1911 г. Пост Александровский, 1911, 45 с.
20. Обзор Сахалинской области за 1913 г. Пост Александровский, 1914. 26 с.
21. Приложение к Всеподданнейшему отчёту военного губернатора Амурской области за 1912—1913 гг. Благовещенск, 1915. 102 с., прил.
22. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

Транслитерация

1. Buldygerova L.N. Formy trgovli na Dal'nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX veka // Dal'nij Vostok Rossii na rubezhe tysyacheletij: sotsial'no-ehkonomicheskie i politiko-pravovye problemy. Materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. 18—19 aprelya 2000 g. Khabarovsk: izd-vo KHGTU, 2000. Vyp. 2. S. 181—187.
2. Gallyamova L.I. EHkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka Rossii nakanune i v gody pervoj mirovoj vojny // Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnykh rubezhakh. Blagoveshhensk, 2002. Vyp. 3. S. 198—206.
3. Gluzdovskij V.E. Primorsko-Amurskaya okraina i Severnaya Man'chzhuriya. Vladivostok Tip. «Dalekaya Okraina», 1917. 183 s.: il.
4. Istoriya predprinimatel'stva v Rossii. Kn. 2. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka. M.: ROSSPEHN, 1999. 575 s.
5. Kit T.V. Osnovnye formy torgovoy deyatel'nosti na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XIX — nachale XX veka // Zapiski Grodekovskogo muzeya. Khabarovsk: KHKM im. N.I. Grodekova, 2006. Vyp. 13. S. 131—133.
6. Kit T.V. Osnovnye tipy yarmarok v Priamur'e v kontse XIX — nachale XX v. // Istoriya osvoeniya Rossiej Priamur'ya i sovremennoe sotsial'no-ehkonomicheskoe sostoyanie stran ATR. Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. CH. 1. Komsomol'sk-na-Amure, 2007. S. 433—434.
7. Kit T.V. YArmarochnaya trgovlya na Dal'nem Vostoke Rossii v XVII — nachale XX v. // Rossiya i ATR. Vladivostok, 2008. № 1. S. 5—17.
8. Kit T.V. Priamurskie general-gubernatory i organizatsiya torgovykh otnoshenij v krae (konets XIX — nachalo XX v.) // Rossiya na Tikhom okeane: rol' lichnosti v stanovlenii rossijskoj gosudarstvennosti i problemy bezopasnosti (SHesty Krushanovskie chteniya, 2009 g.). Vladivostok: Dal'nauka, 2011. S. 67—75.
9. Mitinskij A.N. Materialy o polozenii i nuzhdakh trgovli i promyshlennosti na Dal'nem Vostoke // Trudy komandirovannoj po vysochajshemu poveleniyu Amurskoj ehkspeditsii. Vyp. VIII. Spb.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1911. 284 s.
10. Murzaev D.V. K voprosu ob ehkonomicheskom sostoyanii Amurskoj oblasti za poslednee desyatiletie. Blagoveshhensk: Tip.-lit. «Blagoveshhensk» T.D. «I.YA. CHurin i K°», 1914. 111 s.
11. Obzor Amurskoj oblasti za 1909 g. Blagoveshhensk, 1910. 54 s., pril.
12. Obzor Amurskoj oblasti za 1910 g. Blagoveshhensk, 1911. 48 s., pril.
13. Obzor Amurskoj oblasti za 1911 g. Blagoveshhensk, 1912. 56 s., pril.
14. Obzor Primorskoj oblasti za 1909 g. Vladivostok, 1910. 51 s., pril.
15. Obzor Primorskoj oblasti za 1910 g. Vladivostok, 1911. 72 s., pril.
16. Obzor Primorskoj oblasti za 1911 g. Vladivostok, 1912. 147 s., pril.
17. Obzor Primorskoj oblasti za 1912 g. Vladivostok, 1914. 146 s., pril.
18. Obzor Primorskoj oblasti za 1913 g. Vladivostok, 1915. 130 s., pril.
19. Obzor Sakhalinskoj oblasti za 1911 g. Post Aleksandrovskij, 1911, 45 s.
20. Obzor Sakhalinskoj oblasti za 1913 g. Post Aleksandrovskij, 1914. 26 s.
21. Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu voennogo gubernatora Amurskoj oblasti za 1912—1913 gg. Blagoveshhensk, 1915. 102 s., pril.
22. GAHK (Gos. arh. Habarovskogo kraja).

Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914—1916)

Рассматриваются основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны. Показано, что с началом военных действий сфера деятельности Переселенческого Управления расширилась, при этом объём привычных работ, таких как непосредственно переселение, сократился.

Ключевые слова: Первая мировая война, Переселенческое Управление, российский Дальний Восток.

The main directions of the activities of the Resettlement Administration in the Far East of Russia during the World War I (1914—1916)

The article discusses the main activities of the Resettlement Department in the Far East of Russia during the World War I. It is shown that with the beginning of hostilities, the field of activity of the Resettlement Administration was expanded, with the usual amount of work, such as resettlement, decreased.

Key words: the World War I, the Resettlement Department, the Russian Far East.

Начавшаяся в 1914 г. война оказала сильное влияние на работу многих государственных учреждений. Первые изменения носили финансовый характер. Государство вынуждено было перейти к экономии средств, поэтому бюджеты многих ведомств были урезаны. В конце июля была пересмотрена «...государственная роспись расходов на 1914 год», государство перераспределило средства таким образом, чтобы максимально увеличить ресурсы казны на содержание и снабжение армии и флота. Бюджет Переселенческого Управления должен был также подвергнуться сокращениям.

Главным управлением Землеустройства и Земледелия (ГУЗиЗ) был разослан циркуляр, в котором заведующим переселенческими районами предлагалось пересмотреть и сократить статьи расходов, а все высвобожденные средства вернуть в казну. В циркуляре подробно рассмотрены статьи, подлежащие сокращению. В отношении личного состава обязанности призванных на военную службу, должны были быть распределены между оставшимися

сотрудниками, нанимать персонал на вакантные места разрешалось только в случае крайней необходимости [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1670. Л. 14]. Запрещалось повышать сотрудников в должности и увеличивать им заработную плату, выдвигать на премии, оказывать материальную помощь даже в случае болезни, уходить в отпуска. Всех, находящихся в отпуске, обязали вернуться на службу. ГУЗиЗ настаивало на значительном сокращении операционных расходов, поэтому было принято решение не начинать в 1914 г. никаких новых гидротехнических и агрономических работ. В отношении уже начатых работ предписывалось поступать следующим образом: «...если к выполнению их не встретится особых препятствий, отнюдь не расширять и вести в том объёме, какой позволит оставшийся личный состав, с возможным без ущерба для дела сокращением операционных расходов». Кроме этого в циркуляре указывалось на необходимость «...соблюдать крайнюю бережливость в расходовании сумм на разъезды, отлагая все командировки, которые могут быть отсрочены без явного ущерба для дела». Экономить предполагалось и за счёт поддержки населения. Запрещалось выдавать ссуды и пособия на землеустройство, агрономические мероприятия и помощь, мелиорацию, огнестойкое строительство. В отношении уже разрешённых ссуд, пособий и субсидий предлагалось с частично получившими средства земскими и общественными учреждениями «...входить безотлагательно в сношения о возможном сокращении означенной помощи и возврате в казну части выданных сумм». Сокращались расходы на канцелярские и хозяйственные нужды, поэтому не разрешалось проводить ремонт помещений и снимать более просторные с высокой арендной платой, закупать новые инструменты, машины и инвентарь. Новые опыты и изыскания не проводились, сокращался объём уже начатых исследований. Кроме этого был прекращён выпуск новых изданий, а объём и расходы на текущие печатные работы ограничены пределами самой крайней необходимости. По отдельным видам деятельности в циркуляре были сделаны специальные распоряжения. Так, было решено не останавливать землеустроительные работы до соответствующего распоряжения

военных властей. Продолжение лесоустроительных работ разрешалось только в том случае, если удастся найти достаточное количество рабочих и обеспечить необходимый состав партий, остальные лесокультурные и лесные работы прекращались. Ремонт гидротехнических сооружений разрешалось проводить только в случае крайней необходимости, при угрозе их разрушения высокими водами. Значительным сокращениям подверглись расходы на агрономическую часть. Прекращалось открытие новых курсов, чтений по сельскому хозяйству (гонорар лекторам выдавался лишь за уже прочитанные курсы), выдача средств на учебные пособия, пособия для раздачи слушателям, на организацию музеев. Полностью прекращалось финансирование распространения улучшенных семян, удобрений, посадочного материала; показательных мероприятий, проводимых правительственным техническим персоналом, сельскохозяйственных выставок; устройства прокатных и зерноочистительных пунктов, складов орудий и семян, новых случных пунктов, закупок племенных животных для казённых сельскохозяйственных ферм; исследований в области животноводства, имеющих временный характер.

Чиновники на местах оказались в достаточно трудном положении. Им нужно было найти баланс интересов: с одной стороны, реалии военного времени требовали сокращения расходов, с другой — необходимо учитывать местные нужды. Так, заведующий Приморским переселенческим районом сообщал об отказе от проведения ряда работ и, следовательно, сокращении расходов. Из-за призыва на войну трёх землемеров и заведующего технической частью уменьшался объём землеотводных работ. Из выделенных 700 тыс. руб. на дорожные работы в Главное Казначейство возвращалось 120 тыс. Экономия достигалась за счёт отказа от строительства некоторых дорог (например, постройка дорог Угловой I-й — Анатолиевский, пост св. Ольги — Фурмановка, на Даргинские участки и др.). Расходы на общепользные надобности сокращались на 66 тыс. руб., на 30 тыс. руб. — врачебно-строительные работы (за счёт отказа от строительства хирургического барака на Имане и барака для переселенцев во Владивостоке). При этом заведую-

ций Приморским переселенческим районом не считал возможным даже небольшое уменьшение расходов на гидротехническое строительство. Выделенный на эти нужды кредит составлял всего 6800 руб. Эти средства требовались на оплату уже выполненных и продолжающихся работ. Значительную часть суммы предполагалось потратить на устройство плотины в д. Виноградовка и укрепление берега в д. Снежная. При приостановке этих работ неоконченные насыпи могли быть легко уничтожены первым же наводнением [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1670. Л. 97—97 об.]. В Амурском переселенческом районе в Главное Казначейство перевели по кредитам 1914 г. 300 тыс. руб., где 10 тыс. — это снижение расходов на землеотводные, 65 тыс. — гидротехнические, 160 тыс. — дорожно-строительные работы, 65 тыс. руб. — общепользные нужды [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1670. Л. 107].

Сокращение финансирования деятельности Переселенческого Управления — не единственное негативное последствие вступления России в Первую мировую войну. В течение 1914—1915 гг. работа ведомства претерпела значительные изменения: функции Переселенческого Управления расширились, при этом объём привычной деятельности сократился до весьма скромных размеров. С 1915 г. ведомство начало заниматься организацией и обслуживанием перевозок военнопленных и возвращавшихся с войны больных и раненых солдат, эвакуацией из Сибири в Европейскую Россию семей переселенцев, оставшихся без кормильцев, оказывать помощь семьям призванных на военную службу, беженцам, принимать меры по предотвращению сокращения посевной площади за Уралом, организовывало вербовку и перевозку с Дальнего Востока на запад России партий китайских и корейских рабочих, вело борьбу с эпидемиями и др. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 3 об.]. Учитывая важность данной работы, финансирование деятельности Переселенческого Управления на 1915 г. было оставлено без изменений в соответствии с разработанной сметой в размере более чем 27 млн руб. [2, с. I]. Однако уже на следующий год ситуация изменилась.

В конце 1915 г. был составлен план работ Переселенческого Управления на 1916 г. Как и ранее, главной своей работой ведомство считало всестороннее улучшение условий хозяйственного устройства переселенцев. В 1916 г. Управление предполагало заниматься оказанием населению культурно-хозяйственной помощи, призрением сирот погибших на войне переселенцев, выделять ссуды на сельскохозяйственные, домообзаводственные и общепользные нужды. Предполагалось организовать кооперативные и профессиональные товарищества в переселенческих посёлках, развивать деятельность кооперативных и сельскохозяйственных складов, чтобы сократить ввоз иностранных машин и орудий, открыть при государственных переселенческих зернохранилищах залоговые и посреднические организации по сбыту зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Переселенческим Управлением был разработан ряд мер для поддержки и развития обрабатывающей промышленности, смолокурения, химических заводов в Сибири по производству метилового спирта, солей и формалина. В плановых документах ставилась задача увеличить добычу йода из морской капусты при Томском переселенческом аптекарском складе, а также настоятельная необходимость начать выпуск отечественных лекарственных препаратов [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 104. Л. 16—17]. Кроме того, ведомством было принято решение заготовить небольшой земельный запас, в случае спроса в будущем. Для возможного после войны переселенческого движения предполагалось в 1916 г., в зависимости от размера выделенных ассигнований, провести межевые, гидротехнические и дорожные работы по подготовке земельного фонда [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 104. Л. 15].

Однако не всё задуманное удалось воплотить. В 1916 г. на финансирование деятельности Переселенческого Управления было выделено 21,5 млн руб., что на 5,5 млн меньше, чем в 1915 г. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 3 об.]. Именно из-за недостатка средств Переселенческое Управление вынуждено было отказаться от ряда запланированных работ, например, на время отложить переселение на земли вдоль Амурской железной дороги в Амурской области [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 104. Л. 18].

Необходимо отметить, что в течение 1916 г. вся сеть переселенческих пунктов Западного района работала совместно с Всероссийским Красным Крестом, Земским и Городским союзами и другими общественными организациями, обслуживающими военные нужды. Деятельность пунктов Восточного района не претерпела столь существенных изменений, они продолжали самостоятельно оказывать помощь беженцам, военнопленным и раненым, не передавая своих учреждений в ведение других организаций.

В 1915 г. значительно сократилось количество переселенцев, следовавших на восток страны. По сравнению с предыдущим годом оно снизилось на 300 тыс. и составило по разным данным от 28 185 до 30 тыс. чел., то есть 8,4% от предшествующего года [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 110. Л. 1; 2, с. 2].

Ниже представлена таблица, в которой показано количество переселенцев и ходоков, направившихся на восток страны в 1913—1916 гг.

Таблица 1

Данные о движении переселенцев на восток страны

Годы	Проследовало на восток страны			
	переселенцев	ходоков	всего	% по отношению к 1913 г.
1913	240 978	96 274	337 252	100,0%
1914	241 874	94 535	336 409	99,7%
1915	27 651	534	28 185	8,4%
1916	11 201	128	11 329	3,4%

Источник. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 20 (сост. авт.).

Такое резкое уменьшение числа переселенцев произошло из-за вступления России в войну и последующей мобилизации значительной части мужского населения, отмены ряда ранее существовавших льгот (выдача ходаческих, проходных и льготных проездных свидетельств), возникших трудностей с проездом по железной дороге, общего ухудшения экономической обстановки. Одновременно наблюдалось снижение количества зачислений и водворений на всех переселенческих участках, на Дальнем Востоке спад был наибольшим. Если в 1914 г. в Амурской области было зачислено 23 735 душевых долей, а в Приморской — 22 886, то в 1915 г. — 5614 и 3164 соответственно [2, с. 21].

С 1915 г. значительно увеличивается количество переселенцев, шедших без разрешительных документов, если в 1914 г. их было всего 32,2%, то в 1915 г. — 58% (по другим данным в 1913 г. они составляли только 18% от общего числа зачисливших за собой земельный надел, в 1914 г. — всего 9%, а в 1915 г. эта категория составляла 47% от общего числа всех прибывших) [2, с. 2, 23]. Несмотря на сокращение количества переселенцев, в 1915 г. за Уралом земельные наделы получили около 15 тыс. семей (примерно 100 тыс. чел.). Такая разница между количеством прибывших и количеством устроившихся вполне объяснима: на оставшиеся в большом количестве свободные участки были поселены ранее приехавшие без разрешения семьи. Переселенческим Управлением был подготовлен земельный фонд в 1 млн 500 тыс. десятин земли, что позволило обеспечить участками всех прибывших и ранее неустроенных, при этом ещё около 200 тыс. десятин остались свободными [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 110. Л. 1—1 об.].

Обратное движение также значительно сократилось и составило всего 7175 чел. [2, с. 3]. Из них только 227 прибыли в 1915 г., остальные переселились в Сибирь и на Дальний Восток в предыдущие годы. Ниже приведены данные из отчёта Переселенческого Управления о числе душевых долей, зачисленных за ходоками и предоставленных водворенным переселенцам.

Таблица 2

Данные о числе душевых долей, зачисленных за ходоками и предоставленных водворенным переселенцам

Показатели	1914 г.	1915 г.	1916 г.
	душ мужского пола		
Зачисление	189 459	49 041	24 179
Водворение	135 018	50 295	20 727

Источник. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 30 (сост. авт.).

Сведения о количестве переселившихся в 1916 г. очень сильно разнятся. По одним данным в 1916 г. за Урал переселилось 11 329 чел. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 20], по другим — 7422 семьи (около 42 тыс. чел.) [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 30]. Кроме того зачислили за собой землю 8508 семей (около 5 тыс. чел.) [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 30]. Эти результаты были значительно ниже, чем в предшествующие годы. По сравне-

нию с предыдущим годом в 1916 г. количество водворившихся было в 2,5 раза меньше и в 2 раза меньше — зачисливших за собой землю.

В 1916 г. в Приморском районе водворились 352 семьи (685 душ мужского пола), а зачислили за собой землю 284 семьи (533 души мужского пола), в Амурском — 430 (1097 душ мужского пола) и 385 (1040 душ мужского пола) соответственно [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 35 об—36].

Такая ситуация не стала чем-то неожиданным для сотрудников Переселенческого Управления. Они понимали, что в условиях тяжёлого экономического положения страны, вызванного войной, призыва значительной части населения в армию, осложнившихся перевозок гражданского населения трудно было рассчитывать на другое развитие событий. Многие крестьяне, зачислившие за собой земельные участки ещё до начала военных действий, откладывали свой переезд до наступления мирного времени. Кроме того, в 1916 г. не было специальных переселенческих поездов, всех переселенцев перевозили в товаро-пассажирских и пассажирских поездах.

В 1916 г. число обратных переселенцев выросло до 11 974 душ мужского пола, что составило 58% по отношению к прибывшим [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 33]. Многие приехавшие не смогли устроиться на новом месте из-за призыва в армию мужчин, поэтому семьи возвращались обратно, рассчитывая «переждать» войну в привычных условиях и с помощью родственников. Наибольший процент обратных переселенцев дали Приморский (20,5%), Томский (20,3%) и Амурский (18,2%) районы [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 34].

Таблица 3

Данные о числе обратных переселенцев и водворений за 1914—1916 гг.

Годы	Число обратно переселившихся (душ мужского пола)	Число водворений (душ мужского пола)
1914	13 752	135018
1915	7 519	50295
1916	11 974	20727

Источник. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 33 (сост. авт.).

Из Приморского района уехало обратно 484 семьи (1286 душ мужского пола), из Амурского — 431 семья (1200 душ мужского пола) [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 34 об.—35].

Основной причиной увеличения количества возвратившихся стала мобилизация сильных, дееспособных мужчин, оставлявшая ещё не окрепшие, слабые хозяйства без рабочих рук, что заставляло семьи ехать обратно [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 34].

Сокращался и средний размер переселенческой семьи: в 1914 г. он равнялся — 6,1 чел., в 1915 г. — 5,9 и в 1916 г. — 5,6 чел. В 1916 г. на восток страны приехала 11 201 семья и только 23,8% прошли по проходным свидетельствам, остальные — без специальных переселенческих документов, по паспортам. Наибольшее число переселенцев вышло из губерний: Екатеринославской (13,5%), Херсонской (6,1%), Виленской (5,0%) и Воронежской (4,9%). Больше половины прибывших (62%) поселились в Томском, Тургайско-Уральском и Акмолинском переселенческих районах [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 20].

Переселенческое Управление принимало участие в организации перевозок рабочих на Дальний Восток. Стоит отметить, что эта деятельность не была для Управления основной из-за небольшого их количества. В 1915 г. на Дальний Восток прибыло 6116 рабочих, большинство из них были выходцами из Симбирской (2459 чел.), Витебской (742 чел.), Смоленской (497 чел.), Нижегородской (356 чел.), Калужской (278 чел.) и Астраханской (244 чел.) губерний [2, с. 3]. Они направлялись в Приморскую область на работы по сооружению Владивостокской крепости, в войсковые строительные комиссии и на рыбные промыслы. До начала войны Переселенческое Управление занималось перевозкой рабочих с запада на восток страны, а с началом боевых действий, из-за недостатка рабочих рук, вектор сменил направление на противоположное, теперь ведомство отвечало за движение их с востока на запад. Если в 1916 г. на Дальний Восток приехал всего 71 рабочий, то в европейскую часть страны — 7993 [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 22]. Больших за-

трат требовала организация перевозок иностранных (китайских и корейских) рабочих. Главной трудностью для Переселенческого Управления здесь было создание и поддержание на должном уровне санитарно-гигиенических условий перевозок, чтобы не допустить занесения в центральную часть страны опасных инфекционных заболеваний [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 18]. Нанимать иностранных рабочих начали с конца 1915 г., но до апреля 1916 г. их количество было незначительным, «...следовали лишь отдельные партии ... численностью в несколько десятков человек каждая» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 23]. В апреле 1916 г. количество прибывающих в Россию рабочих резко увеличилось. Большая часть рабочих (92%) нанималась в соседнем Китае, Амурской области, г. Владивостоке, Забайкалье и Иркутске. За 6 месяцев 1916 г. через Иркутск в западную часть страны было отправлено 51 488 рабочих, из них 49 089 чел. (96%) — китайцы, остальные — 2399 (4%) корейцы [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 24]. Максимальное количество иностранных рабочих — 17 732 чел. — отправлено на запад страны в июле 1916 г. Наниматели должны были оплачивать питание и услуги по оказанию медицинской помощи, предоставленные Управлением. Однако агенты фирм и предприятий, отвечавшие за доставку рабочих до места назначения, старались любыми способами сэкономить на оплате этих услуг. Они отказывались покупать горячую пищу в переселенческих пунктах, предпочитая либо кормить рабочих взятыми ещё в Харбине продуктами, качество которых не выдерживало никакой критики, либо выдавали им кормовые деньги. Причём суммы были столь малы, что их не хватало на нормальное питание, поэтому китайцы прибывали в Челябинск сильно истощёнными. Представители фирм отказывались тратить средства на лечение рабочих и оплачивать их пребывание в переселенческих больницах, выступали против снятия с поездов рабочих с подозрением на инфекционные заболевания или находившихся в контакте с заболевшими [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 23—24]. Ситуация стала меняться с середины 1916 г.: нанимателей обязали оплачивать питание рабочих, в противном случае они не допускались в Россию. Расходы по медицин-

скому обслуживанию взяло на себя государство, выделив для этих нужд особый кредит.

Большинство рабочих были наняты в Китае, поэтому за санитарный надзор в пути от места найма до ст. Маньчжурия отвечали представители Китайской Восточной железной дороги. На ст. Маньчжурия эти обязанности передавались Переселенческому Управлению. Небольшие партии рабочих перевозились в товаро-пассажирских поездах, а крупные (от 400 чел. и более) — в специальных поездах, всего за 1916 г. таких поездов было 41 [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 25]. Сопровождали такие партии специальные переселенческие агенты. В Челябинске или Екатеринбурге агентов Восточного переселенческого района сменяли агенты Западного района. В их обязанности входило сопровождение партий рабочих до мест следования, они также отвечали за питание рабочих, санитарное состояние, порядок и благополучие эшелонов. Чтобы не допустить занесения различных инфекционных заболеваний на территорию России, в Харбине Китайской Восточной железной дорогой был открыт большой санитарный пункт, где китайцы и корейцы подвергались врачебному осмотру, обсервации в течение трёх дней, мытью в бане, также производилась дезинфекция их вещей и одежды. На переселенческом пункте в Маньчжурии проводился ещё один медицинский осмотр врачами Переселенческого ведомства, на основании которого партия рабочих либо пропускалась в пределы Российской империи, либо задерживалась для обсервации. Переселенческое Управление было вынуждено проводить повторные медицинские обследования, так как достаточно большое количество китайцев сбежали с поезда до прибытия его в Маньчжурию, на их место набирались новые рабочие. В дальнейшем рабочие осматривались врачами на всех переселенческих станциях, на которых поезд останавливался в светлое время суток. В Иркутске проводились «днёвки» для всех партий, во время которых китайцы мылись в бане, им измерялась температура, прививались от оспы те, кто ехал работать в Восточную Сибирь, делались также прививки от холеры и тифа. Если во время «днёвки» обнаруживались больные, то произ-

водилась дезинфекция вещей и одежды в пароформалиновой камере [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 26]. Кормили рабочих в переселенческих или воинских питательных пунктах. На крупных пунктах работали приглашённые китайцы, чтобы «...приблизить качество и вкус пищи к требованиям рабочих». Принятые меры оказались эффективными, во время следования до места назначения рабочие чувствовали себя хорошо, не было зарегистрировано ни одной эпидемии [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 27]. Совсем иную картину наблюдали сотрудники Переселенческого Управления, когда рабочие возвращались. В 1916 г. обратно в Китай ехала небольшая часть рабочих, всего 1390 чел. Это были измождённые, истощённые, больные люди. Некоторые не могли передвигаться без посторонней помощи. Почти все рабочие жаловались на жестокое обращение, голод, плохие условия проживания, задержку заработной платы нанимателями. Попавшим в тяжёлое положение иностранным рабочим оказывалась помощь: предоставлялось бесплатное питание и тёплая одежда [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 27].

С началом войны Переселенческое Управление стало заниматься перевозкой и оказанием помощи беженцам. Служащим Управления вменили в обязанность всесторонне способствовать облегчению участи беженцев. Переселенческие пункты стали помогать беженцам со второй половины июля 1915 г. С появлением беженцев в Сибири и Туркестане остановочные и врачебно-питательные пункты были переориентированы для оказания им помощи. К концу 1915 г. Переселенческое Управление помогло более чем 400 тыс. таких беженцев. Переселенческие чиновники в регионах должны были максимально способствовать облегчению участи беженцев, разрешалось зачислять желающих на переселенческие участки в упрощённом порядке, без соблюдения определённых законом формальностей, но так как массовое движение беженцев в Сибирь пришлось на самый конец сельскохозяйственного года, то только 113 семей (653 чел.) решили воспользоваться этим правом [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 110. Л. 2]. Работа с беженцами значительно отличалась от привычной и во многом уже отлаженной деятельности по ор-

ганизации переселенческого движения. Причём, если в Европейской России Переселенческому Управлению значительную помощь оказывали различные правительственные и общественные организации, то за Уралом ведомство могло рассчитывать только на свои силы. Движение беженцев носило стихийный характер, поэтому Управление не смогло заранее составить хотя бы приблизительный план действий и перевозок. Ситуацию также осложняли отсутствие подготовленных мест для приёма и размещения, недостаток вагонов, а также «...угнетённое душевное состояние самих беженцев». Полной неожиданностью для Переселенческого Управления стала хлынувшая в Сибирь волна беженцев, вызванная быстрым накоплением их в восточных губерниях Европейской России. Не готовыми к приёму оказались и администрация Сибири, и общественные благотворительные организации, к тому же, наиболее крупные города, расположенные вдоль линии железной дороги, были заполнены военнопленными и войсками ещё с 1914 г. Количество прибывающих беженцев начало резко расти с 22 августа 1915 г., когда в Челябинск за сутки прибыли 1100 чел. Всего в августе через Челябинск прошли 5769 чел. В дальнейшем их число только увеличивалось: в сентябре — 47 613 чел., а в октябре движение достигло максимума — 103 523 чел. [2, с. 10].

Большинство прибывавших оседало в городах Сибири, до Иркутска добрались лишь 16 222 беженца, из которых 7662 остались в городе, а остальные (8560 чел.) отправились на Дальний Восток [2, с. 11]. Беженцы прибывали без каких-либо средств к существованию, у многих не было даже тёплой одежды и обуви, поэтому с наступлением холодов в Челябинском и Иркутском пунктах наиболее нуждающимся они выдавались бесплатно. На её покупку было израсходовано 14 600 руб. Переселенческие чины Челябинского пункта старались бороться с иждивенческим поведением беженцев: отправляли всех желающих работать на железную дорогу, имевшие образование, могли устроиться по специальности, те, кто не владел необходимыми профессиями, становились чернорабочими. Чернорабочие получали за рабо-

ту 1 руб. в день, работавшие по специальности — больше. За первые полмесяца беженцы смогли заработать от 10 до 15 руб. При этом устроившиеся на работу вынужденные переселенцы продолжали получать бесплатное питание [2, с. 14—15]. Чиновники Переселенческого Управления оценивали данный опыт положительно, считая, что «...беженцы, вопреки распространённому мнению, не столько не хотят работать, сколько не умеют приспособиться к чуждым условиям». Однако при этом в отчёте не было указано, сколько беженцев согласились работать, поэтому трудно установить, была ли эта практика массовой.

В 1916 г. из-за стабилизации военной обстановки и прекращения продвижения армий противника вглубь страны, количество прибывавших беженцев значительно сократилось. Поэтому если в конце 1915 г. ведомство занималось организацией приемлемых условий перевозок беженцев, то в 1916 г. — устройством и обеспечением их работой. Заведующие переселенческими районами отмечали, что многие беженцы останавливались в городах и не желали переезжать в деревню, отказывались заниматься сельскохозяйственным трудом на переселенческих участках, что создавало довольно напряжённую обстановку, так как далеко не всегда города могли принять всех прибывших. Так, властям Иркутска пришлось пойти на экстренные меры и принудительно выселить часть беженцев в ближайшие деревни на сельскохозяйственные работы [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 7 об.].

Необходимо отметить, что отношение к беженцам с течением времени менялось, если в первое время население старалось максимально облегчить их участь, то в дальнейшем сострадание сменилось апатией, нежеланием оказывать какую-либо помощь. С ухудшением экономического положения из-за повышения налогов, роста цен на продукты, инфляции население принимающих регионов было поставлено перед выбором либо помогать беженцам, либо выживать самим [1, с. 120].

Переселенческое Управление продолжало оказывать содействие прочному устройству переселенцев на новых местах. Из-за призыва в войска за-

пасных в крайне стеснённом положении оказались и старожильческие, и новосельческие семьи, о чём свидетельствуют обращения к властям с просьбой освободить от мобилизации [3, с. 85]. Новосельческим семьям было гораздо труднее, изначально экономически более слабые, хозяйственно неокрепшие, они ещё не успели окончательно устроиться на новых местах. Переселенческим Управлением был предпринят ряд мер для поддержки населения. При содействии чиновников ведомства к полевым работам были привлечены арестанты, лица, находящиеся под стражей и обвиняемые в «маловажных» преступлениях, солдаты местных гарнизонов и отпущенные в специальный семинедельный отпуск на сельскохозяйственные работы, беженцы, китайцы и корейцы [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 8]. В 1916 г. для оказания помощи семьям призванных в армию ведомство уже не могло использовать труд военнопленных, так как их стали вывозить в Европейскую Россию, где также остро стояла проблема нехватки рабочих рук. Управление сделало попытку привлечь к трудовой повинности аборигенное население, освобождённое от воинской повинности, но она оказалась неудачной и привела лишь к крупным восстаниям последних. Была организована выдача дополнительных ссуд особо нуждающимся. В первую очередь такие ссуды предоставлялись семьям, в которых на войну призваны все взрослые работники. В 1915 г. в Амурской области ссудная помощь на хозяйственное устройство переселенцам составила 14 142 руб., в Приморской — 68 282 руб. Кроме этого за счёт ссудного кредита в Приморской области 309 нуждающимся семьям переселенцев были выданы ссуды на обработку, засев полей и уборку урожая в общей сумме 19 756 руб. [2, с. 38—39].

Важным направлением деятельности Переселенческого Управления были разработка и реализация мер, направленных на предотвращение сокращения посевных площадей, которое в хозяйствах переселенцев происходило из-за призыва трудоспособного мужского населения в армию. Например, в одном из отчётов ведомства сообщалось, что «...повторные мобилизации более чем наполовину исчерпали в сибирской деревне мужской и притом тру-

довой элемент» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6]. Из-за резкого снижения количества трудоспособного населения во многих деревнях отказывались молотить зерно, так как имеющихся запасов было достаточно для питания оставшихся [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6]. В 1916 г. Управление через сельскохозяйственные склады стало предоставлять переселенцам на льготных условиях или даже бесплатно сельскохозяйственные орудия для того, чтобы компенсировать обострившийся к этому времени, недостаток рабочих рук. Благодаря принятым мерам размеры посевных площадей практически не изменились, население смогло вовремя завершить уборку урожая. Работа сельскохозяйственных складов была осложнена рядом проблем, вызванных событиями военного времени. Так, сократился ввоз из-за границы необходимых сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним, многие отечественные заводы, из-за получения военных заказов, также прекратили их выпуск. В конечном итоге большинство частных фирм фактически прекратили продажу сельскохозяйственной техники в Сибири и на Дальнем Востоке. Основным поставщиком земледельческих орудий стали переселенческие сельскохозяйственные склады, обеспечивавшие ими новосельское и старожильческое население. Переселенческое Управление принимало меры для максимального сокращения сроков доставки необходимых товаров. Переселенческие пункты должны были следить за своевременным следованием земледельческих машин, шпегата, удобрений и других сельскохозяйственных грузов, отправляемых уполномоченным Департамента Земледелия из Владивостока. С марта по ноябрь 1916 г. было отправлено 1974 вагона. За каждым отправленным грузом следили переселенческие агенты. Если груз не прибыл вовремя на регистрационный пункт, отправляли розыскные депеши, принимали меры по ускорению задерживающихся вагонов, вплоть до личного выезда и розыска груза на путях станции. Благодаря такому подходу движение грузов происходило без существенных задержек, в среднем грузы от Владивостока до Челябинска доставлялись за 21 сутки. В отчёте Переселенческого Управления указывалось, что «...грузы Департамента Земледелия

следовали скорее не только частных грузов, но и большинства казённых и даже воинских» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 28].

Несмотря на важность работы переселенческих сельскохозяйственных складов часть из них была закрыта из-за призыва значительного числа сотрудников (около 40%). Если в 1915 г. работало 240 складов, то в 1916 г. это количество сократилось до 131. В Амурской области действовало 7 складов, в Приморской — 11, Сахалинской — 1 [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 10 об.]. Обороты складов в 1916 г. по сравнению с 1915 г. выросли почти на 50% и составили 9 635 111 руб. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 7, 11].

Необходимо отметить, что отдельные виды помощи, традиционно оказываемые переселенцам, также претерпели определённые изменения. Основной причиной являлось сокращение числа квалифицированного персонала. Многих специалистов (врачи, фельдшеры, ветеринары, землемеры и др.) призвали на фронт, заменить же их было некому. В 1916 г. ситуация только ухудшилась. Из-за мобилизации в отдельных районах некоторых специалистов было на 50 и более процентов меньше необходимого. Так, в Приморском районе численность техников составляла всего 40% от положенного по штатному расписанию [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 4]. Сократилось количество медицинского персонала: если в 1915 г. в переселенческой организации работало 526 врачей и фельдшеров, то в 1916 г. — 460 [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6].

В отчёте о деятельности Переселенческого Управления за 1915 г. указано, что «...медицинская помощь переселенцам может посчитаться развитой достаточно широко», тем не менее, приведённые в тексте цифры заставляют усомниться в сделанном выводе. Так, согласно представленным данным на выделенные в 1915 г. средства на службе у Переселенческого Управления должны были находиться 130 врачей, однако к концу года осталось всего 72 специалиста. Таким образом, на 30 тыс. чел. приходился 1 врач. Из-за нехватки специалистов только 62 врачебных пункта из 106 имели врачей, в остальных пациентов принимал фельдшерский персонал. Ситуация с фельд-

шерским персоналом была не лучше: вместо положенных 684 фельдшеров к концу 1915 г. Переселенческое Управление располагало только 454 (66%). Резкое сокращение численности специалистов привело к снижению количества фельдшерских пунктов почти на 30%: к концу 1915 г. из 310 работало только 224 [2, с. 55]. К концу 1916 г. действовало всего 90 врачебных и 207 фельдшерских пунктов. В Приморском районе действовали 7 врачебных и 33 фельдшерских пункта, в которых работали 10 врачей и 60 фельдшеров [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 47].

Ещё хуже было положение с оказанием ветеринарной помощи. Недостаток специалистов ощущался ещё до войны, после 1914 г. ситуация только ухудшалась. Так, в Приморском районе вместо 3 врачей работал только один, в Амурском — вместо переселенческих врачей, призванных в армию, за дополнительную плату за работой фельдшеров наблюдали земские врачи [2, с. 45, 48]. В Приморской области для стационарного лечения животных было оборудовано 3 специальных здания, в Амурской — только одно. В целом по стране вместо 58 ветеринарных пунктов работало только 38. К 1916 г. в стране работало 9 врачебных и 25 фельдшерских ветеринарных пунктов [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 46]. Таким образом, в 1916 г. действовало 34 ветеринарных пункта, что было на 4 меньше по сравнению с предыдущим годом.

В военные годы Переселенческое Управление продолжало выполнять свои «традиционные» обязанности, но в меньшем объёме. К их числу относится проведение землеотводных работ. В Амурском районе в 1915 г. было запроектировано и отграничено 673 хутора площадью 34 971 десятина из свободных казённых земель, 908 хуторов площадью 51 198 десятин из незаселённых переселенческих участков; сделано 7 прирезок к переселенческим посёлкам, образовано 26 запасных участков, снято 74 338 десятин незаселённых переселенческих участков и 800 десятин свободных казённых земель для проектирования в зиму 1915/1916 г. единоличных участков, в г. Алексеевске проинвентаризовано 720 десятин [2, с. 142]. В Приморском районе в 1915 г. бы-

ло «запроектировано» 14 переселенческих участков и отграничено 32 участка на площади 109 642 десятины, а также был закончен ряд невыполненных работ прошлых лет (отведено 4 церковно-школьных участка площадью 475 десятин, один участок под Александровское опытное поле в 200 десятин и распланировано 2 посёлка с 120 усадьбами) [2, с. 144]. В 1916 г. всего заготовлено во всех переселенческих районах приблизительно 1 360 344 десятины, что хотя и немного превысило план, тем не менее, было почти в два раза меньше сделанного в 1915 г. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 4].

Большие трудности испытывало Переселенческое Управление и с проведением гидротехнических работ. В 1915 г. из-за призыва в войска сокращение личного состава гидротехнических партий по отдельным районам достигало 80% [2, с. 177]. Недостаток рабочих рук, а, следовательно, и высокая их стоимость, при отсутствии достаточного количества средств, стали ещё одной проблемой, которую Переселенческому Управлению необходимо было решить в кратчайшие сроки. Вместо ушедших в армию специалистов приглашались временные гидротехники, буровые мастера, нивелировщики и десятники. Привлечение на работы военнопленных, позволило укомплектовать гидротехнические отряды дешёвой рабочей силой. Всё это дало возможность сформировать необходимое количество гидротехнических отрядов, но сказало на качестве и продуктивности как из-за отсутствия у вновь нанятых техников опыта работы в отдельных местностях, так и из-за использования принудительного труда. Тем не менее, намеченные планом работы были выполнены. В Приморском районе проводились работы по возведению водозащитных дамб и «спрямлению русел рек» для защиты населённых местностей от наводнений. В 1915 г. здесь были построены 4 водохранилища и заградительная дамба в с. Лукьяновка [2, с. 177—191].

В 1915 г. продолжались работы по дорожному строительству. На дорожное дело в Амурском районе в 1915 г. было израсходовано 464 597 руб. Из них 131 054 руб. — на постройку 76 вёрст новых дорог, 24 111 руб. — работы по достройке 124 вёрст дорог, 72 499 руб. — ремонт и содержание

1089 вёрст дорог, 6267 руб. — содержание 19 переправ через реки, 380 руб. — постройку отдельного сооружения, 65 987 руб. — общие расходы, 30 483 руб. — заготовку материалов, 8000 руб. — приобретение дорожных машин, 51 313 руб. — организацию водных сообщений, 17 361 руб. — автомобильное сообщение и 57 142 руб. — содержание инженера и техников [2, с. 202—203]. В Приморском районе на дорожное дело была выделена большая сумма — 1 201 228 руб. Из них 2765 руб. — постройку 3 вёрст новой дороги, 599 945 руб. — на достройку 464 вёрст дорог, 249 328 руб. — ремонт 1217 вёрст дорог, 22 492 руб. — изыскания для 333 вёрст дорог, 35 507 руб. — отдельные сооружения, 55 600 руб. — водное сообщение, 165 000 руб. — общие расходы и 70 591 руб. — инженера и техников [2, с. 204]. В 1915 г. в Приморской области проведён опыт замены ручного труда машинным, позволившим сэкономить расходы при дорожном строительстве и соответственно признанный удачным [2, с. 196]. На следующий год финансирование дорожного строительства было сокращено. Так, в 1916 г. на проведение работ в Амурском районе было выделено 303 025 руб., где 77 800 руб. составили расходы на содержание и командировки 3 инженерам и 24 техникам, 4000 руб. — на изыскания, 113 615 руб. — поддержание в надлежащем состоянии построенных ранее дорог. В Приморском районе — 280 700 руб., из которых оплата труда 2 инженеров и 25 техников составила 64 800 руб., 4400 руб. — на изыскания, 107 000 руб. — строительство и 104 500 руб. на ремонт дорог [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 144—144 об.].

Несмотря на военное время, Переселенческое Управление продолжало выделять средства на строительство церквей и школ, в 1916 г. на предоставленные ведомством денежные ссуды возведено 155 церквей, молитвенных и причтовых домов и 230 школ. При этом в 1916 г. на оказание ссудной помощи на домообзаводство было выделено всего 28 млн руб., в два раза меньше по сравнению с предыдущим годом [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6].

Таким образом, во время Первой мировой войны сфера деятельности Переселенческого Управления расширилась, главным образом за счёт необходимости обеспечивать нужды фронта. Важным направлением деятельности ведомства стало оказание помощи беженцам и их устройство в принимающих районах. При этом ведомство продолжало выполнять свои традиционные функции, такие как заготовка переселенческого земельного фонда, гидротехническое, дорожное строительство, оказание ссудной помощи, однако их объём сократился.

Литература и источники

1. Кузьменко А.С. Сибирский тыл и «недобровольные» мигранты в годы Первой мировой войны // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3—6 декабря 2013 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 119—122.
2. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Петроград: Типография М.П. Фроловой (влад. А.Э. Коллинс), 1916. 400 с.
3. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 280 с.
4. РГИА (Российский гос. ист. арх.).

Транслитерация

1. Kuz'menko A.S. Sibirskij ty'l i «nedobrovol'ny'e» migranty' v gody' pervoj mirovoj vojny' // Sibir' v vojnax nachala XX veka. Materialy' Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 3—6 dekabrya 2013 g. Krasnoyarsk: Rezonans, 2014. S. 119—122.
2. Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1915 g. Petrograd: Tipografiya M.P. Frolovoj (vlad. A.E'. Kollins), 1916. 400 s.
3. Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody' Pervoj mirovoj vojny': shtrixi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty' i materialy'. Vladivostok: RGIA DV, 2014. 280 s.
4. RGIA (Rossijskij gos. ist. arh.).

УДК 94: 621.311.1(571.6)

*А.В. Маклюков**A.V. Maklyukov*

Роль электроэнергетики в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (конец XIX — середина XX в.)

Рассматривается развитие электроэнергетики и её роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России в конце XIX — первой половине XX в. Впервые электрический ток на Востоке России стал использоваться русскими военными в ночном освещении, средствах связи и работе оборудования. С формированием фабрично-заводских предприятий на Дальнем Востоке, электричеству было найдено применение в производственных процессах. В период индустриализации Дальневосточного края, электроэнергетика сыграла ключевую роль в техническом перевооружении оборонных предприятий и создании отраслей тяжёлой промышленности. Показано, что электрификация промышленности дала возможность начать на Дальнем Востоке производство и ремонт различных видов вооружения и военной техники. Автор приходит к выводу, что без создания и развития энергетической базы, укрепление обороноспособности Дальневосточного региона России было бы невозможным.

Ключевые слова: электроэнергетика, электростанции, промышленность, оборонный потенциал, Дальний Восток.

The role of electric power in strengthening the defense capability of Russian Far East (the end of XIX — middle XX century)

The article describes the development of the power industry and its role in strengthening the defense capability of the Russian Far East at the end of the 19th — the first half of the 20th century. For the first time an electric current in the Far East was used by the Russian military in the night lighting, communications and equipment operation. With the formation of plants and factories in the Far East electricity was used in production processes. During the period of industrialization of the Far Eastern region electric power played a key role in the modernization of the defense enterprises and the creation of heavy industries. It is shown that the electrification of industry provided an opportunity to start manufacture and repair of various types of weapon and military equipment in the Far East. The author concludes that strengthening the defense capability of the Russian Far East would be impossible without the creation and development of the energy base.

Key words: electricity, power, industry, defense capabilities, the Russian Far East.

В середине XIX в. с присоединением Приамурья и Приморья к России и смещением центра внешнеполитической активности мировых держав в Тихоокеанский регион встал вопрос об обеспечении обороноспособности дальневосточных рубежей страны. Для охраны, заселения и освоения новых территорий по Амуру и Уссури царское правительство направляло регулярные и казацкие войска. В конце XIX — начале XX в. началось строительство первых

береговых укреплений во Владивостоке, Николаевске-на-Амуре и Порт-Артуре. В этот период на военных объектах в России стало применяться электричество. Электрический ток играл важную роль в элементах подрыва мин, в телеграфной связи, применялся для ночного освещения и в работе оборудования. На российском Дальнем Востоке русские военные стали первыми использовать энергоустановки и строить электрические станции.

В 1885 г. на береговых батареях Владивостока для обеспечения эффективности стрельбы в ночное время русские военные инженеры установили мощные дуговые электрические прожекторы. Электричество для них вырабатывалось с помощью нескольких динамо-машин, работающих от паровых двигателей [14]. В том же году в Минном городке Владивостока появилась ещё одна электроустановка, генерирующая энергию для освещения складов военно-морского ведомства. Электродвигатель мощностью всего несколько киловатт (кВт) работал от паровой машины, а сама станция находилась в специально построенном деревянном сарае [13, с. 39]. В 1892 г. была сформирована Владивостокская крепостная минная рота. В октябре 1899 г. рота отработала постановку минных заграждений у Токаревской кошки с прокладкой электрического кабеля на береговую минную станцию, где находился генератор [1, с. 13]. Так управляемые электричеством подводные мины должны были осуществлять подрыв корабля противника.

Первая центральная электрическая станция с протяжённой электросетью на Дальнем Востоке построена русскими военными в Порт-Артуре в 1903 г. Электричество использовалось не только для освещения всех фортов крепости, но и для питания специальной оборонительной изгороди из 5 рядов проволоки напряжением 3000 вольт (В). Примечательно, что это был самый первый опыт применения электричества русскими военными в целях обороны [16, с. 81].

С конца XIX в. электрическая энергия стала использоваться для силовых процессов на военных и промышленных предприятиях в России. В 1902 г. в Хабаровской артиллерийской окружной мастерской была установ-

лена динамо-машина фирмы «Эдисон». Она вырабатывала ток не только для электрических ламп, но вместе с двумя паровыми котлами приводила в движение станки и оборудование мастерской [9, с. 31]. В 1900 г. началось строительство центральной электростанции для механических мастерских Владивостокского военного порта. Электростанцию мощностью 300 кВт строили 4 года и в ноябре 1904 г. ввели в эксплуатацию. Вся территория порта вместе с сооружениями стала освещаться дуговыми фонарями и лампочками накаливания, а рабочие станки приводиться в движение электрическими двигателями [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 223. Л. 250].

Важнейшим решением правительства в деле укрепления обороноспособности Дальнего Востока стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Железная дорога позволила усилить геополитические позиции России на Тихом океане и ускорить социально-экономическое развитие региона. В конце XIX в. началась электрификация российских железных дорог. Первые энергоустановки стали монтироваться на железнодорожных станциях и узлах Транссиба. В декабре 1902 г. на станции Владивосток заработала динамо-машина, вырабатывающая ток для освещения здания вокзала и посадочной платформы, а также для работы оборудования мастерских управления железной дороги [8]. В 1903 г. заработала первая электростанция в паровозном депо и вагоноремонтных мастерских на станции Никольск-Уссурийский, а в 1904 г. — на станции Первая Речка [5, с. 191].

Процесс электрификации объектов гражданской и военной инфраструктуры на Дальнем Востоке приостановила русско-японская война 1904—1905 гг. Тем не менее, в годы войны электроэнергетика сыграла свою определённую роль в обеспечении обороноспособности края. С помощью электричества работало оборудование цехов Владивостокского военного порта, ремонтировавшего корабли Сибирской военной флотилии. В начале 1905 г. во Владивостоке электричество провели в здание морского штаба, морского собрания, в минно-артиллерийский городок и в морской госпиталь [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 223. Л. 250]. В январе 1905 г. электростанция появилась

на Чныррахских укреплениях, расположенных около г. Николаевска-на-Амуре [14].

Новое развитие электроэнергетики на Дальнем Востоке происходит в период предвоенного экономического подъёма. Появились первые городские электростанции общего пользования, что способствовало росту местной экономики, изменению социально-культурного облика городов, развитию благоустройства и транспортной системы. Электроэнергетика также стремительно развивалась в оборонной, обрабатывающей и добывающей промышленности. В 1910 г., для укрепления обороноспособности Дальнего Востока, началось возведение новых фортов Владивостокской крепости. Для проведения строительных работ построили электростанцию постоянного тока, работавшую от бензиновых двигателей. Кроме того, на стройке использовались бетономешалки, подъёмные лебедки, камнедробилки, перфораторы и другое оборудование, работавшее с помощью электрического привода [2, с. 140].

В 1911—1912 гг. на центральной электростанции Владивостокского военного порта установили новые поршневые машины мощностью по 200 кВт и поршневую турбину — 640 кВт. Общая мощность установленных агрегатов станции составляла 1340 кВт [7, с. 26]. Станция обеспечивала электрическим током все производственные цеха и заводские здания предприятия. Это была самая мощная промышленная электростанция, построенная на Дальнем Востоке в начале XX в.

В добывающей промышленности стремительными темпами развивались Сучанские казённые угольные копи, которые обеспечивали потребности Дальнего Востока к 1914 г. в твёрдом топливе на 50%. Первое генерирующее оборудование на предприятии появилось в 1904 г., а к 1914 г. копи обслуживали уже 4 электростанции общей мощностью 595 кВт. Они обеспечивали электрическим светом шахты, промывочную фабрику, механические мастерские. Электричество также использовалось для откачки воды, вентиляции подземных выработок и лебёдок [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 385. Л. 4; ГАПК. Ф. 498. Оп. 1. Д. 2. Л. 36].

В годы предвоенного экономического подъёма в развитии промышленности Дальнего Востока характерно более широкое использование электрической энергии. Усиление технической оснащённости и энерговооружённости военных и промышленных предприятий свидетельствовали об интенсивном втягивании региона в процесс общероссийской модернизации.

Первая мировая война 1914—1918 гг. ударила по энергетическому хозяйству России. Отсутствие отечественных специализированных предприятий энергетического машиностроения и полная зависимость электроэнергетики от германского импорта самым негативным образом сказались на развитии отрасли. В годы войны Владивостокский порт и Транссибирская магистраль сыграли важную роль в снабжении Русской армии грузами военного назначения, получаемыми от союзников — США и Японии. В 1914—1915 гг. проведена модернизация Владивостокского порта, построены две новые гавани, более десяти причалов, проведена их электрификация [6, с. 101—102]. В конце 1914 г. запущена электростанция Владивостокских вагоносборочных мастерских мощностью 275 кВт, обеспечивающая работу цехов предприятия [5, с. 191]. Мастерские занимались сборкой вагонов, на которых доставлялись на фронт военные грузы из порта Владивосток.

В апреле 1916 г. электротехнический отдел Центрального Военно-промышленного комитета г. Петроград обратился во все ведомства страны с рекомендацией поддерживать работу электростанций, обеспечивающих энергией военные учреждения и предприятия, работающие на оборону [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 184]. На Дальнем Востоке в числе таких предприятий были Владивостокский военный порт и временные вагоносборочные мастерские. В годы войны, несмотря на все трудности, электрический отдел Военного порта поддерживал электростанцию в хорошем техническом состоянии.

Гражданская война и военная интервенция нанесли народному хозяйству Дальнего Востока огромный ущерб. Наряду с промышленными предприятиями часть электростанций была остановлена и разрушена, а на осталь-

ных работали только несколько агрегатов. В исключительном положении находилась станция Владивостокского военного порта (Дальзавода). Завод находился на правительственном финансировании, что позволило провести электрификацию всех цехов в самом широком масштабе. Интересно, что в этот период на Дальзаводе электричеству было найдено новое технологическое применение. В 1920 г. директор завода Вологдин В.П. сконструировал и построил первый сварочный генератор и стал использовать электричество в промышленной сварке. При заводе открыли первый в России электросварочный цех [4, с. 4].

Советское правительство с первых дней своего существования осознавало, что без создания мощной и современной энергетической базы невозможно развитие экономики и укрепление обороноспособности России. В декабре 1920 г. был утверждён государственный план электрификации страны — ГОЭЛРО, который представлял собой первую государственную стратегическую программу развития народного хозяйства России на базе электрификации. При его разработке территория Восточной Сибири и Дальнего Востока не учитывалась. Гражданская война практически на десятилетие остановила развитие электроэнергетики Дальневосточного края. Регион практически выпал из общехозяйственных процессов страны в начале 20-х гг. XX в.

Наладить электроснабжение потребителей на Дальнем Востоке советским партийно-хозяйственным органам удалось только к 1925 г. На Владивостокской городской станции в 1927 г. был установлен котёл мощностью 500 кВт, который был специально собран в 1925 г. на Дальзаводе [РГИА ДВ. Ф. 2486. Оп. 1. Д. 29. Л. 85]. Это было важным моментом: оборудование для электроэнергетики стало изготавливаться на заказ местной промышленностью, а не завозиться из-за границы или центральной России, как раньше. По уровню развития электроэнергетики Дальневосточный край продолжал оставаться самым отсталым регионом страны.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. происходит обострение международной обстановки в Дальневосточном регионе. Нарастание прямой военной

угрозы со стороны милитаристской Японии, территориальные притязания сопредельных государств, постоянные военные провокации заставили руководство страны по-новому взглянуть на проблемы региона. Государство ставило задачи по реконструкции и переоснащению старых предприятий, строительству новых заводов, фабрик, шахт и рудников, созданию собственной топливно-энергетической базы. Программа усиления обороноспособности советского Дальнего Востока в условиях обострения военно-политической обстановки в начале 1930-х гг. потребовала скорейшего развития энергетической инфраструктуры. Развитие военно-экономического потенциала не представлялось возможным без укрепления его энергетической базы

Первая крупная электростанция на Дальнем Востоке была построена в топливодобывающей промышленности. В апреле 1929 г. специальный строительный военизированный батальон приступил к закладке центральной электростанции (ЦЭС) треста Сучануголь. Её проектная мощность составляла 5000 кВт. Первая турбина отечественного производства завода «Электросила» дала ток уже в сентябре 1931 г. С пуском ЦЭС шахты треста стали получать новое электрооборудование — машины, лебёдки, насосы, вентиляторы, компрессоры и т.д., то есть началась реконструкция предприятия на основе его электрификации [19, с. 355—356]. После реконструкции трест Сучануголь превратился в крупнейшую топливодобывающую базу Дальневосточного края.

В 1932 г. началось строительство государственной районной электростанции (ГРЭС) на Дальнем Востоке — Артёмовской. Первую очередь АртёмГРЭС, мощностью 24 000 кВт, ввели в эксплуатацию в феврале 1937 г. [РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 77. Л. 27]. В 1935 г. начались масштабные работы по реконструкции Владивостокской электростанции, мощность которой была доведена до 11 000 кВт [ГАПК. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 2, 8]. В 1938 г. завершилось строительство первой на Дальнем Востоке линии электропередач 110 кВ, соединившей АртёмГРЭС и Владивостокскую электростанцию в единую энергосистему [ГАХК. Ф. 353. Оп. 5. Д. 30. Л. 18]. Создание энерге-

тической базы на юге Приморья позволило провести капитальную реконструкцию Дальзавода — крупнейшего судоремонтно-судостроительного предприятия Дальнего Востока. Многочисленный станочный парк и аппараты завода полностью переводились на электрическую энергию. После реконструкции Дальзавод стал специализироваться на серийной сборке гражданских и военных судов разных типов. С 1932 г. он начинает сборку малых подводных лодок, с 1936 г. осваивает сборку эсминцев, а с 1937 г. — сборку подлодок класса «С» [10, с. 17].

В г. Хабаровск в 1931—1936 гг. построены промышленные предприятия военного назначения, занятые производством либо обслуживанием военной техники — судоремонтно-судостроительный завод им. Кирова, машиностроительный завод им. Горького, авторемонтный завод им. Кагановича и авиаремонтный завод № 12. Каждое предприятие имело ведомственные автономные дизельные электростанции мощностью от 480 до 1850 кВт [ГАХК. Ф. 353. Оп. 5. Д. 20. Л. 4; Ф. 690. Оп. 1. Д. 2. Л. 90]. В 1934 г. началась реконструкция Хабаровского завода сельхозмашин. Для этого мощность ведомственной электростанции была расширена с 400 до 2800 кВт, или в 7 раз [ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 2. Л. 48]. Благодаря электрификации производственных процессов и внедрению электрооборудования завод превратился в широкопрофильное предприятие, способное ремонтировать любое стрелково-артиллерийское вооружение, танк или автомобиль.

В апреле 1934 г. началась закладка первой на Дальнем Востоке теплоэлектроцентрали (ТЭЦ), которая предназначалась для тепло- энергоснабжения строящегося Амурского судостроительного завода № 199 в г. Комсомольск-на-Амуре. В ноябре 1935 г. первый генератор ТЭЦ-2 мощностью 3000 кВт дал электрический ток и завод начал выпускать военную продукцию: подводные лодки и эсминцы. К июню 1939 г. мощность ТЭЦ завода была доведена до 30 000 кВт [ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 28]. Она стала самой мощной промышленной электростанцией на Дальнем Востоке, построенной в довоенный период.

К концу третьей пятилетки на Дальнем Востоке основными потребителями электрической энергии стали базовые отрасли тяжёлой промышленности — машиностроительная и угольная. На машиностроительных заводах Владивостока, Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре к 1940 г. 60% производимой электроэнергии расходовалось на рабочие машины. На втором месте по потреблению электроэнергии была угольная промышленность. На угледобывающих предприятиях региона (в городах Артём, Сучан и Райчихинск) в 1940 г. эксплуатировалось 293 электровоза, а уровень механизации и производственных процессов достигал 97,6% [ГАХК. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 21. Л. 6, 7].

В Дальневосточном регионе в 1930-е гг. стали возводиться мощные укрепленные районы, строиться военные городки, аэродромы, причалы, базы по ремонту и хранению техники. Для обеспечения электричеством военных объектов было запущено больше сотни мелких автономных тепловых, дизельных, локомобильных и передвижных электростанций — мобильных генерирующих установок, работающих на дизтопливе. В частности, только в Сучанском и Шкотовском укрепленных районах Приморского края в 1937—1939 гг. построили 14 электростанций с суммарной мощностью 10 325 кВт [ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 23. Л. 205]. Энергоустановки строились и для обслуживания военных баз. Например, в бухте Малый Улисс в 1940 г. работала зарядовая станция для подводных лодок, на которой эксплуатировалось 2 генератора по 420 кВт каждый [11, с. 117]. В 1933—1938 гг. в пос. Экипажный для централизованного электроснабжения военных объектов Тихоокеанского флота на острове Русский построили Крепостную электроточку (КЭТ) мощностью 6000 кВт [ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 10]. В Хабаровске для обеспечения электроэнергией военного городка в 1935 г. запустили электростанцию мощностью 2600 кВт [ГАХК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2. Л. 48].

За счёт строительства новых энергоносителей с 1935 по 1940 г. значительно расширилась энергетическая база Дальневосточной железной дороги. К 1940 г. она имела 50 электростанций и подстанций и 474 км линий электропередач. Только в Хабаровском крае на железнодорожных станциях и де-

по работали 33 энергоустановки суммарной мощностью 18 000 кВт [ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 28]. Наиболее крупные среди них были на ст. Хабаровск-2 (1750 кВт), Вяземская (1000 кВт), Бикин (830 кВт).

В 1930-х гг. на Дальнем Востоке началось промышленное освоение северных районов: Магадана, Колымы, Северного Сахалина, Чукотки и Камчатки. С 1932 г. стала формироваться электроэнергетика Дальстроя — государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. К 1938 г. локомобильные и дизельные станции обеспечивали электричеством до 90% промышленных объектов треста [17, с. 16]. В Камчатском крае в бухте Раковой в 1934 г. началось строительство судоремонтной верфи и электростанции, состоящей из двух дизелей («Акасака» и «Двигатель революции») общей мощностью 580 кВт [18, с. 61].

Таким образом, за годы первых пятилеток на Дальнем Востоке создана качественно новая энергетическая база из современных предприятий по производству электрической и тепловой энергии. Если в 1928 г. в регионе насчитывалось 28 электростанций, то в 1940 г. уже 419, то есть их общее количество возросло в 15 раз [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 575. Л. 49; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 157. Л. 208, 215]. И если в 1928 г. промышленными и транспортными электростанциями производилось 9,3 млн кВт/ч, то в 1940 г. — 425,2 млн кВт/ч [3, с. 63]. Эти цифры говорят о том, что электроэнергетика сыграла огромную роль в индустриализации Дальнего Востока. Электрификация привела к техническому перевооружению промышленных предприятий края.

С началом Великой Отечественной войны перед дальневосточной электроэнергетикой встали следующие задачи: обеспечение бесперебойного и надёжного электроснабжения промышленных предприятий оборонного значения; максимальное использование всех резервов для увеличения производства электрической энергии; обеспечение минимальных потерь электроэнергии в электрических сетях. Ещё до начала войны на электростанциях Дальневосточного края проводились мероприятия по подготовке работы предпри-

ятий в условиях военного времени. В декабре 1940 г. по распоряжению НКЭС СССР на крупных энергообъектах Приморского края развернулось строительство складов под запасы угля, и к июню 1941 г. запасено 16 600 т твёрдого топлива [ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 71. Л. 343]. Также были проработаны планы запуска станций в разных ситуациях, проведена подготовка объектов к противовоздушной обороне. Станции сдавались под усиленную охрану войск НКВД [ГАПК. Ф. 34. Оп. 7. Д. 112. Л. 25, 32, 42].

В годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке развернулось разностороннее оборонное производство. К 1944 г. объём производства военной промышленности в регионе по сравнению с 1940 г. возрос в 5 раз [15, с. 13]. Для работы оборонных предприятий требовалась мощная и надёжная энергетическая база. Центральные и местные партийно-хозяйственные органы с первых месяцев войны принимали решительные меры по расширению энергетического хозяйства Дальнего Востока. Ситуация осложнялась тем, что строительство крупнейших энергетических объектов в регионе — Владивостокской и Сучанской ГРЭС, Комсомольской ТЭЦ-1 — пришлось законсервировать [ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 9. Л. 24]. В то же время принимается решение строить дизельные и локомобильные электростанции, подземные энергоустановки на ряде важнейших объектов оборонного значения. В частности, только в Хабаровском крае по линии военных ведомств за годы войны принято в эксплуатацию 5 электростанций, которые только за 1944 г. произвели 2,5 млн кВт/ч электроэнергии [ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 78. Л. 2].

Преимущественное развитие на Дальнем Востоке в военное время получила тяжёлая промышленность — машиностроение и металлообработка. Для обеспечения стратегически важных предприятий тяжёлой промышленности в годы войны было развёрнуто строительство электрических и тепловых сетей. В г. Комсомольске-на-Амуре, центре тяжёлой промышленности края, осенью 1941 г. для энергоснабжения металлургического завода «Амур-сталь» была построена высоковольтная линия электропередач и теплотрасса

от Комсомольской ТЭЦ-2 [20, С. 125]. Обеспечение электрической и тепловой энергией завода «Амурсталь» позволило 15 февраля 1942 г. ввести в эксплуатацию первую очередь предприятия: 2 мартеновские 130-тонные печи, средне- и тонколистовой прокатные станы, вспомогательные цеха. Всего с начала работы по 1 января 1945 г. заводом было выплавлено 156,3 тыс. т стали и прокатано 109,5 тыс. т среднего и тонкого листа [12, с. 16]. Благодаря запуску завода «Амурсталь» на Дальнем Востоке удалось наладить производство различного вида вооружения. Только на заводах в Хабаровском крае за период войны освоили производство 16 видов боеприпасов.

Предприятия тяжёлой промышленности в годы войны были главными потребителями электрического тока — на их долю приходилось до 60% расхода всей вырабатываемой в Дальневосточном крае электроэнергии. Так, в Комсомольске-на-Амуре из всей произведённой за 1943 г. электроэнергии 70% ушло только на три оборонных предприятия: судостроительный завод № 199, авиастроительный завод № 126 и металлургический завод «Амурсталь» [ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 208]. Судостроительный завод № 199 НКПС с начала эксплуатации (1935 г.) по 1 января 1945 г. сдал Военно-Морскому флоту 2 лёгких крейсера, 2 лидера, 6 эсминцев, 2 подводные лодки типа «Щ». За годы войны судосборочная верфь превратилась в судостроительный завод, самостоятельно изготавливающий сложное судовое оборудование, — гребные винты, поршневые насосы, кронштейны гребных валов, мортиры и пр., освоивший производство авиабомб и снарядов [12, с. 21].

Развитие энергетической базы Дальнего Востока осложнялось тем, что с началом войны предприятия энергетического машиностроения, располагавшиеся в основном в западных областях страны, были разрушены. Даже с восстановлением их работы на Урале и в Сибири всё производимое энергетическое оборудование направлялось в первую очередь на обеспечение эвакуированных предприятий. В 1944 г. правительство приняло решение приобретать энергетические машины в США и доставлять их по ленд-лизу. Так, в октябре 1944 г. трест Сучануголь получил энергопоезд — передвижную

электростанцию «General Electric» мощностью 3000 кВт (GE-3000). В 1945 г. к Хабаровской коммунальной станции был присоединён энергопоезд «Westinghouse Electric Company». Суммарная мощность всех передвижных энергетических предприятий, запущенных в годы войны, составляла 12 000 кВт только по Хабаровскому краю [ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 43. Л. 1].

Производство электроэнергии на Дальнем Востоке ежегодно возрастало. Если в 1940 г. было выработано 651 млн кВт/ч, то в 1943 г. — 725, в 1944 г. — 835, в 1945 г. — 924 млн. кВт/ч. При этом по отдельным электростанциям (Крепостная электроточка о. Русский, Владивостокская государственная электростанция и Дальневосточная электростанция специального назначения) производство электроэнергии за годы войны увеличилось почти в два раза [ГАПК. Ф. 132. Оп. 5. Д. 3. Л. 19; Д. 4. Л. 19, 29]. Так, на Владивостокской электростанции благодаря перемотке турбогенераторов № 1 и № 2 с напряжением 3,15 на 6,3 кВ удалось увеличить мощность станции и обеспечить ежегодно растущие потребности Дальзавода в электрической энергии. В 1941—1943 гг. завод построил и сдал в эксплуатацию 3 эсминца, 9 подводных лодок, 4 транспортных средства вспомогательного флота. Кроме того, в доках завода прошли ремонт 77 судов Тихоокеанского флота [12, с. 19]. Без надёжной и мощной энергетической базы этого бы сделать не удалось.

Таким образом, электроэнергетика Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны обеспечивала работу оборонных предприятий, производивших военную технику, боеприпасы и другие виды снабжения. Сложно переоценить значение энергетики в годы войны, ведь именно она была базой промышленного и военного могущества страны.

Итак, электроэнергетика сыграла важную роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России в конце XIX — первой половине XX в. Электричество стало применяться на военных объектах края с 1885 г. В конце XIX — начале XX в. с началом формирования фабрично-заводской промышленности и появления первых крупных предприятий в крае электри-

честву было найдено применение в обрабатывающих и добывающих отраслях, а с развитием транспортной системы — на железнодорожном транспорте. На промышленных предприятиях электрический ток стал использоваться в производственных процессах — для работы машин и аппаратов. В период индустриализации Дальнего Востока в 1930-е гг. именно электроэнергетика сыграла ключевую роль в реконструкции всего народного хозяйства региона, в первую очередь, промышленности, которая стала главным потребителем электрической энергии. Электрификация привела к техническому перевооружению оборонных предприятий, созданию отраслей тяжелой промышленности и дала возможность начать производство и ремонт различных видов вооружения и военной техники. Без создания и развития энергетической базы, укрепление обороноспособности Дальнего Востока было бы невозможным.

Литература и источники

1. Авилов Р.С., Калинин В.И. Владивостокский крепостной минный батальон. Историческая справка // BALTFORT. Балтийский военно-исторический журнал. Рига, 2009. № 4. С. 13—15.
2. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. СПб: Изд-во Остров, 2001. 370 с.
3. Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 159 с.
4. Гундобин А.А. В.П. Вологдин — основоположник широко промышленного внедрения электросварки в отечественную промышленность // Дальзавод — пионер промышленного применения электросварки в СССР. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1967. С. 4—11.
5. Дальневосточная магистраль России. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. 352 с.
6. Дальневосточное морское пароходство. 1884—1984. Владивосток, 1985. 297 с.
7. Дальневосточный механический и судостроительный завод «Дальзавод». Владивосток, 1923. 40 с.
8. Дальний Восток. 1902. 18 дек.
9. Исторический очерк развития Хабаровской окружной Артиллерийской мастерской. Хабаровск, 1902. 36 с.
10. Киреев С.В. Создание оборонно-экономического потенциала на Дальнем Востоке СССР (конец 1920-х — 1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 26 с.
11. Зайцев Ю.М. Базовое строительство и оборона Дальнего Востока СССР в 1932—1945 гг.: теория, планы, проблемы, решения. Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2009. 280 с.
12. Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 152 с.
13. Обзор Приморской области за 1895 г. Владивосток, 1896. 57 с.

14. Савченко С.Н., Шестаков А.В. До плана ГОЭЛРО. История развития электроэнергетики на Дальнем Востоке // Энергетик ДГК. 2010. 19 окт.
15. Ткачева Г.А. Труд — фронт: промышленность Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 3. С. 13—18.
16. Шварц А., Романовский Ю. Оборона Порт-Артура. Ч. 1. СПб., 1908. 412 с.
17. Хлыпалов В.М. Развитие энергетики Северо-Востока СССР (1928—1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Магадан, 1989. 27 с.
18. Хлыпалов В.М. Электрификация Петропавловска-Камчатского (1910—1970 гг.) // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, Камчат. отд-ние, 1991. Вып. 7. С. 60—65.
19. Электрификация СССР: документы и материалы. 1926—1932 гг. М., 1966. 730 с.
20. Энергия души. Хабаровская энергосистема: время, события, люди. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2008. 382 с.
21. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
22. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
23. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики).
24. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

Транслитерация

1. Avilov R.S., Kalinin V.I. Vladivostokskij krepostnoj minnyj batal'on. Istoricheskaja spravka // BALTFORT. Baltijskij voenno-istoricheskij zhurnal. Riga, 2009. № 4. S. 13—15.
2. Ajushin N.B., Kalinin V.I., Vorob'ev S.A., Gavrilkin N.V. Vladivostokskaja krepost'. SPb.: Izd-vo Ostrov, 2001. 370 s.
3. Vilenskij M.A. Problemy razvitija jelektrojenergetiki Dal'nego Vostoka. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 159 s.
4. Gundobin A.A. V.P. Vologdin — osnovopolozhnik shiroko promyshlennogo vnedrenija jelektrosvarki v otechestvennuju promyshlennost' // Dal'zavod — pioner promyshlennogo primenenija jelektrosvarki v SSSR. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo. 1967. S. 4—11.
5. Dal'nevostochnaja magistral' Rossii. Habarovsk: Chastnaja kollekcija, 1997. 352 s.
6. Dal'nevostochnoe morskoe parohodstvo. 1884—1984. Vladivostok, 1985. 297 s.
7. Dal'nevostochnyj mehanicheskij i sudostroitel'nyj zavod «Dal'zavod». Vladivostok, 1923. 40 s.
8. Dal'nij Vostok. 1902. 18 dek.
9. Istoricheskij ocherk razvitija Habarovskoj okružnoj Artillerijskoj masterskoj. Habarovsk, 1902. 34 s.
10. Kireev S.V., Sozdanie oboronno-jekonomicheskogo potenciala na Dal'nem Vostoke SSSR (konec 1920-h — 1941 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Komsomol'sk-na-Amure, 2006. 26 s.
11. Zajcev Ju.M., Bazovoe stroitel'stvo i oborona Dal'nego Vostoka SSSR v 1932—1945 gg.: teorija, plany, problemy, reshenija. Vladivostok: TOVMI im. S.O. Makarova, 2009. 280 s.
12. Medvedeva L.M. Transport Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 152 s.
13. Obzor Primorskoj Oblasti za 1895 g. Vladivostok, 1896. 57 s.
14. Savchenko S.N., Shestakov A.V. Do plana GOJELRO. Istorija razvitija jelektrojenergetiki na Dal'nem Vostoke // Jenergetik DGK. 2010. 19 okt.
15. Tkacheva G.A. Trud — frontu: promyshlennost' Dal'nego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.) // Rossija i ATR. Vladivostok, 1995. № 3. S. 13—18.
16. Shvarc A., Romanovskij Ju. Oborona Port-Artura. Chast' I. SPb., 1908. 412 s.
17. Hlypalov V.M. Razvitie jenergetiki Severo-Vostoka SSSR (1928—1945 gg.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Magadan, 1989. 27 s.

18. Hlypalov V.M. Jelektrifikacija Petropavlovsk-Kamchatskogo (1910—1970 gg.) // Kraevedcheskie zapiski. Petropavlovsk-Kamchatskij. : Dal'izdat, Kamchat. otd-nie, 1991. Vyp. 7. S. 60—65.
19. Jelektrifikacija SSSR: dokumenty i materialy. 1926—1932 gg. M., 1966. 730 s.
20. Jenergija dushi. Habarovskaja jenergosistema: vremja, sobytija, ljudi. Habarovsk: Priamurskie vedomosti, 2008. 382 s.
21. GAPK (Gos. arh. Primorskogo kraja).
22. GAHK (Gos. arh. Habarovskogo kraja).
23. RGAJe (Ros. gos. arh. jekonomiki).
24. RGIA DV (Ros. gos. ist. arh. Dal'nego Vostoka).

Раздел II. ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

УДК: 947.083.76(571.6)

Т.З. Позняк

T.Z. Poznyak

Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны

Рассматривается динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны. Население дальневосточных городов в первые дни войны вместе со всей страной демонстрировало мощный патриотический подъём, выражавшийся в многочисленных митингах и шествиях, добровольческом движении, всплеске благотворительности. На уровне поведенческих реакций можно проследить и иные настроения: страх за близких, призванных на войну, панику, желание использовать ситуацию для личного обогащения. Обратной стороной подъёма патриотизма был рост ксенофобии и национализма, шпиономании.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественные настроения, патриотизм, благотворительность, российский Дальний Восток, пропаганда.

The dynamics of public moods in the cities of the Russian Far East during World War I.

The article is devoted to the dynamics of public moods in the cities of the Russian Far East during the World War I. In the first days of the war the population of the Far Eastern cities demonstrated a strong patriotic enthusiasm, expressed in rallies and marches, volunteerism, philanthropy burst. But at the level of behavioral responses we can be tracked other moods: fear for relatives, called to war, the panic, the desire to exploit the situation for personal gain. The flip side of the patriotic rise was the increase of xenophobia, nationalism and spionomania.

Key words: The World War I, the public moods, patriotism, charity, the Russian Far East, propaganda.

Общественные настроения в годы Первой мировой войны стали одной из актуальнейших проблем исторических исследований в России в перестроечное и постперестроечное время, только за последние годы написано огромное число работ [5; 8; 22; 29; 31; 40]. Авторы большинства работ, посвящённых войне, отмечают мощный подъём патриотических настроений, охвативший все регионы и все слои населения империи, однако в последние годы всё чаще подчёркивается вариативность отношения общества к войне не только по мере затягивания конфликта, но и в первые месяцы войны. Характерной чертой исследований 1990—2000-х гг. стал показ разнообразной палитры общественных настроений в годы войны в Российской империи, рас-

ширение спектра изучаемых проблем истории военного времени и географический охват. В многочисленных диссертационных исследованиях и монографиях освещается жизнь населения военного времени не только в европейской части России и столицах, но и на Урале и в Сибири [4; 6; 9; 18; 24; 41; 45]. Вся же обширная историография по истории Первой мировой войны может уже стать предметом отдельного монографического исследования. Итоги весьма успешной работы в данном направлении, проделанной в 1990—2000-х гг. дальневосточными исследователями, уже подведены рядом авторов [13; 20; 21; 43]. Особый подъём исследований по данной тематике произошёл в год столетнего юбилея начала войны, побудившего историков активизировать усилия и открыть новые грани и неисследованные аспекты темы, подытожить и обобщить результаты работы предшествующих лет [10; 14; 32; 33; 35; 38]. Целый ряд журналов в юбилейный год посвятили данной тематике отдельные номера [15; 36; 37; 39].

В данной статье сделана попытка рассмотреть разнообразие и динамику общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны.

Население дальневосточных городов в первые дни войны вместе со всей страной демонстрировало верноподданнические настроения и выражало поддержку русского оружия в борьбе с врагом. Символические формы выражения патриотизма были едиными для всей страны — торжественные собрания, провозглашение Высочайшего манифеста в присутственных местах, шествия с портретами императора, хоругвями и знамёнами, письма и телеграммы на высочайшее имя, молебны в церквях и на площадях, пожертвования в пользу армии, раненых воинов, добровольчество и т.п.

Волна митингов и шествий захлестнула дальневосточные города в первые месяцы войны. Массовые манифестации с портретами императора и национальными флагами прошли во всех городах. 20 июля 1914 г. во Владивостоке после молебна в Кафедральном соборе многотысячная манифестация прошла по Светланской улице, на Эгершельде против штаба крепости и

квартиры коменданта «настроение ...достигло наибольшего подъёма» [16, 1914. 21 июля].

Отражала ли митинговая активность только искреннее желание выразить верноподданнические чувства и доказать преданность императору и поддержку вступления в войну? Думается, что не только их. Трагические или иные, нарушающие обычный ход жизни населения империи события, всегда сопровождалась сбором на площадях, базарах, улицах. Публика стремилась быть в гуще событий, в курсе главных новостей, именно на площадях совершался обмен информацией, иногда недостаточно правдивой или вовсе неверной. Слухи, молва не только среди крестьянского, но и городского населения были одним из способов передачи и получения информации.

Кроме того, необходимо учитывать, что в России обычной практикой было массовое привлечение учащихся начальных и средних учебных заведений, нижних чинов армии и флота к участию во всех важных шествиях, манифестациях, «молебствованиях» по случаю дарования побед русской армии. Подобная практика могла быть вызвана, с одной стороны, бюрократическим желанием выслужиться перед верхами и придать размах этим мероприятиям, с другой — была нацелена на воспитание патриотизма и верноподданнических чувств у населения.

Походы на манифестации вызывали разную реакцию населения: воодушевление, радость и разделение общего патриотического порыва могли соседствовать с усталостью и раздражением от обилия митингов. Подобные мероприятия в первые месяцы войны проводились настолько часто, что отрыв учащихся от уроков стал вредить качеству образования и усвоению учебного материала. Родители стали выражать беспокойство по поводу постоянного нарушения учебного процесса, на что Министерство народного просвещения (МНП) отреагировало циркуляром о прекращении отвлечения учащихся в учебное время для пополнения рядов уличных манифестаций и участия в стенах учебных заведений в театрализованных, музыкальных и прочих представлениях.

22 июля 1914 г. в условиях введённого в крае военного положения комендант Владивостокской крепости издал приказ о запрете уличных патри-

тических манифестаций, которые нарушали привычный ритм жизни и, вероятно, воспринимались властями как угроза общественному порядку ввиду невозможности контролировать ситуацию и предотвращать различные эксцессы и революционную пропаганду [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 409. Л. 7]. Патриотические праздники и благотворительные мероприятия оставались обычным явлением в течение всего военного времени. Во Владивостоке 30 апреля 1915 г. состоялся общешкольный праздник, в котором приняли участие ученики всех 29 начальных училищ города с традиционным молебном «о даровании победы русскому воинству» [20, с. 11].

Думы дальневосточных городов, общественные организации на собраниях в первые дни войны составляли телеграммы в адрес императорской семьи с выражением верноподданнических чувств. Подобные практики были обычным явлением в Российской империи и ритуалы, их сопровождавшие, были весьма однообразными. Типичным примером может служить заседание Благовещенской думы 23 июля 1914 г., где публичное оглашение Высочайшего манифеста гласные выслушали стоя и встретили криками «ура». В зале думы был отслужен молебен о даровании победы русскому оружию, по предложению гласных от имени населения города отправили телеграмму «с выражением верноподданнических чувств и готовности принести возможные жертвы для защиты Родины» и единогласно решили ассигновать на военные нужды 25 тыс. руб. [РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 153—153 об.]. Огромное количество телеграмм с выражением преданности и любви к императору поступило в адрес Приамурского генерал-губернатора [35, с. 71].

Выражения верноподданнических чувств царской семье никогда не оставались без ответной реакции. Обычной практикой того времени были благодарственные телеграммы императора или членов его семьи. 26 июля 1914 г. такую телеграмму получил комендант Владивостокской крепости генерал-лейтенант С.С. Саввич в ответ на его обращение к императору от лица всех ведомств, общественных организаций и населения города с уверениями в готовности всех «быть полезными своей родной матушке России

всем своим достоянием, а если потребуется, то и жизнью» [35, с. 70]. 9 сентября 1914 г. на заседании Благовещенской думы зачитали телеграмму от императора с благодарностью за выражение верноподданических чувств по поводу открытия военных действий. Гласные заслушивали её стоя, чтение периодически перекрывалось криками «ура» [РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 227—227 об.].

Было ли выражение верноподданических чувств привычной ритуальной практикой или действительно соответствовало истинным чувствам городского обывателя, судить трудно, но единодушный характер поддержки власти, многочисленные пожертвования и массовое добровольческое движение говорят в пользу искренности этих порывов. Общий энтузиазм первых дней и месяцев войны заражал и способствовал распространению иллюзии всеобщего единения, стирания сословных различий и привилегий. Ежемесячные отчёты военных губернаторов областей в МВД были полны оптимизма. В отчёте военного губернатора Амурской области в июле 1914 г. констатировалось: «...недовольства существующим порядком, действиями правительственной власти, агитационной деятельности и других незаконных выступлений среди крестьянского, рабочего и интеллигентского слоёв общества и прессы не наблюдалось. Преступная деятельность уголовного характера... несколько уменьшилась. Наблюдается общий подъём патриотических чувств, полное единодушие, энтузиазм» [20, с. 118; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 951. Л. 11].

Не последнюю роль в формировании патриотических настроений населения региона сыграли пропагандистские усилия власти. Мощным средством воздействия на население стала публикация в местных газетах и в виде отдельных объявлений императорского указа об обнаружении манифеста о начале войны с Германией и самого манифеста, оглашение его в местных соборах и церквях. Этими документами был задан вектор официальной патриотической пропаганды [32, с. 35].

Указ об обнародовании Высочайшего манифеста, изданный 20 июля, решением Приморского областного правления в Приморской области был обнародован только 19 августа [35, с. 62—63; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 409. Л. 16]. До этого времени информация о начале войны, бесспорно, была уже оглашена в регионе. В первый день войны в край поступила краткая телеграмма военного министра В.А. Сухомлинова «Германия объявила нам войну» [35, с. 62]. Фактически сразу новости о начале войны были опубликованы в дальневосточных газетах. 21 июля 1914 г. первую полосу газеты «Дальняя окраина» занимала статья под заголовком «Славяно-немецкая война», а также телеграммы о мобилизации в Германии, Франции и об объявлении Германией войны России [1, с. 35]. Во Владивостокских епархиальных ведомостях указ был опубликован в № 15 от 1 августа 1914 г., манифест о начале войны с Австро-Венгрией в № 16 от 15 августа [11, с. 143—144, 175—176]. 23 июля 1914 г. к населению обратился Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, призвав его без различия пола, возраста, вероисповедания и занятия «...сплотиться в тесную семью на защиту интересов государства, пред которым должны померкнуть личные выгоды и узкоматериалистические интересы» [35, с. 64].

Тот факт, что Германия первой объявила войну России, способствовал восприятию населением войны как справедливой и оборонительной. «Этим восприятием был обусловлен патриотический подъём, захвативший практически все слои населения и регионы страны» [32, с. 35]. Той же идеей был проникнут и манифест о начале войны с Австро-Венгрией: «Видит Господь, что не ради воинственных замыслов и суетной мирской славы подняли Мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей Империи, берёмся за правое дело» [11, с. 176].

Кроме указанных выше прямых обращений императора и представителей региональной власти, формы пропаганды были самыми разнообразными. Важным средством воздействия на умы людей являлись общероссийские и региональные периодические издания. Практически вся легальная пресса вне

зависимости от политических пристрастий пропагандировала патриотизм разных оттенков. Концепция справедливой, освободительной войны, направленной на защиту отечества и братьев-славян, тиражировалась в газетах, журналах, популярных брошюрах, плакатах, лубочных изданиях [33, с. 10; 38, с. 400—404]. Несмотря на это, исследователи отмечают недостаточное развитие и действенность пропаганды, слабость общенациональной консолидации в годы войны [31, с. 186; 42, с. 65].

Тем не менее, нельзя недооценивать воздействие на публику информации о войне, которая пронизывала повседневную жизнь обывателя и не могла не оставлять отпечатка в его сознании. Первые страницы всех региональных периодических изданий были отданы под сообщения с театра военных действий, правительственные телеграммы о последних новостях с фронтов в Европе и Азии, перепечаткам из центральных газет [2^{*}; 3^{**}; 16^{***}; 17^{****}]. Обычным явлением стали публикации аналитических статей о войне, писем из действующей армии, отчётов общероссийских и региональных благотворительных обществ о сборе и расходовании средств на помощь воинам и их семьям, фельетонов, высмеивавших положение дел во вражеской армии, стихов, рассказов о жизни на войне и в тылу [2^{*****}; 16^{*****}].

Важной частью досуга горожан стало посещение публичных лекций на военные темы, народных чтений с показом световых картин того же содержания, народных гуляний, концертов и спектаклей, сборы с которых шли на нужды войны [2^{*****}]. Что влекло публику на подобные мероприятия — нужда в знаниях, стремление разделить патриотические настроения или желание развлечься — узнать из источников, как правило, невозможно, приходится только строить предположения.

В Николаевске-на-Амуре в годы войны в Пьянковском Народном Доме

* 1915. 14, 16, 21, 23 янв.; 4, 18, 20, 22 февр.; 6, 8, 11, 13 марта; 3, 14, 17 мая.

** 1915. 10 янв., 13 авг.; 1916. 6, 9, 10, 12, 21, 26 авг.

*** 1914. 21, 22, 23 июля.

**** 1914. 28 окт., 17 дек.; 1916, 19 дек.

***** 1915. 18 февр.; 5, 8, 19 апр.; 9, 22, 29 мая; 10, 21 июня; 19, 23, 26 авг.; 4, 6, 18 сент.

***** 1914. 22, 23, 27 июля; 8, 10, 28 авг.; 5, 12, 17 сент.

***** 1915. 14, 16, 18 янв.; 4 марта.

фактически еженедельно, а иногда и два раза в неделю, устраивались народные чтения, где преподаватели учебных заведений либо доступно рассказывали о военных действиях, положении воюющих стран накануне и во время войны, либо читали популярные рассказы на военные темы с показом туманных картин. Бесплатные чтения пользовались огромной популярностью: публика занимала не только свободные места в зале, но и коридоры и лестницы, и организаторы вынуждены были установить входные билеты, которые выдавались также бесплатно, но за полчаса до начала лекций, ибо зал был рассчитан на 350 мест, а слушателей приходило гораздо больше. Иногда чтения устраивались с платой за билет по 10 коп., тогда все собранные средства шли в пользу Комитета по оказанию помощи семьям призванных на войну. Платные чтения вызывали меньший наплыв публики [2^{**}]. Однако, думается, не все шли туда за знаниями, учащиеся, возможно, посещали подобные мероприятия по настоянию учителей или из-за отсутствия других развлечений, ибо организаторы жаловались, что «учащиеся низших учебных заведений в большинстве случаев ведут себя непристойно, позволяя себе во время чтения разговор, смех и т.п.» [2, 1915. 27 февр.].

Духовенство Благовещенской и Владивостокской епархий активно подключилось к патриотической пропаганде, на страницах епархиальных ведомостей в годы войны регулярно печатались воззвания и обращения различных благотворительных организаций о сборе средств на оказание помощи раненым воинам, русским военнопленным, призывы отчислять 1% заработка на нужды семей запасных воинов, призванных на войну. Высочайшие манифесты о начале войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией, прощальные слова войскам, отправлявшимся на фронт, статьи о зверствах противника и героических подвигах наших воинов [7, с. 114; 11, с. 143—145, 206—207, 253—254, 323]. Во всех соборах и церквях городов региона согласно определения Св. Синода от 20 июля 1914 г. был обнародован Высочайший манифест о начале войны с Германией [11, с. 242].

^{**} 1915. 2, 15, 22 февр.; 1, 8 марта.

Не остался в стороне от патриотической пропаганды и кинематограф, в годы войны было снято немало фильмов «на злобу дня». В иллюзиях Николаевска-на-Амуре в 1915 г., например, демонстрировались драмы на военные темы «В огне славянских бурь», «Миражи жизни. Беглецы из вражеского плена», «Сестра милосердия (или зверства тевтонов)», политический киношарж на Вильгельма «Пасынок Марса», журналы Пате и хроники Гомон о военных событиях, документальные фильмы «Отступление австрийской армии в Галиции», «За царя и отечество», «Пребывание государя императора в действующей армии», так называемые картины с натуры «Осада Антверпена», «Война в Польше», «Собаки-санитары» [2*].

10 августа 1915 г. в электро-театре «Прогресс» Николаевска-на-Амуре демонстрировалась картина «Великая европейская и русско-германская война». Показ сопровождался впечатляющим анонсом: «Все снимки воспроизведены на полях сражений. Спешите воспользоваться кратковременной постановкой этой поистине чудовищной картины. Мировое потрясающее кровавое событие на суше и на море. Большая батальная картина, воспроизведённая из последних военных событий и охватывающая собой 57 отдельных эпизодов текущей войны. Картина сопровождается духовым оркестром и иллюстрирована звуковыми эффектами, как-то: взрывы бомб, шум разрушаемых зданий, залпы ружейных выстрелов, сигналы горнистов, играющих наступление и отступление. Всё это создаёт полную иллюзию боя» [2, 1915. 9 авг.].

И даже театры миниатюр, где обычно ставились оперетки, фарсы, «аттракционы», иногда устраивали шоу на злобу дня, пользовавшиеся популярностью у публики. Например, в Благовещенске 29 декабря 1914 г. в театре миниатюр Е.М. Долина одно из отделений занимало «политическое музыкальное обозрение» «И грянул бой», программа которого включала исполнение гимнов Франции, Англии, Сербии, Японии и России [3, 1914. 24 дек.].

Патриотическая пропаганда, создававшая отталкивающий образ врага, как и личный опыт соприкосновения с ужасами войны оказывали мощное

*1915. 4, 21, 28 янв., 8, 13 февр., 4, 22 марта.

воздействие на умы и сердца людей и служили средством консолидации и мобилизации общества. Массовые установки населения провинции 1915 г. отражает, например, небольшой рассказ «Из разговоров», опубликованный в газете «Амурский лиман». Это своеобразная зарисовка из повседневной жизни тылового города — разговор за чайным столом. Один из гостей говорит, что после окончания войны жизнь пойдёт по-старому, наладятся и отношения с Германией. Однако ему возражает дочь хозяина, только что вернувшаяся «с передовых позиций, где работала в одном из полевых лазаретов». Она со страстью восклицает, что нормальных отношений с Германией после перенесённых страданий быть не может. Ей вторит раненый казачий офицер, который, описывая зверства немцев — убитых младенцев и растерзанных женщин, говорит о молодом поколении, которое «растёт в глубокой ненависти к германцам» [2, 1915. 14 мая]. Этот рассказ — яркое свидетельство глубокой психологической травмы, нанесённой значительной части российского общества.

Через печать шло как формирование патриотических настроений, так и транслировались идеи и факты, которые потенциально могли способствовать развитию упаднических настроений, негодования по поводу затягивания военных действий и бездарного руководства военными кампаниями, и внушать сомнения в способности власти справиться с нараставшими проблемами военного времени. Уже в сентябре 1914 г. на страницах местных газет появляются некрологи, сообщения о панихидах в местных церквях, списки погибших и пропавших без вести воинов, призванных на фронт из Приамурского края [2^{*}; 16, 1916. 10 янв.; 17, 1915. 18 янв.; 34^{**}; 35, с. 117—135].

Даже в первые дни войны во время всеобщей эйфории не все были едины в патриотическом подъёме, но лишь немногие решались «пойти против течения» [38, с. 405—408]. Тем не менее, начало войны вызвало и иные настроения, и поведенческие реакции. Население, осознавая приближение

^{*} 1915. 8 февр.; 2, 4 сент.; 18 окт.

^{**} 1914. 23 сент.; 1915. 15 авг. 3, 10, 20 окт.; 1916. 9 янв.

мобилизации и трудностей военного времени, испытало шок и тревогу за судьбу близких. Первой естественной реакцией населения было стремление быть в курсе последних известий. Среди собиравшихся на улицах и площадях обывателей распространялись иногда самые невероятные и панические слухи о состоянии дел на фронтах. Не случайно комендант Владивостокской крепости Саввич уже 14 августа 1914 г. распространил особое оповещение, приказывавшее покинуть крепостной район лицам, которые «...распространяют заведомо ложные сведения о неудачах наших вооружённых сил или позволяют себе дурно отзываться о России, её армии и флоте» [35, с. 73; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 409. Л. 13].

Панические настроения населения вызвали ажиотажный спрос на продукты и предметы первой необходимости. В этой ситуации первой реакцией большинства коммерсантов в дальневосточных городах был резкий и необоснованный подъём цен на самые ходовые товары.

В Благовещенске, например, в первые дни войны цены на основные продукты выросли на 10—20%, а соль поднялась в цене более чем на 100%. Городской голова Благовещенска И.Д. Прищепенко так охарактеризовал ситуацию в городе: «По имеющимся в Городской Управе сведениям на местном торговом рынке, в связи с начавшимися военными событиями, быстро, путём искусственного повышения, поднимаются цены на предметы первой необходимости. Крупные фирмы и мелкие торговцы, пользуясь случаем, повысили цены на сахар, соль, муку, свечи, мыло и проч. Оптовые сахарные склады, очевидно, в ожидании наибольших выгод, прекратили отпуск сахара...» [РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 113]. Первой мерой борьбы с дороговизной стало установление таксы на муку, некоторые крупы, соль, сахар и керосин, 20 августа утверждённой военным губернатором области [РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 266. Л. 12]. Подобная же ситуация сложилась и во Владивостоке, где в июле 1914 г. были установлены твёрдые цены на пшеничную муку [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 28, 510]. Очевидно, что коммерсанты, пользуясь паникой среди населения, стремились получить

сверхприбыли, городские же власти, имея опыт, накопленный в регионе во время предшествовавших военных событий 1900 г. и русско-японской войны, быстро отреагировали на ситуацию.

Не случайно Н.Л. Гондатти в своём обращении к населению от 23 июля 1914 г. призывал оставить свои «узкоматериалистические интересы», и предупреждал, что всякие попытки торговцев к искусственному поднятию цен на предметы первой необходимости будут преследоваться «по всей строгости» «...на основании действующего в крае военного положения» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1965. Л. 30]. Подобная угроза прозвучала и от коменданта Владивостокской крепости генерал-лейтенанта С.С. Саввича 22 июля 1914 г. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 409. Л. 7].

Эти факты демонстрируют разнообразие настроений и поведенческих реакций населения на начало войны, но основная масса жителей региона на практике доказывала искренние патриотические чувства и желание помочь русской армии отсутствием эксцессов в ходе мобилизации, добровольческим движением, активным участием в митингах и шествиях, многочисленными пожертвованиями на нужды действующей армии, раненых воинов, семей мобилизованных.

Всеобщая мобилизация прошла по стране успешно: 96% подлежащих призыву лиц явились на мобилизационные пункты. Большинство эксцессов отражало недовольство введением «сухого закона» и выражалось преимущественно в погромах винных лавок [30, с. 91—94, 134—135].

Высочайший указ Правительствующему Сенату о мобилизации в Приморской и Амурской областях (и ряде других регионов) был подписан 1 сентября 1914 г., согласно ему на действительную службу призывались нижние чины запаса армии, вызывались с льгот казаки Амурского и Уссурийского казачьих войск, а также предписывалось поставить лошадей, повозки и упряжь [34, 23 сент.; 35, с. 80—81]. Временно командующий войсками Приамурского военного округа С.С. Саввич телеграммой на места первым днём мобилизации объявил 15 сентября [35, с. 81—82]. Население региона встретило мобилизацию с пониманием, эксцессов и протестов не наблюда-

лось, не последнюю роль в этом сыграл патриотический подъём в регионе [20, с. 118]. В сентябрьский призыв 1914 г. в Амурской и Приморской областях зачислено на военную службу 3517 новобранцев, численность призванных на войну запасных нижних чинов, по имеющимся источникам, можно определить лишь приблизительно, ратники ополчения в Приамурском генерал-губернаторстве в первый год на войну не призывались [20, с. 114—115]. В докладе на имя императора военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский писал, что из области «...с объявлением мобилизации ушло свыше 30 000 запасных нижних чинов» [20, с. 114; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 923. Л. 1 об.]. По данным Т.Я. Иконниковой, за 1914—1915 гг. на военную службу в Приамурском военном округе призвали более 106 тыс. чел. [20, с. 135].

Большинство населения, видимо, воспринимало призыв как исполнение долга перед Отечеством и царём, индивидуальные же реакции на мобилизацию варьировались от безоговорочной поддержки и записи добровольцами до попыток уклонения и желания получить освобождение от призыва. Ярким свидетельством патриотических настроений было добровольческое движение. Многочисленные прошения от всех слоёв населения о призыве в армию и отправке на фронт, несмотря на непризывной возраст или наличие освобождения, начали поступать в Приморское и Амурское областные по воинской повинности присутствия с первых дней войны и не останавливались ни в 1915, ни в 1916 гг. Как правило, авторы прошений желали «...принести посильную пользу в тяжёлую для Родины годину», «...не имели сил сидеть дома, когда другие отдают свою кровь» [35, с. 77—79, 102—104].

Особенностью добровольческого движения в регионе стала подача прошений, иногда даже коллективных, корейскими подданными, проживавшими в Приморской области, о зачислении в российскую армию [25, с. 90—91; РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 351—351 об.]. Стилистика подобных прошений была выдержана вполне в духе подобных же обращений от россиян. Корейский подданный И.И. Лян, родившийся в д. Барановка и проживавший в ур. Новокиевское Приморской области, писал в своём прошении на имя приамурского генерал-губернатора: «В виду последних военных собы-

тий я возымел пламенное желание встать на защиту Матушки-России и в бою с кровавыми врагами-немцами сложить свою голову, чем думаю принести должную дань своей благодарности Отцу и Покровителю той страны, где я рождён и вырос, в довольстве получая духовную, и материальную пищу» [РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 149—149 об.].

Однако на имя губернаторов областей и Приамурского генерал-губернатора поступали и прошения иного рода. Жалобами на невозможность выживания без единственного кормильца, мольбами о помощи проникнуты многие прошения отцов, матерей и жён лиц, призванных на фронт [35, с. 85; РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 30. Л. 63]. В личных обращениях мобилизованных звучали просьбы об отсрочке призыва, связанные с необходимостью завершить финансовые или иные дела, ибо мобилизация грозила разорением и оставлением семьи без средств существования [35, с. 83—85, 164—165, 167—168; РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 351—351 об.].

Наряду с массовым добровольческим движением и практически полной явкой призывников уже в 1914 г. наблюдались и случаи уклонения от военной службы как в Амурской области, так и в полосе отчуждения КВЖД [20, с. 123—124]. В 1916 г. в Благовещенске, видимо, участились случаи уклонения от призыва, и поскольку призывники не торопились являться на призывные пункты, полиция проводила облавы во всех частях города [3, 1916. 24 сент.].

Благотворительность, которая рассматривалась как исполнение долга перед Отечеством, проявлялась в виде пожертвований в пользу общероссийских Комитетов и их региональных отделений по сбору пожертвований в пользу раненых, больных и увечных воинов и их семей, организации госпиталей и коек в госпиталях, подвижных лазаретов, детских приютов для детей призванных на войну воинов, дешёвых столовых и пр. Сбор средств инициировался различными Всероссийскими и местными благотворительными комитетами, городскими общественными управлениями, региональными властными структурами.

Мероприятия по сбору средств — Дни продажи флагов, Георгиевские праздники, спектакли, литературно-драматические и музыкальные вечера — проводились во всех городах различными общественными организациями, не только благотворительными. Весь военный период практически любое развлекательное или спортивное мероприятие сопровождалось кружечными или тарелочными сборами, лотереями-аллегри, пожертвованиями на нужды воинов или их семей, беженцев и других категорий нуждавшихся. Примеров частной и общественной благотворительности в годы войны в любом дальневосточном городе можно привести несметное множество.

Например, 27 августа 1914 г. в Хабаровске прошёл День продажи флагов и сбор пожертвований для Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семейств [34, 1914, 28 авг.]. Данный Комитет, созданный 23 июля 1914 г., возглавлявшийся женой генерал-губернатора М.М. Гондатти и имевший центральное правление в Хабаровске и отделения в Благовещенске, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре, посту Александровском и Петропавловске-на-Камчатке, был наиболее влиятельной благотворительной организацией в регионе. За годы войны, с августа 1914 г. по 1 февраля 1917 г., в его кассу поступило 429 188 руб. 88 коп.; 95% денежных поступлений тратилось на нужды фронта — организацию этапных лазаретов, санитарных отрядов [20, с. 13—21].

Владивостокская городская дума 28 июля 1914 г. постановила пожертвовать из запасного капитала 40 тыс. руб. с выплатой ежемесячно по 10 тыс. руб. в пользу семей воинов, убитых и раненых на войне [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 444 а. Л. 267]. Благовещенская городская дума в первые дни войны ассигновала на помощь воинам 25 тыс. руб., на заседании 16 декабря 1914 г. постановила перечислить пособия в 10 тыс. руб. во Всероссийский союз городов, и 5 тыс. руб. — в Сибирский комитет союза городов [3, 1914. 18 дек.; РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 153—153 об.].

Не оставались в стороне от этой деятельности и учебные заведения всех дальневосточных городов, силами учащихся и учащихся постоянно про-

водились концерты и спектакли, а собранные средства шли на оказание помощи семьям призванных на войну, изготовление подарков воинам и отправку их в действующую армию [РГИА ДВ. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 10. Л. 75—75 об., 78].

Преподаватели и учащиеся Благовещенской духовной семинарии и училища собирали средства в пользу Красного Креста, Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для больных и раненых воинов, в пользу разорённых жителей Сербии, Галиции и Буковины, на содержание лазаретов. В семинарской церкви проводились кружечные сборы. Из жалованья преподавателей и служащих духовных учебных заведений ежемесячно отчислялся 1% в пользу семейств запасных воинов, деньги передавали городской управе. Семинаристы, жившие в общежитии, сэкономленные на собственном питании средства передавали на содержание Серафимовского лазарета духовно-учебных заведений империи. Всего в семинарии и училище за первый год войны собрано на военные нужды 1874 руб. 50 коп. [7, с. 454—456].

Объединёнными силами учащихся и учащихся Владивостока 20 февраля и 10 марта 1915 г. были устроены патриотические концерты. Программа состояла из трёх отделений с 30 номерами — хоровое пение, декламация, живые картины военно-патриотического содержания. Гвоздём программы стал хор из 250 чел. под управлением И.С. Пеляничкина. В антрактах киоски (японский, цветочный и поделок детских садов) торговали цветами, открытками, поделками, флажками и значками семи союзных держав, солдатскими пуговицами. Средства от продажи шли на военные нужды [2, 1915. 22 марта].

Отправка подарков на фронт от общественных организаций, городских управ, учебных заведений была ещё одним средством выразить признательность защитникам и проявить заботу, в ответных письмах воины благодарили за подарки, писали о жизни «в окопах» [35, с. 136—138]. Массовый отклик получило «Обращение к детям» жены генерал-губернатора М.М. Гондатти в ноябре 1914 г., призывавшее детей подумать о рождественских подарках воинам в действующей армии [20, с. 14].

В соответствии с циркуляром МНП от 27 августа 1914 г. осенью во всех женских учебных заведениях Приамурского генерал-губернаторства организовали пошив белья для раненых. В циркуляре подчёркивалось значение этой деятельности не только как помощь армии и раненым, но и как меры по воспитанию патриотизма [20, с. 16]. Участие учениц в пошиве белья для раненых было добровольным, но никто от этой работы не уклонялся, напротив, отмечался энтузиазм учениц и охват этой работой всех учебных заведений [20, с. 17].

Большую роль в организации помощи семьям воинов сыграла и церковь. 12 октября 1914 г. во Владивостоке при кафедральном соборе был открыт приходской совет по оказанию помощи семьям лиц, ушедших на войну [11, 1914, с. 367]. В тот же день в Николаевске-на-Амуре также состоялось выборное собрание в приходской попечительский совет о семьях запасных, призванных в войска. В его состав вошёл весь церковный причт города, 10 выборных членов — представителей местной общественности и староста кафедрального собора А.П. Григоренко. Николаевский попечительский совет оказывал разнообразную помощь семьям запасных — обеспечивал тёплой одеждой, продуктами питания, дровами, выдавал пособия на оплату жилья и другие нужды, заботился об оказании медицинской помощи [2, 1915. 29 июля, 5 авг.].

Возможно, энтузиазм в деле благотворительности во второй и третий годы войны был не столь высок, как в её начале, но и накануне Февральской революции армия подвижников продолжала трудиться на благотворительном поприще, собирать средства и вносить посильный личный вклад в призрение нуждавшихся, помощь беженцам, раненым воинам и их семьям.

Показателен пример организации во Владивостоке Комитета помощи беженцам. На волне патриотических настроений выразили готовность ввести своих членов в состав Комитета и лично участвовать в помощи беженцам 14 местных административных органов разного уровня и подведомственности, 22 общества и союза, 8 коммерческих организаций и банков, 5 учебных

заведений, несколько различных структур городского общественного управления, причт церквей, представители церковных попечительств [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 6—92]. Образованный в начале сентября 1915 г. Комитет состоял из 8 секций, в каждую входило порядка 10—20 чел. — представители вышеуказанных структур [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 82—83]. Однако волна массовой поддержки через какое-то время утихла, и забота о беженцах легла на плечи не столь многочисленных энтузиастов. Если заглянуть немного вперёд, то увидим, что в последующие годы в условиях изменения общественных настроений единоклубная поддержка была утрачена. Число членов Владивостокского Комитета помощи беженцам неуклонно снижалось, средства поступали нерегулярно, а расходы были весьма велики. Городское управление выделило в 1915 г. 10 тыс. руб. на помощь беженцам, 25 тыс. руб. поступило в 1916 г. от Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 108 об.—109, 118—119, 124]. При этом положение беженцев во Владивостоке трудно было назвать даже удовлетворительным, средств не хватало на самое необходимое.

Различные реакции населения вызывали и правительственные меры, направленные на борьбу с пагубным пристрастием населения к алкоголю. С 19 июля 1914 г. запрет на торговлю крепкими спиртными напитками ввели на время проведения мобилизации, а 22 августа 1914 г. его ужесточили и продлили до окончания войны. Компания по борьбе с употреблением спиртных напитков оказалась неэффективной как в губерниях европейской части страны, так и в Сибири. Первоначально часть населения встретила с одобрением введение «сухого закона», однако другая часть продолжала употреблять спиртные напитки. По мере того как война затягивалась, в обществе росла психологическая напряжённость, и среди населения всё шире распространялось неприятие запрета на торговлю спиртными напитками. В европейской части России и Сибири повсеместно практиковались изготовление самогона, бражки, подпольная торговля спиртными напитками, а также употребление различных спиртосодержащих жидкостей — лака, политуры, одеколона, лечебных настоек [19, с. 15—16; 22, с. 21—23].

Отношение к «сухому закону» среди населения Дальнего Востока было также неоднозначным, однако большинство, если и поддерживало его, то только на словах. Результаты анкетирования, проведённого в 1914 г. по сёлам Приморской области, свидетельствовали о поддержке запрета продажи спиртных напитков, причём значительное число населения высказывалось за введение его навсегда [26, с. 102; 2, 1915. 24 июня]. Общественные организации и думы дальневосточных городов принимали резолюции в поддержку «сухого закона». Так, Благовещенская дума 2 сентября 1914 г. поручила «...управе от населения города выразить верноподданнические чувства по поводу воспреещения торговли спиртными напитками» [РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 220 об.—221]. В конце 1914 — начале 1915 г. думы Владивостока, Благовещенска, Хабаровска и Николаевска-на-Амуре подали ходатайство на имя Приамурского генерал-губернатора об отмене торговли спиртными напитками навсегда [2, 1915. 23 янв.].

Открытое недовольство выражали только владельцы винокуренных заводов и виноторговцы, терпевшие значительные убытки в условиях и без того тяжёлого экономического положения в регионе. При этом в Амурской и Приморской областях наблюдался быстрый рост контрабанды спиртных напитков из приграничных районов Маньчжурии, некоторые селения превратили «подвоз спирта в профессию». Население, не протестовавшее вслух, обходило запреты самыми различными способами — употребляло суррогаты и китайскую водку вместо русской, выезжало на китайскую сторону и потребляло ханшин там, занималось нелегальным производством спиртных напитков и организацией тайных притонов для их потребления, да и просто игнорировало запрет и продавало алкоголь в столовых, чайных, харчевнях, гостиницах и пр. [26, с. 103—105; 2*]. Находчивость и изощрённая изобретательность населения были поистине удивительны. Весьма показательной является небольшая заметка в газете «Амурский лиман»: «Владельцы питейных заведений по своему поняли циркуляр военного губернатора об отпуске спирт-

* 1915. 22 марта, 24 июня, 3 авг.

ных напитков из аптек для больных. Никольские кабатчики подали заявление в управу о выдаче им промысловых свидетельств на право отпуска спиртных напитков для больных. Если считать пьяниц за больных, то Никольские кабатчики пожалуй и правы...» [2, 1915. 13 марта].

Пьянство среди горожан, несмотря на запреты и усилия властей и полиции по выявлению тайной продажи спиртных напитков, продолжалось. Нравы небольшого городка и вовлечение в борьбу с производством алкоголя даже главных лиц региональных администраций иллюстрирует приказ губернатора Сахалинской области Д.Д. Григорьева № 101 от 6 октября 1915 г.: «Вследствие дошедших до меня слухов, что в некоторых домах продаётся самогон и самосадка, я сегодня ночью послал купить самосадку, принесли её от Анны Никулиной, проживающей в доме Курляндского на 7-ой улице, две бутылки, и от Елисаветы Голтовой, проживающей по 3-й Телеграфной улице, бутылку и банку самосадки. Никулина и Глотова* подвергнуты мною наказанию по обязательному постановлению. И.д. пристава Золоташко объявлен выговор. Полицеймейстеру коллежскому советнику Тауту предлагаю выдать наградные из сыскного кредита — городовому Ивану Скоморовскому 10 руб. и городовым Исидору Дульчику и Ивану Станевичу по 5 рублей каждому» [2, 1915. 7 окт.].

Многочисленные заметки в разделе «Хроника» о выявлении нелегальной продажи спиртного свидетельствуют, что население пило, почти не скрываясь, в общедоступных местах. Автор небольшой заметки в газете «Амурский лиман» пишет об одном из таких заурядных случаев: «28 сентября в 8 ½ часов вечера в меблированные комнаты Ивана Михайловича Кучина кр. Михаил Наумов пригласил к себе девиц Марию и Юлию Подлес, где с ними заняв 3-й №, неизвестно где достав виноградных вин, учинил гулянку. Девы Подлес и Наумов напились до невменяемости, пьяные, устроили между собой скандал и драку, чем привлекли массу прохожей публики. В занимаемой ими комнате оказалось свежевыпитых 33 бутылки разных виноградных вин. Произведённым обыском тут же в прихожей ком-

* По всей вероятности допущена ошибка при написании фамилии в источнике.

нате найдено $\frac{1}{2}$ бут. красного вина. В квартире самого Кучина обнаружено 1 б. шампанского, 1 б. кагору и 2 бут. ликёра» [2, 1915. 30 сент.].

Таким образом, мера, направленная на уменьшение вероятности стихийного протеста, погромов и беспорядков, привела к иному результату: сохранению пьянства с замещением привычных спиртных напитков суррогатами и к росту недовольства населения неравенством и несправедливостью, царящей в потреблении спиртных напитков. Правительство, лишив беднейшее население привычных спиртных напитков, разрешило их распитие обеспеченным слоям в ресторанах 1 класса. Лишение русского человека традиционного средства релаксации, предпринимателей доходов и казны значительных финансовых поступлений в условиях трудностей военного времени было неоднозначным решением российской власти, тем более, что она так и не смогла победить пьянство среди населения.

Подъём национальных чувств имел и иные формы выражения. Патриотическая пропаганда активизировала всегда имевшиеся в обществе шовинистические настроения и ксенофобию. Националистический угар населения принял разнообразные формы — разнузданную травлю немцев и немецких предприятий в прессе, еврейские и немецкие погромы, донесения и письма в полицию и другие властные структуры с обвинениями в шпионаже лиц с немецкими фамилиями.

На российском Дальнем Востоке борьба с немецким засильем не приняла таких крайних форм как в европейской части страны — погромы магазинов и лавок. В регионе реализовывались на практике все «чрезвычайные» законы в отношении неприятельских подданных и их компаний. На основании указа от 28 июля 1914 г. о положении неприятельских подданных в Российской империи Приамурский генерал-губернатор разослал на места распоряжения о немедленном учёте всех подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в крае, и принятии мер к высылке указанных лиц призывного возраста. Всего из региона, по приблизительным подсчётам, было выслано около 140 чел. подданных Германии, Австро-Венгрии и Турции [27, с. 172—175].

Нарушилась и хозяйственная деятельность указанных категорий населения. Часть торгово-промышленных заведений неприятельских подданных была закрыта сразу из-за выезда или высылки владельцев, часть продана. Региональные предприятия, с участием неприятельских подданных или им принадлежавшие, попали под действие законов и от 14 декабря 1914 г. и 16 марта 1915 г., устанавливавших надзор правительственных инспекторов за их деятельностью [РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3140. Л. 14]. В регионе под действие этих законов попали не только «неприятельские» предприятия, но и формально принадлежавшие российским подданным, но с участием иностранного капитала, а также те предприятия, владельцы которых, по мнению властей, приняли российское подданство «под давлением обстоятельств» [РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3140. Л. 14—15, 21]. В 1915 г. надзор был установлен над всеми крупными компаниями «сомнительного происхождения» — Торговые дома «Кунст и Альберс», «Бринер, Кузнецов и К^о», «И. Лангелитье и К^о», «Братья Петерец», «Приморское торгово-промышленное товарищество В.В. Петерец, М.Э. Адлер, Хошинтан и К^о», «Сименс и Шуккерт», «Артур Коппель», «Герхард и Гей», «Тильманс и К^о», «Небель и К^о», «Пеппель и Озмидов», «Лопатин и К^о», «Зингер и К^о», Всеобщая компания электричества и др. [27, с. 178—189; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2503. Л. 1—1 об.].

Местные фирмы использовали антигерманские настроения для борьбы с конкурентами. В прессе развернулась кампания против Торгового дома «Кунст и Альберс», во главе которого стояли бывшие германские подданные, принявшие российское подданство. Начало кампании положили публикации в московской газете «Вечернее время» журналиста А.М. Оссендовского, позднее вышедшие отдельной брошюрой под псевдонимом Марк Чертван. Он также представил доклад министру торговли и промышленности В.Н. Шаховскому о германском влиянии в экономике России, в основном содержащий нападки на указанный торговый дом. По его мнению, это была германская фирма, выступавшая проводником германского влияния на Дальнем Востоке, а её служащие занимались шпионажем в пользу Германии

[РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3097. Л. 115—117 об.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 142—147].

Кампания против «Кунст и Альберс» активно подогревалась, видимо, владельцами Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о», которым было выгодно вытеснить главного конкурента с местного рынка и скупить его имущество по низким ценам. Косвенным доказательством служат обращения А.В. Касьянова к министру финансов с прошением о ликвидации торгового дома «Кунст и Альберс» и передаче имущества фирме «И.Я. Чурин и К^о» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 156—157].

Выдержки из статей Оссендовского были опубликованы в благовещенской газете «Амурское эхо» 9 ноября 1914 г. После известия о погромах в Москве и публикации возбуждающих шовинистические настроения статей служащие благовещенского отделения фирмы серьёзно опасались подобных же инцидентов в городе. Управляющий делами Торгового дома «Кунст и Альберс» в Благовещенске Т.Ф. Фрейман обратился к военному губернатору Амурской области с просьбой оградить служащих компании от угрозы погромов. Он весьма точно охарактеризовал общественные настроения в то время и опасность подобных публикаций для разжигания национальной розни: «Интеллигентная публика, несомненно, оценит по достоинству бросающаяся в глаза нелепость тех вздорных и клеветнических слухов, которыми наполнена эта статья... Не так обстоит дело с широкой публикой, легко поддающейся малейшей провокации, в особенности, когда последняя играет на таких отзывчивых струнах человеческой души как чувство патриотизма» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Л. 679—679 об.].

Такая же травля фирмы была организована и в других городах. Во Владивостоке в отделе канцелярских принадлежностей универсального магазина Чурина продавалась книга «Мирные завоеватели», которая, по мнению доверенного фирмы, «по своему тенденциозному содержанию не может не возбуждать толпы против всех фирм с иностранным наименованием». Он просил Владивостокского полицеймейстера принять меры, но власти, похоже, не

слишком беспокоил рост ксенофобии в обществе, скорее, наоборот, их утешало, что недовольство населения обращалось против немцев, евреев, которые исполняли роль «козла отпущения» и отвлекали от истинных причин и виновников ухудшения условий жизни [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2202. Л. 240].

Нетерпимое отношение к выходцам из Германии, Австро-Венгрии и Турции разделяло и большинство населения. Во всяком случае, сообщение о высылке в Нарымский край А.В. Даттана вызвало язвительные замечания в прессе, высказывались сомнения в искренности смены им подданства. Доверенного Николаевского отделения «Кунст и Альберс» О.Ф. Рейнфельдта попросили удалиться с организационного заседания ВПК 2 августа 1915 г. как представителя неприятельской кампании [2, 1915. 25 янв., 9 авг.]. Подобному остракизму подвергались представители фирмы и в других городах.

Региональные власти, конечно, имели немало оснований сомневаться в искренности и отсутствии коммерческой подоплёки в смене подданства целым рядом выходцев из Германии, включая А.В. Даттана, Е.Е. и Г.И. Лангелитье. Однако с юридической точки зрения большинство указанных фирм являлись российскими, ибо возглавлялись подданными России, договоры были оформлены с соблюдением российских законов. Собственно это, а также боязнь роста цен при устранении конкуренции на рынке в условиях войны привели к тому, что все «сомнительные» крупные фирмы поставили под контроль правительственных инспекторов, а не закрыли [27, с. 172—192; 28, с. 174—180, 190—195]. «Борьба с немецким засильем» больше напоминала «выпускание пара», чем реальную борьбу, и нацеливалась, скорее, на отвлечение общественного мнения от реальных проблем и их виновников, на перенос негативных эмоций на мнимого врага.

На Дальнем Востоке появились обвинения в шпионаже чиновников различных ведомств с нерусскими фамилиями. В частности помощника начальника Владивостокской почтово-телеграфной конторы Р.Л. Пинка подозревали в приверженности Германии и деятельности в её пользу. Он якобы за-

держивал или терял срочные правительственные депеши, направлявшиеся в Японию [35, с. 189—190].

Среди населения усилились проявления необоснованных страхов нападения с тыла, шпиономании, распространялись невероятные слухи. Красно-речивой иллюстрацией является письмо жителя Владивостока Г.Ф. Мухомтова от 7 февраля 1916 г. Приамурскому генерал-губернатору о возможности нападения немецких аэропланов на Владивосток, в котором он весьма подробно разбирает возможное место расположения базы дислокации аэропланов вблизи российской границы, пути доставки запчастей и боеприпасов [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 864. Л. 39—40]. Ещё более интересно то, что его обращение вызвало переписку Приамурского генерал-губернатора, консула в Гирина и российской миссии в Пекине по проверке достоверности слухов об организации «воздушного набега на наши пределы и Китайскую Восточную железную дорогу» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 864. Л. 49, 53—53 а].

Затягивание войны привело к ухудшению экономического положения широких социальных слоёв, к распространению протестных настроений, забастовочному движению, а также росту агрессивности и разгулу преступности. Голодные бунты, погромы лавок, рост числа мелких и крупных преступлений наблюдались в разных губерниях империи. Различные слои населения страны начали выражать недовольство дороговизной и дефицитом продовольствия и предметов первой необходимости. Война лишь на время отвлекла российское общество от внутренних проблем и антиправительственных настроений [9, с. 175—214; 19, с. 13, 22—26; 25, с. 141—150; 40, с. 35—36; 44, с. 265—269]. Подобные явления были характерны и для дальневосточных городов [12, с. 16—17; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 156, 474].

Весной 1915 г. патриотический настрой в дальневосточных городах пошёл на убыль. В Николаевске-на-Амуре, куда весть о взятии Перемышля дошла 10 марта, по замечаниям одного из авторов газеты «Амурский лиман», «...внешнего проявления восторга особенно заметно не было», дома кое-где

украсились флагами, в кафедральном соборе был отслужен благодарственный молебен в присутствии губернатора [2, 1915. 13 марта]. Население, задвленное повседневными заботами «о куске хлеба насущного», уже реже отзывалось на победы патриотическими манифестациями.

Общий хронологический рубеж перелома массовых настроений в империи для тыла и фронта установить трудно, но исследователи отмечают в качестве условной границы — лето 1915 г. [38, с. 408]. Изменение настроения дальневосточного общества с осени 1915 г., пожалуй, наиболее отчётливо отразилось в более частом обращении журналистов региональной периодики к экономическим проблемам. На страницах газет всё чаще появлялись аналитические статьи о денежном обращении в России, о положении в России и Германии, о готовности Германии заключить мир, заметки о дефиците продуктов, росте цен, фельетоны и стихи о спекулянтах. В разделах «Хроника» или «Местная хроника» постоянно публиковались сообщения о перебоях с теми или иными товарами, введении карточек, выражалось недовольство и негодование по поводу спекулянтов, и требования привлечь к ответственности недобросовестных торговцев. В перепечатках статей или обзорах центральной прессы одной из главных тем стали «хвосты» и нехватка продовольствия и товаров первой необходимости в центральных губерниях и столицах [2*; 3**].

Ухудшение социально-экономического положения населения вызывало рост антиправительственных настроений и поиски врага, в качестве которого всё чаще всплывал образ торговца-спекулянта. В декабре 1915 г. в газете «Амурский лиман» был перепечатан рассказ Леонида Андреева «Надо!», вероятно, наилучшим образом отражавший массовые настроения столичного и провинциального обществ в 1916 г. Общественное сознание пронизывала ненависть к торговцам-спекулянтам, банковским дельцам, «синдикатчикам». Автор требовал применять к «грабителям России» «беспощадные наказания

*1915. 17, 29 мая; 19 июня; 5, 12 июля; 14, 16, 2, 29 авг.; 18, 20 сент.; 18 дек.

** 1915. 13 авг.; 1916. 6, 14, 20, 28 авг.; 6, 14, 30 сент.; 4, 5, 12, 13, 14, 19, 29, 30 окт.

— от ареста до каторги»; создать «обывательские комитеты» для надзора за торговлей и совершения немедленного суда «в любом месте, в любое время»; запретить продажу и употребление спиртных напитков с наказанием не только продающих, но и покупающих, закрыть публичные дома, кафешантаны, оперетки и театры фарсового характера, тотализаторы, бега и картёжные клубы, ибо все эти заведения служили «грабителям» на «утешение, радость, потеху» [2, 1915. 6 дек.].

Однако ещё в 1916 г. в регионе не наблюдалось массового открытого выражения недовольства властью и резкого усиления антимонархических выступлений. Во всяком случае, региональная администрация и население в январе—феврале 1917 г. продолжали жить и работать в привычном режиме, и кроме постоянных сообщений о продовольственном кризисе и недовольстве рабочих в европейской части страны на дальневосточной окраине ничто не предвещало дальнейшего столь бурного и кардинального изменения политической ситуации в стране.

Революция, начавшаяся в Петрограде 23 февраля, привела к переходу власти к Временному правительству 2 марта 1917 г. Свержение самодержавия в центре страны изменило положение в регионах, по всей стране новое правительство стремилось овладеть рычагами управления государством, заменяя губернаторов и генерал-губернаторов своими комиссарами. Дальний Восток из-за нехватки информации о событиях в центре несколько дней жил в неведении. Только с приходом к власти Временного правительства в регион стали поступать официальные распоряжения, и общественность испытала шок от опубликованных 4 и 5 марта телеграмм о падении монархии.

Февральская революция была встречена на Дальнем Востоке митингами и демонстрациями, организационными собраниями различных политических сил и общественных организаций. В течение марта—апреля в городах региона были образованы Комитеты общественной безопасности (КОБы), шло активное формирование Советов, политических партий [21, с. 88—99].

10—12 марта 1917 г. во всех дальневосточных городах, как и по всей стране, по распоряжению Временного правительства отмечался новый революционный праздник — День Свободы. Он был ознаменован вполне традиционными ритуальными мероприятиями — молебнами, парадами, шествиями, манифестациями. Только митинги и шествия были расцвечены теперь красными знамёнами и транспарантами с новыми лозунгами «Свобода, равенство, братство!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует социал-демократическая республика!» Местные власти и население давали присягу на верность новому правительству, выражали единение народа с новой властью. Общественные настроения в регионе изменились стремительно. Во Владивостоке на митинг 12 марта, по сообщениям газеты «Далёкая окраина», вышло свыше 30 тыс. военных и гражданских жителей [20, с. 302]. Однако столь массовая поддержка революционных перемен отнюдь не означала единства политических взглядов и мнений по поводу дальнейшего устройства России. С одной стороны, как и прежняя власть новая также обеспечивала массовость за счёт воинских частей и учащихся в виду предписаний из Петрограда, с другой, во время любых социальных катаклизмов население стремилось быть в гуще событий, узнать на митингах новости и преобладающие настроения. Думается, что большинство населения было конформистами и «поворачивалось в ту сторону, куда дул ветер», а в тот момент «ветер дул в паруса революции».

Весь 1917 г. в дальневосточном регионе прошёл под знаком общественной активности — митинги, учредительные собрания общественных организаций, политических партий, Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов проходили повсеместно и практически непрерывно. Большинство населения в обстановке всеобщего ликования и революционной эйфории слабо представляло, во что может вылиться революция и каковы могут быть её последствия. Установление двоевластия и стремительно нарастающая политическая конфронтация, приведшая в конечном итоге к вооружённому конфликту, свидетельствовали об отсутствии единства мнений и политиче-

ских взглядов и резкой поляризации общества, глубоком политическом расколе среди населения империи.

Усилившиеся за годы войны классовое размежевание и политическая пропаганда вызвали рост нетерпимости и осознание невозможности компромисса или уступок политическому противнику. Революция отзывалась в стране и регионе не только демократическими настроениями, но и высоким уровнем преступности. Важным социальным последствием войны и массового участия в ней мужчин и женщин стали привычка к насилию как способу разрешения конфликтов, массовое овладение навыками использования оружия, ведения войны, что не могло не сказаться на дальнейшем развитии событий.

Таким образом, как и для всей империи, для российского Дальнего Востока в начале Первой мировой войны был характерен высокий уровень общественной поддержки правительства и его политики. Динамика общественных настроений в период с 1914 по 1918 г. от патриотического подъема до революционного накала, бесспорно, является интереснейшим феноменом истории России, но и не только её. Парадоксально, но как с началом войны российское общество едва ли не единодушно поддержало власть в лице императора, так и в феврале 1917 г. оно почти также единодушно встретило падение этой власти.

Массовый патриотический порыв населения выражался в многочисленных митингах и манифестациях, телеграммах на высочайшее имя, в отсутствии эксцессов в ходе мобилизации, добровольческом движении, в благотворительной деятельности и многочисленных жертвованиях на нужды действующей армии, раненных воинов, семей мобилизованных.

И хотя патриотическая волна затмевала собой иные настроения и иное отношение к войне и монархии, они существовали, но поскольку проявлять их было невыгодно, а иногда и просто опасно, то большинством они открыто не демонстрировались и не проговаривались. Немногочисленные представители социал-демократической партии, стоявшие на пораженческих позициях, в отличие от столицы, на дальневосточной окраине фактически себя не проявляли.

Массовое проявление патриотизма и верноподданнических чувств было видимой вершиной айсберга, реальное недовольство существовало, «...но прикрытое патриотической волной скрывалось в глубине вод». Как только в центре империи на весах перевесила чаша недовольства жизнью и властью господствующими стали иные настроения — антивоенные и антимонархические, и участь власти была решена фактически в одночасье.

Нежелание идти вразрез с господствующими настроениями, конформизм большинства населения приводили к тому, что на поверхности была видна только волна патриотизма. Тем не менее, на уровне поведенческих реакций мы можем наблюдать проявления и иных настроений. Первой естественной реакцией населения, привыкшего надеяться на свои силы и приспосабливаться к самым тяжёлым условиям, было желание сделать запасы на случай нехватки продовольствия и роста цен. Коммерсанты не преминули использовать панические настроения населения для личного обогащения и широко развернули спекуляцию ходовыми товарами. Во время войны сильнее, чем в мирное время, проявилась такая особенность российского обывателя как высокие адаптивные способности и постоянная выработка различных неформальных практик выживания в условиях снижения уровня жизни, экономических неурядиц, запретов, меняющейся нормативно-правовой базы. Наиболее ярко массовый обход запретов, проводившихся властью и поддерживавшихся частью общества, проявлялся в изготовлении, продаже и употреблении спиртных напитков большинством населения.

Литература и источники

1. Агапов В.Л. Владивосток летом 1914 года: по страницам газеты «Далёкая окраина» // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. Материалы Второй междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 304—308.
2. Амурский лиман. Николаевск-на-Амуре, 1914; 1915; 1916.
3. Амурское эхо. Благовещенск, 1914; 1915; 1916.
4. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны, 1914—1917 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 389 с.

5. Белов С.Б. Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914—1916 гг.). Взгляд из Нижнего. Н. Новгород, 2008. 180 с.
6. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914 — февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 283 с.
7. Благовещенские епархиальные ведомости. Благовещенск, 1915.
8. Борщукова Е.Д. Общественное мнение населения Российской империи о Первой мировой войне и защите Отечества (1914—1917). СПб.: Изд-во РГПУ, 2012. 159 с.
9. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года): дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2005. 294 с.
10. Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: дискуссии и споры, с 1914 г. по настоящие времена (реферат) // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 120—132.
11. Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток, 1914. № 16.
12. Галлямова Л.И. Российский Дальний Восток накануне 1917 года // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке (Владивосток, 25—27 окт. 2012 г.). Владивосток: Изд. дом ДВФУ, 2012. С. 14—18.
13. Галлямова Л.И. Россия в Первой мировой войне: региональный аспект (современная дальневосточная историография) // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 3. С. 91—105.
14. Гатрелл П. Россия в Первой мировой войне: социально-экономическая история. Реферат // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 133—143.
15. Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3.
16. Далёкая окраина. Владивосток, 1914.
17. Дальний Восток. Владивосток, 1914; 1915; 1916.
18. Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.). Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. 276 с.
19. Иванов Р.Н. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение Воронежской губернии (1914—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 27 с.
20. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
21. История Дальнего Востока России. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
22. Казаковцев С.В. Вятская губерния в 1914—1917 гг.: война, власть и население // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 21—23.
23. Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 272 с.
24. Кижаяева Т.А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914—1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
25. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Томска в 1917—1919 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 141—150.
26. Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916. 106 с., прил.
27. Позняк Т.З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
28. Позняк Т.З. Подданные неприятельских держав на российском Дальнем Востоке в начале Первой мировой войны // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 349—369.

29. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 415 с.
30. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
31. Поршнева О.С. Настроение 1914 г. в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185—200.
32. Поршнева О.С. «Ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце» // Родина. 2014. № 11. С. 35—39.
33. Поршнева О.С. Власть и общество в России в условиях общенациональной мобилизации (1914 — февраль 1917 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2014. № 3. С. 9—14.
34. Приамурские ведомости. Хабаровск, 1914.
35. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны. Сб. докладов и материалов. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 280 с.
36. Родина. 2014. № 11.
37. Российская история. 2014. № 5.
38. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.
39. Россия и современный мир. 2014. № 2.
40. Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2013. 50 с.
41. Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — нач. 1918 гг.): по материалам Самар., Симбир., Пенз. и Саратов. губерний. Самара: СГТУ, 2007. 290 с.
42. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
43. Слабина Л.А. Некоторые аспекты истории Первой мировой войны в трудах дальневосточных историков // Материалы 57-й Всероссийской научной конференции. Т. 5. Проблемы тактики военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии. Владивосток, 2014. С. 106—113.
44. Цысь С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 — осень 1917 г.) // Известия АГУ. Барнаул, 2010. № 4—1 (68). С. 265—269.
45. Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны, 1914 — февраль 1917 гг.; дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999. 261 с.
46. РГИА (Российский государственный исторический архив).
47. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока).

Транслитерация

1. Agapov V.L. Vladivostok letom 1914 goda: po stranicam gazety «Daljokaja okraina» // Grazhdanskaja vojna i inostrannaja intervencija na rossijskom Dal'nem Vostoke: uroki istorii. Materialy Vtoroj mezhdunar. nauch. konf. Vladivostok, 2012. S. 304—308.
2. Amurskij liman. Nikolaevsk-na-Amure, 1914; 1915; 1916.
3. Amurskoe jeho. Blagoveshhensk, 1914; 1915; 1916.
4. Bahturina A.Ju. Ukrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naja politika v gody Pervoj mirovoj vojny, 1914—1917 gg. M.: ROSSPJeN, 2004. 389 s.
5. Belov S.B. Patriotizm v gody Pervoj mirovoj vojny (1914—1916 gg.). Vzglyad iz Nizhnego. N. Novgorod, 2008. 180 s.

6. Belova I.B. Pervaja mirovaja vojna i rossijskaja provincija, 1914 — fevral' 1917 g. M.: AI-RO-XXI, 2011. 283 s.
7. Blagoveshhenskie eparhial'nye vedomosti. Blagoveshhensk, 1915.
8. Borshhukova E.D. Obshhestvennoe mnenie naselenija Rossijskoj imperii o Pervoj mirovoj vojne i zashhite Otechestva (1914—1917). SPb.: Izd-vo RGPU, 2012. 159 s.
9. Bukalova S.V. Orlovskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny: social'no-ekonomicheskie, organizacionno-upravlencheskie i obshhestvenno-politicheskie aspekty (dorevoljucionnyj period: ijul' 1914 — fevral' 1917 goda): dis. ... kand. ist. nauk. Orjol, 2005. 294 s.
10. Vinter Dzh., Prost A. Velikaja vojna v istorii: diskussii i spory, s 1914 g. po nastojashhie vremena (referat) // Rossiya i sovremennyy mir. 2014. № 2 (83). S. 120—132.
11. Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti. Vladivostok, 1914. № 16.
12. Galljamova L.I. Rossijskij Dal'nij Vostok nakanune 1917 goda // Grazhdanskaja vojna i inostrannaja intervencija na rossijskom Dal'nem Vostoke: uroki istorii: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 90-letiju okonchanija Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii na rossijskom Dal'nem Vostoke (Vladivostok, 25—27 okt. 2012 g.). Vladivostok: Izd. dom DVFU, 2012. S. 14—18.
13. Galljamova L.I. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne: regional'nyj aspekt (sovremennaja dal'nevostochnaja istoriografija) // Rossiya i ATR. Vladivostok, 2014. № 3. S. 91—105.
14. Gatrell P. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne: social'no-ekonomicheskaja istorija. Referat // Rossiya i sovremennyy mir. 2014. № 2 (83). S. 133—143.
15. Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2014. № 3.
16. Dal'jokaja okraina. Vladivostok, 1914.
17. Dal'nij Vostok. Vladivostok, 1914; 1915; 1916.
18. Eremin I.A. Tomskaja gubernija kak tylovoy rajon Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914—1918 gg.). Barnaul: Izd-vo BGPU, 2005. 276 s.
19. Ivanov R.N. Vlijanie Pervoj mirovoj vojny na social'no-ekonomicheskoe polozhenie Voronezhskoj gubernii (1914—1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2012. 27 s.
20. Ikonnikova T.Ja. Dal'nevostochnyj tyl v gody Pervoj mirovoj vojny. Habarovsk, 1999. 365 s.
21. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. Kn. 1. Dal'nij Vostok Rossii v period revoljucij 1917 goda i Grazhdanskoj vojny. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 632 s.
22. Kazakovcev S.V. Vjatskaja gubernija v 1914—1917 gg.: vojna, vlast' i naselenie // Novyj istoricheskij vestnik. 2009. № 2 (20). S. 21—23.
23. Kazancev A.A. Dinamika massovyh nastroenij v rossijskoj provincii v period Pervoj mirovoj vojny (na primere Penzenskoj, Samarskoj i Simbirskoj gubernij): dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 2005. 272 s.
24. Kizhaeva T.A. Mentalitet i social'noe povedenie sel'skogo naselenija Tomskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914—1917): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2006. 23 s.
25. Kokoulin V.G. Povsednevnaia zhizn' Tomska v 1917—1919 godah // Vestnik NGU. Serija: Istoriya, filologija. 2010. T. 9. Vyp. 1: Istoriya. S. 141—150.
26. Obzor Primorskoj oblasti za 1914 god. Vladivostok, 1916. 106 s., pril.
27. Poznjak T.Z. Inostrannye poddannye v gorodah Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraja polovina XIX — nachalo XX v.). Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 316 s.
28. Poznjak T.Z. Poddannye neprijatel'skih derzhav na rossijskom Dal'nem Vostoke v nachale Pervoj mirovoj vojny // Arheologija i kul'turnaja antropologija Dal'nego Vostoka i Central'noj Azii. Vladivostok: DVO RAN, 2002. S. 349—369.
29. Porshneva O.S. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914 — mart 1918 g.). Ekaterinburg: UrO RAN, 2000. 415 s.
30. Porshneva O.S. Krest'jane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. M.: ROSSPJeN, 2004. 368 s.

31. Porshneva O.S. Nastroenie 1914 g. v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii // Rossijskaja istorija. 2010. № 2. S. 185—200.
32. Porshneva O.S. «Ratnyj podvig s zhelezom v rukah, s krestom v serdce» // Rodina. 2014. № 11. S. 35—39.
33. Porshneva O.S. Vlast' i obshhestvo v Rossii v uslovijah obshhenacional'noj mobilizacii (1914 — fevral' 1917 g.) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk, 2014. № 3. S. 9—14.
34. Priamurskie vedomosti. Habarovsk, 1914.
35. Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny. Sb. dokladov i materialov. Vladivostok: RGIA DV, 2014. 280 s.
36. Rodina. 2014. № 11.
37. Rossijskaja istorija. 2014. № 5.
38. Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny: jekonomicheskoe polozenie, social'nye processy, politicheskij krizis / otv. red. Ju.A. Petrov. M.: ROSSPJeN, 2014. 982 s.
39. Rossija i sovremennij mir. 2014. № 2.
40. Semenova E.Ju. Vlijanie Pervoj mirovoj vojny na mirovozzrenie, obshhestvennye nastroyeniya i povedencheskie praktiki gorodskogo naselenija povolzhskih gubernij Rossijskoj imperii (ijul' 1914 g. — fevral' 1917 g.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Saratov, 2013. 50 s.
41. Semenova E.Ju. Kul'tura Povolzh'ja v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 — nach. 1918 gg.): po materialam Samar., Simbir., Penz. i Sarat. gubernij. Samara: SGTU, 2007. 290 s.
42. Senjavskaia E.S. Protivniki Rossii v vojnah XX veka: Jevoljucija obraza vraga v soznanii armii i obshhestva. M.: ROSSPJeN, 2006. 288 s.
43. Slabnina L.A. Nekotorye aspekty istorii Pervoj mirovoj vojny v trudah dal'nevostochnyh istorikov // Materialy 57-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii. T. 5. Problemy taktiki voenno-morskogo flota, voennoj istorii, geopolitiki i voenno-morskoj geografii. Vladivostok, 2014. S. 106—113.
44. Cys' S.N. Ulichnaja prestupnost' i obespechenie pravoporjadka v gorodah Tomskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 — osen' 1917 g.) // Izvestija AGU. Barnaul, 2010. № 4—1 (68). S. 265—269.
45. Shishkina S.Ju. Tobol'skaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny, 1914 — fevral' 1917 gg.; dis. ... kand. ist. nauk. Tjumen', 1999. 261 s.
46. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv).
47. RGIA DV (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka).

УДК: 947.083.76(571.6)*Л.А. Слабнина*
*L.A. Slabnina***Человек военной поры: реальные судьбы дальневосточников**

Анализируются сюжеты из воспоминаний людей, переживших войну, их письма, дневники. Война рассматривается как феномен истории через восприятие и воспоминания простых людей, их биографии, что создаёт подлинную реконструкцию истории войны.

Ключевые слова. Война, повседневность, воспоминания, биография, дальневосточники, дети войны.

A Man of the War Time: Real Fates of Far Eastern Residents

The article analyzes stories of people who survived in the war and their diaries. The war is considered as a phenomena of history through perception and recollections of common people and their biographies while reconstitute the history of war.

Key words. War, everyday life, memory, biographies, Far Eastern inhabitants, children of war.

В настоящее время в историографии советского периода демонстрируются важные тенденции в развитии исторического знания о войне. Намечались и всё более чётко проявляются положительные тенденции изменений в языке исследований, отход от пересмотра разного рода руководящих и агитационных документов с использованием их же лексических конструкций, что лишь продлевает жизнь бюрократическим стереотипам и штампам. Преодоление поклонения ведомственной документации сопровождается использованием источников личного происхождения: дневников, писем, воспоминаний. Эти материалы способны не только рассказать об их авторах, но и помочь в изучении конкретно-исторических сюжетов, повседневности, социальной истории. Отрадно, что в настоящее время внимание историков переключается с государств и армии на малые группы и отдельных людей, с событий — на особенности их восприятия. Такие исследования помогают вписать сюжеты в цельную картину времени, дать более аргументированные оценки тех или иных событий, представить читателю всё многообразие проблем. Подобные исследования, источником которых служат воспоминания, письма, устные рассказы, дневники и пр., ещё раз напоминают нам о том, на-

сколько важным контекстом истории войны было перемещение десятков миллионов людей — беженцев, пленных, эвакуированных, депортированных, призванных на фронт и т.д. В хаосе, создаваемом подобными потоками, миллионы людей либо оказывались жертвами, либо сталкивались с необходимостью сложнейшей социальной адаптации в постоянно меняющихся обстоятельствах тотальной войны. Но, главное, мы стали обращаться к такому жанру исследований как «биография» — как к части истории эпохи. Биографии — это «реконструкции скрытого от наблюдателя мира» и дают они нам возможность проникнуть в ушедшие исторические времена, и понять, почему наше время и мы стали такими.

Советский Союз и Великая Отечественная война — часть советской истории. Пионерская жизнь, комсомольская, совещания, парткомы, продовольственные карточки, толкучка, бомбёжка, окопы... — изменился словарь и уже многие слова надо пояснять в комментариях и примечаниях. Ушли понятия, но, что главное, мы перестали вспоминать, что за этими понятиями стояло, как мы жили. С одной стороны — это хорошо, но с другой — стыдно, потому, что мы отказываемся от своей истории — вся советская жизнь вдруг стала «белым пятном», и многие сюжеты Великой войны и Победы в том числе. Но когда мы вернёмся, а история не терпит пропусков, окажется, что мы не в состоянии восстановить многое, и начнём придумывать. А этого нельзя допустить и личные воспоминания участников событий, и поиски новых знаний о родственниках их потомков могут помочь в этом. И долг историка — беспристрастная готовность строить выводы на основании фактов, а не выдумывать несуществующие в угоду директивно-заданным выводам (чем собственно и занимаются псевдоисторики-пропагандисты).

Многие из нас знают о войне только по фильмам, из учебников истории, книг, и всё реже от пожилых людей, свидетелей того времени. И ещё — война смотрит на нас с пожелтевших фотокарточек. К счастью, пока у нас ещё есть возможность изучать историю своей страны из первых уст, увидеть всё глазами очевидцев. Отрывки воспоминаний приведены из писем в газету

«Владивосток», которая проводила среди читателей акцию «Я помню. Помните и вы».

Испытание голодом... Так можно назвать воспоминания переживших войну «Я помню, что нам, детям войны, всегда хотелось есть. Голод преследовал нас даже ночью, во сне. Чтобы нас накормить, мама рвала лебеду, конский щавель, выпекала лепёшки. Оккупанты в нашей деревне придумали для себя забаву: дразнили голодную детвору хлебом, потом бросали его на землю и не разрешали поднимать, угрожая автоматами. Дети не осмеливались взять эти куски хлеба, как бы ни были голодны...» [2, с. 16].

Как жилось тогда, что люди говорили, что делали, как выносили это неимоверно трудное время? «Папа уехал в Москву, а нас, шестерых детей и маму перевёз на Алтай, село Старая Барда. Мы без папы стали получать фронтовой паёк: 2 кг муки, 3 кг отрубей, бутылку кастрового масла. Сажали овощи и ещё нам подарили корову-первотёлку, т.ч. мы были с молоком. Хотя основную часть его сдавали государству (сдать надо было 270 литров, а если в доме были куры — 100 яиц), нам детям, всё равно перепало. Но вскоре маме вручили уведомление, что Лебедев А.Ф., наш папа, пропал без вести. Это была смертельная угроза для нашей семьи, нам перестали платить денежное довольствие по папиному аттестату и 1943 г. мы встречали в нищете. Меня демобилизовали на работу в октябре 1943 г. мне ещё не исполнилось 13 лет. Я работала в госпитале санитаркой — уборка палат, стирка белья, бинтов. Стирали щёлочью: печную золу заливали водой, сливали и замачивали бинты. Полоскали с карболой, сушили. Потом я работала в райпотребсоюзе, в цехе по переработке овощей: мороженые овощи очищали ото льда, мыли, снимали кожуру, готовили сушёную картошку, цукаты из свёклы и тыквы, раскладывали высушенные овощи в мешки...» [2, с. 16].

Когда я с детьми и внуками вспоминаю о своём детстве и отрочестве вижу: они не очень-то верят, что это — правда. «Мы в войну жили в совхозе им. Сунь-Ятсена (Приморский край, Михайловский район). Нас, школьников старше 10 лет, привлекали к полевым работам — прополке овощей. Ставили

с утра на грядки, пололи тяпками или просто руками, о перчатках не имели понятия, руки к вечеру опухали, болели, на ночь мама смачивала их мочой, помню как щипало, до слёз... Ходили босиком. На обед привозили картофельный супчик, соевую кашу, лепёшки из шрота (жмых). Ребята приносили из дома еду, но наша семья была нищая, я ничего не приносила. И было очень стыдно есть вместе со всеми...» [3, с. 16].

Как изменились высказывания о войне (воспоминания) ветеранов. Ещё недавно — только о героических подвигах, сегодня всё чаще о той материальной стороне, что называется «бытом». «Фронт — это кровь, страх, грязь...», «...никакой романтики на войне быть не может», «...настоящий ад». Свои ощущения — страх, боль, горечь потерь выливаются сегодня в воспоминаниях. Вспоминает ветеран Великой Отечественной войны В. Шапошников, полковник юстиции: «Меня контузило, направили в госпиталь. И, кстати, в госпиталь попадали только с ранениями. На войне о болезнях никто не вспоминал. Такого, чтобы кто-нибудь простудился или гриппом заболел, не было» [7, с. 16]. Вспоминает Мария Шибанова, жительница г. Владивостока: «Я — дочь врага народа. Ни в чём не было нашей вины, но жернова репрессии перемолотили всю семью. Судьба моей семьи — капля в море, но, сколько было таких капель. В 1930 г. выслали нас — маму, папу, двух братьев, сестру и меня — из родного дома в глухой лесной посёлок на окраине Свердловска. Родители рано умерли, воспитывала нас старшая сестра. Как только по радио передали о начале войны, народ рванул в единственный поселковый магазин. Скупали всё: муку, мыло, соль, спички, керосин. Полки оголили. А мы ничего не покупали, не было денег. Вскоре в посёлок стали завозить спецоборудование — здесь должен был разместиться военный завод № 73 и мы все стали его работниками. Мне было 14 лет, работали по 12 часов, день-ночь скоро слились в одно... Не было ни хлеба, ни мыла, ни дров, ни одежды. Моя работа — упаковывать в ящики снаряды со знаменитой «катюши». Хлебная карточка моя была на 800 г хлеба в сутки. Чтобы получить талон на дополнительные 200 г, надо было выполнить норму на 200%.

Вечером я бегала в столовую на чистку картошки, за это давали тарелку супа. Съешь его и домой идти нет сил, бросишь телогрейку в заводском зале — и спать. А если была ночная смена, с утра мы шли на колхозные поля и собирали мёрзлую картошку. Принесёшь домой, кое-как почистишь, смажешь сковородку свечкой (как масло выглядит и не помнили), бросишь картошку... Никогда мне не было так вкусно, что бы потом я ни ела... Вот так детство и прошло» [8, с. 16].

Лично запечатлённые свидетельства исторических фактов важны для понимания эпохи нынешним исследователям, ибо они позволяют более объективно и всесторонне оценить факты. Семейные или родовые архивы, содержат уникальные источники, являющиеся прекрасным материалом для накопления не только с событиями, но и с межличностными отношениями, самой обстановкой частной жизни, её укладом, ушедшим и неповторимым. Как правило, только в личных документах, к которым относятся и воспоминания, можно найти отражение былых человеческих страстей, мыслей, чувств, переживаний, связанных с различными событиями минувшей войны. Своеобразие воспоминаний, зафиксированных как исторический документ, ещё и в том, что события и факты реальной жизни отражены в них сквозь призму индивидуального восприятия людей, ставших участниками или очевидцами событий. Субъективная интерпретация событий присуща в равной мере и официальным документам, но «ощущения и чувства» остаются в них за кадром.

Из воспоминаний Р.Ф. Бородиной (живёт во Владивостоке с 1948 г.): «Отец мой, ему было 43 года, был призван на фронт и погиб на Курской дуге. Мне было 14 лет. За отца мы стали получать пенсию — 40 руб., а буханка хлеба стоила 100—150 руб. С первых дней войны вышло постановление: дети с 12 лет должны за летние месяцы заработать 120 трудодней. Все четыре года войны мы трудились на разных работах: резали шляпки подсолнухов, убирали с поля просо, капусту. Жили очень бедно, не было ни спичек, ни соли, ни мыла. Свет давали коптилки: маленькие бутылочки с фитильком. Жи-

ходить через речку, а потом ещё 1,5 км пешком. Разувались и шагали по воде. Кожа трескалась, появлялись «цыпки», шла кровь, на ночь ранки смазывали мочой, очень щипало. Из одежды — всё перешитое из старья, галоши — из автомобильных шин. Из конопли ткали холсты, из них шили одежду. Не было мыла. Покупали соду каустическую и сами варили мыло из кишок животных и масла» [1, с. 16].

Во время войны подростки считались взрослыми, самостоятельными, а 16 лет — самый рабочий возраст. Зачастую работа помогала им выжить — карточки, возможность питания. В октябре 1941 г. В.Ф. Бычковой исполнилось 16 лет, и начался ежедневный труд на рыбоконсервном комбинате. «Ребята на плашкоутах привозили выловленную рыбу, а девочки, вчерашние школьницы, её принимали на комбинат, на тачках развозили по цехам: на чистку, обработку, консервирование. Стояли у транспортёра часами, он не останавливался. Был голод, но нам иной раз разрешали и самим полакомиться: возьмёшь рыбку, в кочегарке поджаришь... Выносить с завода категорически запрещалось — за одну рыбёшку, вынесенную из комбината — семь лет без суда. И даже танцы в военное время никто не отменял — «...поставят в воинской части прожекторы, накроют палаткой — вот и танцплощадка» [4, с. 4].

Неоценимый вклад в дело Победы внесли женщины, и о женщинах той поры следует сказать особо. В отличие от яркого мужского подвига, удостоенного всенародной славой и наград, скромного женского героизма много лет не замечали. И только теперь мы начинаем понимать и оценивать величие каждодневного, ежечасного жертвования собой ради ближнего, которым отличались женщины военной и послевоенной, не менее драматичной, поры. И снова возвращаясь к воспоминаниям, историки пытаются глубже понять, осмыслить, осветить истоки доблести тех, кто в тылу обеспечивал фронт вооружением, боеприпасами, продовольствием, обмундированием. Медаль «За боевые заслуги» на груди ветерана Невешкиной А.М. В тексте пожелтевшего

наградного листа образца 1946 г. отмечается «Товарищ Невешкина А.М. своим отличным отношением к труду обеспечивала своевременную и чёткую работу по разнарядке стратегического сырья фронтам и Тихоокеанскому флоту, чем способствовала бесперебойной отгрузке грузов в намеченные сроки». Игнатенко Н.М. работала на торфозаготовках, затем лесозаготовках, лесосплавах. «...Холодно, голодно. И слёзы приходилось лить — поди-ка справься с упрямым быком, чтобы подошёл к санкам, а ещё запрячь надо и везти заставить... [5, с. 14]. Работала на стройке. Начала пухнуть от голода — приду с работы, а руки, ноги — как олады. Помню, переболела, выхожу из больницы — худенькая, слабая, никак не могу удержаться на трамвайной подножке, а сзади поторапливают — «Давай бабушка, проходи». Я оборачиваюсь и смеюсь, — «да мне 16 лет». Вот что такое война [5, с. 14].

Не менее драматичные воспоминания тех, кто пережил войну в оккупации. Т. Ключок пережила войну в Брянской области, а это партизанский край, потом семья переехала в Амурскую область. «Осенью 1941 г. мы жили в селе Каменка, немцы стояли в городке Караченске, через наше село шли немецкие обозы, и немцы постоянно нас разоряли. Начался голод, из вереска, свёклы и очистков картофеля пекли хлеб. После ухода немцев через село проходила линия фронта, начался пожар, село сгорело почти полностью, мы остались без жилья. Мама, я и три сестры жили в овощехранилище, и в конце 1944 г., когда отец вернулся с фронта, мы оборудовали свою землянку. Я часто плакала, что не могла ходить в школу, не было тёплой одежды» [6, с. 259].

Наш народ победил не только силой оружия, но и силой духа. Строки писем на родину с фронта: «...Я буду драться так, как подобает патриоту нашей Родины, и могу заверить: стыдно за меня не будет». Из воспоминаний о начале войны: «...Узнала о войне, приехав из Москвы в Казань на каникулы. Услышала по радио 22 июня «важное правительственное сообщение». Услышала выступление Молотова и в памяти остались первые строчки «Германские войска напали на нашу страну...» Ни слёз, ни паники не было.

Объединяла всех непоколебимая вера в Победу, и словно в подтверждение этого дикторы по радио каждый день после передачи сводок с фронта повторяли «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

И важно, что вспоминают пережившие войну те ощущения, тот дух патриотизма, которым было наполнено то время. Из открытых окон домов звучала песня Александрова «Священная война», которая стала гимном, призывающим к Победе. Музыка была вообще важным фактором — она на протяжении всей войны поддерживала в людях присутствие духа.

Для тех, кто интересуется историей своей страны, ещё одним очень важным источником, свидетельством являются письма с фронта времён Великой Отечественной войны. Письма с фронта на протяжении многих лет бережно хранят потомки солдат. В этих небольших, пожелтевших листочках, сложенных треугольником, со штампом «просмотрено военной цензурой», — суровая история великого народа. Невозможно без боли читать эти письма — документы величайшей эмоциональной силы и в то же время просто письма, разговор с родными и близкими. Как обострены в них чувства и сколько гордости за свою судьбу. Можно посчитать чудом уже само появление этих писем, если представить в каких условиях писались они. И если раньше звон ветеранских медалей заглушал шум митингов, то сегодня он становится тише. И нужно успеть донести до последующих поколений правду и светлую память о подвиге, доблести и славе народа. Потому что не должна распасться связь времён. Память об общих жертвах и победах является связкой, объединяющей людей на географическом пространстве страны.

В 80-е гг. XX в., с перестройкой, начались реформы, в ходе которых история Великой Отечественной войны была предана глумлению: и воевать мы не умели, и примеры мужества — это измышление сталинской пропаганды и пр. Реальный человек, реальные судьбы миллионов людей, их подвиг превращались через пропаганду в легенду и миф. Долг историков — очистить реальность от мифов, донести через воспоминания правду о войне, сформировать чувство сопричастности к прошлому и настоящему страны. А

воспоминания, несмотря на очевидный субъективизм, обогащают историю, раскрывают образ мыслей, видение событий с позиций «маленького человека».

Литература и источники

1. Воспоминания Бородиной Р. Детство прошло в ожидании Победы // Владивосток. Владивосток, 2015. 18 марта. С. 16.
2. Воспоминания Шимчак В. 13 лет? Мобилизована! // Владивосток. Владивосток, 2015. 11 марта. С. 16.
3. Воспоминания Кабанцевой Ф. На время войны все стали мужиками // Владивосток. Владивосток, 2015. 25 февр. С. 16.
4. Воспоминания Бычковой В.Ф. Даже в военное время танцы никто не отменял // Владивосток. Владивосток, 2010. 4 июня. С. 14.
5. Воспоминания Игнатенко Н.М. Сам Ворошилов благодарил за пойманного шпиона // Комсомольская правда. 2010. 14 июня. С. 14.
6. Клочок Т. Детство в оккупации врага // Дальневосточники на фронте и в тылу в 1941—1945 гг. Материалы региональной научно-практ. конф. Благовещенск, 2006 г. С. 259.
7. Воспоминания Шапошникова В. На войне о болезнях никто не вспоминал // Владивосток. Владивосток, 2010. 13—20 мая. С. 16.
8. Воспоминания Шибановой М. Снаряды для «катюши» от 14-летней Маши // Владивосток. Владивосток, 2015. 11 февр. С. 16.

Транслитерация

1. Vospominanija Borodinoj R. Detstvo proshlo v ozhidanii Pobedy // Vladivostok. Vladivostok, 2015. 18 marta. S. 16.
2. Vospominanija Shimchak V. 13 let? Mobilizovana! // Vladivostok. Vladivostok, 2015. 11 marta. S. 16.
3. Vospominanija Kabancevoj F. Na vremja vojny vse stali muzhnikami // Vladivostok. Vladivostok, 2015. 25 fevr. S. 16.
4. Vospominanija Bychkovoj V.F. Dazhe v voennoe vremja tancy nikto ne otmenjal // Vladivostok. Vladivostok, 2010. 4 ijunja. S. 14.
5. Vospominanija Ignatenko N.M. Sam Voroshilov blagodaril za pojmannogo shpiona // Kom-somol'skaja pravda. 2010. 14 ijunja. S. 14.
6. Klochok T. Detstvo v okkupacii vruga // Dal'nevostochniki na fronte i v tylu v 1941—1945 gg. Materialy regional'noj nauch.-prakt. konf. Blagoveshhensk, 2006 g. S. 259.
7. Vospominanija Shaposhnikova V. Na vojne o boleznyah nikto ne vspominal // Gaz. Vladivostok. Vladivostok, 2010. 13—20 maja. S. 16.
8. Vospominanija Shibanovoj M. Snaryady dlja «katjushi» ot 14-letnej Mashi // Vladivostok. Vladivostok, 2015. 11 fevr. S. 16.

Повседневная жизнь населения Приморского края в военные и послевоенные годы (1941 — середина 1950-х гг.)

Анализируются основные структурные компоненты повседневной жизни населения Приморского края (обеспечение продовольственными и промышленными товарами, жилищно-бытовые условия, медицинское обслуживание) на протяжении военных и послевоенных лет. Выявлено, что наряду с государственными мерами, обеспечивающими физиологический минимум, необходимый для поддержания жизнедеятельности, население широко использовало практику самообеспечения, которая позволила частично ликвидировать дефицит продовольствия. В целом военную и послевоенную повседневность можно характеризовать термином «бедность».

Ключевые слова: население, повседневность, продовольственные и промышленные товары, жилищные условия, медицинское обслуживание.

The daily life of the population of Primorye Territory in the war and postwar years (1941 — mid.1950-s)

The article analyzes the main structural components of daily life in Primorye Territory (providing foods and manufactured goods, housing conditions, health care) during the war and postwar years. It was revealed that in addition to government measures providing a physiological minimum required to sustain the population is widely used practice of self-sufficiency which would partially eliminate foods shortages. In general the war and postwar daily can be characterized by the term «poverty».

Key words: population, daily, food and industrial goods, housing condition, medical care.

В истории нашей страны Великая Отечественная война и восстановление послевоенной разрухи были одними из самых тяжёлых испытаний для советского народа. Суровые военные и послевоенные годы стали проверкой прочности социально-экономических устоев советского государства, силы патриотического духа и морально-нравственных качеств советских людей.

Повседневная жизнь населения Приморского края военных и послевоенных лет не имела принципиального различия, это был фактически единый период, окончание войны мало что изменило в социально-бытовом и материальном положении людей, не означало конец их бедам и страданиям.

Говоря о повседневности, необходимо определиться, как трактовать это понятие. Современный научный понятийный аппарат знает несколько десятков различных определений «повседневности», которые широко тракту-

ются в исторической литературе. Каждый автор, исходя из предмета и целей исследования, источниковой базы, акцентирует своё внимание на определённых аспектах повседневности. На наш взгляд, наиболее удачно общие компоненты истории повседневности были сформулированы академиком Ю.А. Поляковым [8, с. 127—130]. По его мнению, первая структурная единица, которую следует рассматривать — это историко-демографическая. В ней исследуются процессы естественного и механического движения населения, уровень медицинского обслуживания и заболеваемости, вопросы брака и семьи. В качестве второй составляющей выделяется группа проблем, которую обобщённо можно назвать «жизненными условиями», включающими в себя обеспечение жильём, пищей, одеждой. К жизненным условиям также относятся вопросы развития транспорта, сферы услуг. Третье направление — проблемы досуга, отдыха, развлечений.

Отметим, что некоторые проблемы из структуры повседневности, предложенной Ю.А. Поляковым, в частности, материально-бытовое положение жителей Приморского края исследовались ранее. Так, период Великой Отечественной войны освещён в книге Г.А. Ткачевой [12], послевоенные годы — в работе Л.А. Слабниной [11], коллективной монографии «Мир после войны: дальневосточное общество в 1945—1950-е гг.» [5]. В данной публикации на основе новых архивных материалов сделана попытка дополнить указанные исследования, осветить повседневную жизнь населения Приморья, рассматривая период 1940-х — первой половины 1950-х гг., как единый. При этом мы исходим из основополагающих факторов, влияющих на повседневность, — государственной социальной политики, уровня экономического развития, состояния социальной сферы. С окончанием войны в указанных сегментах не произошло каких-либо серьёзных перемен, оказавших влияние на повседневность советских людей. Они, если и происходили, то постепенно, медленно и обуславливались мобилизационной стратегией развития страны, необходимой для её восстановления после войны, а также реалиями послевоенного мира — начинающейся холодной войной. Заметные перемены

в повседневной жизни начались в середине 1950-х гг., поэтому и хронологические рамки публикации мы ограничили этим периодом.

Говоря о населении Приморского края, отметим, что его динамика в годы войны мало отличалась от динамики населения страны. В результате военных потерь, снижения естественного прироста (если в 1940 г. прирост составлял 34,5 тыс. чел., то в 1943 г. — 8,4 тыс.) [1, с. 3], и ряда других причин (чрезмерный труд, недоедание, болезни), численность населения Приморского края уменьшилась. По Всесоюзной переписи 1939 г. население Приморья составляло 906,8 тыс. чел., по состоянию на 1.05.1946 г. в крае проживало 902,6 тыс. чел. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 299. Л. 9].

Численность населения в Приморском крае стала расти в послевоенные годы, что было связано с возобновившейся миграцией и естественным приростом. В 1950 г. в Приморье проживало 974,9 тыс. чел., в 1960 г. — 1,301 млн чел. [9, с. 107].

Для нормальной жизнедеятельности люди нуждаются в пище, одежде, жилище, отдыхе. Потребность в пище является первоочередной, значение питания для человека неоспоримо, потому что без него жизнь индивида оказывается под угрозой.

Проблемам питания в годы войны уделялось особое внимание. Для того чтобы обеспечить население физиологическим минимумом и избежать распространения голода, с началом войны по всей стране вводилось нормированное распределение продовольствия. Карточки появились сначала в Москве, Ленинграде, затем в других городах, осенью 1941 г. их ввели и в Приморском крае.

Нормы снабжения дифференцировались по социально-производственному принципу: преимущественным правом пользовались работники отраслей народного хозяйства, имеющих решающее значение в укреплении оборонной мощи страны. Учитывались также потребности таких групп населения, как дети, кормящие матери, инвалиды войны. Для рабочих и служащих карточная норма основного продукта питания (хлеба) имела две

категории. По первой категории снабжались рабочие, инженерно-технические работники (ИТР) тяжёлых отраслей промышленности, транспорта, угольной и т.д., по второй — работники остальных отраслей индустрии. В Приморском крае суточная норма хлеба для рабочих 1-й категории составляла 800 г, 2-й — 600, для служащих 1-й категории — 500, 2-й — 400, для иждивенцев и детей — 400 г [12, с. 270]. Помимо хлеба нормировались все другие продовольственные товары.

Нормированное распределение обеспечивало население минимумом продуктов питания, предотвращало случаи голодной смерти, что позволяло предприятиям, организациям и учреждениям края работать на нужды обороны страны. Карточная система сохранялась в течение первых двух послевоенных лет и была отменена в декабре 1947 г.

Продукты, получаемые по карточкам, не могли обеспечить полноценного питания человека. Качество и калорийность их были низкими. По оценке специалистов, взрослому человеку для выполнения тяжёлой физической работы требовалось 1200 г хлеба в день [6, с. 137]. Но такого количества хлеба никто из рядовых тружеников не получал. Да и в целом рацион был достаточно ограничен. Основными продуктами питания помимо хлеба были картофель, свёкла, крупы.

Ситуацию военных и первых послевоенных лет можно характеризовать как «скрытый голод». Чувство голода не покидало приморцев в течение всех военных и первых послевоенных лет (до отмены карточек в 1947 г.) В воспоминаниях людей о том времени, как правило, присутствуют сюжеты о нехватке продовольствия, желании утолить голод и т.п. По воспоминаниям старожила Владивостока Е.А. Щербенковой военное время было голодным. «В школе нам варили на воде кашу, иногда добавляли в неё сухое молоко, — это после того, как в 1943 г. пошла американская помощь. ...На Ленинской были организованы котлопункты, в которых на воде варили галушки, за тарелкой которых люди стояли по 5—6 часов в очереди» [13, с. 26—28].

Продовольственная проблема была одной из основных в повседневной жизни населения Приморского края. Важнейшим дополнительным источником питания в годы войны стало индивидуальное и коллективное огородничество, которое получило быстрое развитие после того, как 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих». В нём говорилось о необходимости краевым и областным исполкомам выявить все пустующие земельные участки в городах и посёлках и отвести их под огороды рабочим и служащим [10, с. 65].

15 апреля 1942 г. бюро Приморского крайкома ВКП(б) приняло постановление «О развитии подсобных хозяйств при предприятиях и учреждениях и индивидуальном огородничестве рабочих и служащих» [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 636. Л. 60—61]. На предприятиях были созданы огородные комиссии, которые, согласовав с местными органами власти выделение земельных площадей под огороды, составили списки желающих получить участки. Комиссии, в которые входили и профсоюзные активисты, оказывали помощь в приобретении посадочного материала, сельскохозяйственного инвентаря, предоставлении транспорта для перевозки собранного урожая и решении других вопросов.

Весной 1942 г. жителям Владивостока, изъявившим желание приобрести земельные участки для огородничества, по решению крайисполкома выделили свыше 3 тыс. га земли в окрестностях города, где горожане вырастили более 10 тыс. т картофеля и овощей. В 1943 г. были разработаны новые земельные участки, всего в годы войны почти 60 тыс. владивостокцев имели индивидуальные огороды [ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 4. Л. 176]. В Ворошилове (Уссурийске) в 1942 г. под индивидуальные огороды горожанам выделили 1858 га земли [ГАПК. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 46. Л. 184]. В Артёме в 1942 г. насчитывалось 12 тыс. огородников на 1220 га земли, в 1944 г. — 18 тыс. на 1925 га [12, с. 280].

На огородах выращивался преимущественно картофель, который стал основным продуктом питания населения, помогал выжить в те суровые годы. Без «второго хлеба», ставшего по существу первым продуктом питания, не

обходилась ни одна трапеза. В то же время крайне мало потреблялось продовольствия животного происхождения (мясо, молоко, яйца).

Дополнительным источником потребления были дикорастущие травы, ягоды, плоды и грибы, использование которых имело большое значение в условиях нехватки продуктов. Их сбор осуществлялся как для личного потребления, так и в рамках специально организованных кампаний, куда привлекалось население не занятое на производстве, в том числе школьники. В июле 1943 г. 10-й пленум Приморского крайкома ВЛКСМ принял постановление, согласно которому школам, пионерским лагерям, интернатам, детским домам был установлен план заготовок на летне-осенний период. Для учащихся младших классов устанавливалась норма 40 кг дикоросов и лекарственных трав, для старшеклассников — 70 кг [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 35. Л. 96].

Помимо сбора дикоросов нехватку продовольствия восполняли заготовкой мяса диких животных, ловлей рыбы в прибрежных водах Японского моря, реках и озёрах. В январе 1942 г. исполком Ворошиловского (Уссурийского) горсовета обязал ряд руководителей предприятий города организовать лов рыбы на оз. Ханка и р. Суйфун (Раздольная). В марте того же года для обеспечения населения города мясом диких животных исполком принял решение о создании из охотников-любителей трёх бригад, по десять человек каждая [ГАПК. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 46. Л. 148]. Подобные бригады по лову рыбы в прибрежной акватории Владивостока были организованы на предприятиях города. За годы войны они передали для нужд горожан 6,7 тыс. т рыбы [12, с. 282].

В годы войны население испытывало большие трудности с обеспечением промышленными товарами бытового назначения. В довоенный период товары широкого потребления завозились в Приморский край из западных районов страны, с началом войны поставки прекратились. Восполнить нехватку товаров за счёт местного производства не удавалось, и в первой половине 1942 г. в Приморье, как и по всей стране, ввели их продажу по карточкам. В основу распределения промышленных товаров, как и продовольствен-

ных, был положен принцип дифференцированного снабжения. В соответствии с принадлежностью к одной из четырёх определённых правительством групп населения устанавливались соответствующие нормы снабжения. При этом промтоварная карточка имела несколько купонов-единиц, в обмен на которые по эквиваленту можно было купить любые нормированные товары. Для рабочих и инженерно-технических работников полагалось 125 купонов-единиц, для служащих — 100, для иждивенцев (включая детей) и учащихся — 80. Так, приобретая пару мужской или женской кожаной обуви, покупатель, оплачивая её стоимость, должен сдать 50 купонов-единиц, за пару детских сандалий или босоножек — 20, за платье женское шерстяное или шёлковое — 60, хлопчатобумажное — 40 и т.д. [7, с. 203].

Нехватка предметов первой необходимости промышленного производства, вынуждала людей пользоваться теми вещами, которые они прибрали в довоенное время, причём до полного износа, постоянно ремонтируя и перешивая их. Если удавалось приобрести ткань, шили одежду для себя и своих детей в домашних условиях. Большое распространение получила практика использования гражданским населением военного обмундирования, приобретения одежды и обуви вне действующих каналов государственного распределения — на базарах и рынках.

Отсутствие одежды и обуви нередко становилось причиной заболевания детей и взрослых, пропуска учащимися занятий в школе. В 1944/45 учебном году 5 тыс. детей не посещали школу из-за отсутствия обуви и одежды [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 54. Л. 50]. Отсутствие одежды и обуви у учащихся школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) нередко становилось причиной невыхода на работу, что в условиях военного времени считалось дезертирством.

Руководители отдельных предприятий пытались оказывать помощь молодым рабочим своими силами. Так, осенью 1942 г. накануне зимы администрация Дальзавода предоставила им 1 тыс. комплектов нижнего белья, 800 пар обуви, 800 хлопчатобумажных костюмов, 3 тыс. метров мануфакту-

ры. В тресте «Сучануголь» молодым рабочим выдали 325 пар нижнего белья, 332 верхних рубашки, 290 брюк, 130 пиджаков, 50 костюмов [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 14, 15].

Война многократно осложнила жилищно-бытовые проблемы. Дефицит жилья был обыденным явлением ещё в довоенное время. С началом войны жилищное строительство приостановилось, выделение жилья нуждающимся происходило за счёт существующего жилого фонда. Жители городов и сёл Приморского края в порядке самоуплотнения должны были предоставлять часть своей жилплощади для тех, кто прибыл из западных районов страны. Однако это лишь частично решало жилищную проблему, а фактически обостряло её. По данным на июль 1942 г. почти 4 тыс. семей, прибывших в край, не обеспечивались жильём и были вынуждены проживать по две—три семьи в одной квартире [ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 4. Л. 97].

Большая часть существующего жилого фонда не имела элементарных коммунальных удобств, но особенно тяжёлое положение складывалось в общежитиях, условия проживания в которых не соответствовали жилищно-бытовым нормам — отсутствовало водоснабжение, процветала антисанитария, у жильцов наблюдался педикулёз. Отсутствие контроля со стороны администрации, когда жильцы были предоставлены сами себе, приводило к тому, что обычным явлением в общежитиях стали карточные игры, пьянство.

Особенно трудно приходилось молодым рабочим и учащимся школ ФЗО, многие из которых прибыли в города из сельских районов. Промышленные и транспортные предприятия, шахты Приморья требовали массовых кадровых пополнений. Внутренние трудовые резервы в городах и рабочих посёлках оказались исчерпанными уже к концу 1941 г., поэтому основным источником трудовых резервов стало село. С начала 1942 г. краевые органы власти регулярно принимали решения о мобилизации сельской молодёжи на производство. Только за два военных года (1941—1942) школы ФЗО, где обучалась молодёжь в возрасте от 14 до 18 лет, подготовили свыше 12 тыс. рабочих [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 2]. Подавляющее большинство из

них жили в общежитиях. Так, по данным за 1942 г. в общежитиях при заводах, шахтах, железнодорожных депо проживало более 10 тыс. молодых рабочих [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 5]. Юношам и девушкам приходилось самим заботиться о питании и личной гигиене — постельное бельё либо отсутствовало, либо его меняли нерегулярно. Проблемой было сходить в баню. Приходилось думать и о собственной безопасности, т.к. имелись случаи нападения хулиганов, которые отнимали хлебные карточки, одежду, деньги. В общежитии завода № 202 (Владивосток) рабочие спали в одежде, куда в карманы клали хлебные карточки из-за опасения, что их могут украсть, поскольку происходили случаи воровства [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 35. Л. 61]. В некоторых общежитиях для предотвращения краж администрация была вынуждена создавать камеры хранения, куда жильцы могли сдавать наиболее ценные вещи [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 13].

Общежития плохо отапливались. Даже в Артёме рабочие-шахтёры выражали недовольство, что, они, добывая уголь, после смены приходят в холодные, нетопленные общежития и не могут обогреться [ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Впрочем проблема обогрева жилищ была повсеместной. В Ворошилове (Уссурийске) нехватка топлива зимой 1942/43 гг. привела к тому, что в некоторых семьях были вынуждены для обогрева сжигать мебель, разбирать перегородки, полы, заборы, сараи, ворота, мостки и т.д. Зимой 1943/44 гг. горожане вырубали сад пивного завода (более 1 тыс. деревьев), который создавали своими руками до войны [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 49. Л. 46].

С окончанием войны положение в жилищно-коммунальном хозяйстве немного улучшилось, но по-прежнему оставалось сложным. Хотя именно на благоустройство городов в первое послевоенное время власти обратили серьёзное внимание, что было вполне объяснимо. Страна победила, и нужно было придать городам праздничный облик, по возможности быстро ликвидировать последствия войны, убрать грязь и мусор. Особое внимание власти уделили краевому центру, поскольку за годы войны Владивосток оказался силь-

но захламлённым, засоренным, неухоженным. 15 мая 1945 г. Совнарком СССР принял специальное решение, где дал резко отрицательную оценку городскому хозяйству и благоустройству Владивостока. Приморский крайком ВКП(б) и крайисполком обязали принять решительные меры по ликвидации запущенности города [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 84. Л. 196].

За четыре послевоенных года (1946—1949) на благоустройство Владивостока было выделено 31,2 млн руб. [ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 349. Л. 41]. За это время были восстановлены и вновь построены 20,5 тыс. кв. м тротуаров, 42 тыс. кв. м мостовых, 3358 п.м коллекторов (они не ремонтировались с 1940 г., хотя их работа в условиях Владивостокского рельефа местности и дождей имела весьма важное значение), отремонтированы 32 км шоссейных дорог, проведены работы по благоустройству набережной и парков [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 84. Л. 197].

Одной из серьёзных проблем, осложнявшей бытовые условия жизни горожан послевоенных лет, было обеспечение водой. В ряде районов Владивостока часто вода подавалась ночью, а днём только в течение двух-трёх часов [ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 331. Л. 26]. Плохо было с водоснабжением и в других городах края. В Артёме воду подавали два раза в день: утром с 8 до 10 и вечером с 18 до 20 часов. Население города брало воду из водоразборных колонок, к которым выстраивались километровые очереди. Единственная муниципальная баня долгое время по причине ремонта не работала, ведомственные бани (АртёмГРЭС, ст. Угольная) из-за отсутствия воды работали нерегулярно. Даже шахтёры после смены не имели возможности помыться, на шахтах № 1 и № 7, где работали свыше 2 тыс. чел., воды на бытовые нужды не хватало [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 59. Л. 45].

В послевоенные годы возобновилось жилищное строительство, но оно велось в ограниченных объёмах и существенно не сказалось на улучшении жилищных условий населения. Благоустроенного жилья с коммунальными удобствами строили мало (преимущественно во Владивостоке), а в основном это были одноэтажные деревянные дома без коммунальных услуг. За 1946—

1949 гг. населением края построено 4 тыс. индивидуальных жилых домов в городах и рабочих посёлках [4]. Из-за отсутствия средств жители сёл жильё не строили, возводилось оно только для переселенцев, прибывающих в Приморский край из западных районов страны.

Значительная часть рабочих проживала в общежитиях, жилищно-бытовые условия в которых были крайне неблагоприятными: двухъярусные кровати, отсутствие шкафов для хранения продуктов, рабочей и выходной одежды, отсутствие кухонь и бытовых комнат для приготовления пищи и стирки. В 1948 г. в городах края в рабочих общежитиях провели проверку, в ходе которой вскрылись многие неприглядные факты жизни рабочих. Так, в общежитиях рыбного порта во Владивостоке размещали от 12 до 20 чел. в комнате. Подобная ситуация наблюдалась в общежитиях Владивостокского торгового порта, где в общей сложности проживали 1,5 тыс. чел. В комнатах было грязно, в некоторых стёкла окон выбиты и заделаны фанерой и досками. Водой жильцов обеспечивали нерегулярно, и рабочие, придя с работы, не могли помыться [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 103. Л. 38, 90, 100].

Жильём население края обеспечивалось плохо. В 1950 г. в городах и промышленных посёлках Приморья в среднем на 1 чел. приходилось 3,3 кв. м жилой площади. Всего 11,3% жилых домов были оборудованы водопроводом, 8,5% — канализацией. В городах Сучан, Артём, Находка жилые дома, оборудованные водопроводом и канализацией, составляли десятые и сотые доли процента [ГАПК. Ф. 26. Оп. 24. Д. 2. Л. 5]. Даже во Владивостоке большая часть населения проживала в домах без коммунальных услуг. По архивным данным на начало 1955 г. жилой фонд Владивостока составлял 850 тыс. кв. м, из них свыше 500 тыс. приходилось на одноэтажные постройки [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 277. Л. 6]. Значительная часть одноэтажного фонда являлась ветхой и непригодной для жилья, особенно в районе Корейской слободы, где люди жили в переоборудованных корейских фанзах, при недопустимой плотности застройки. Район был совершенно не благоустроен и находился в антисанитарном состоянии.

Все эти факты свидетельствовали, что у государства не было средств на решение жилищной проблемы, благоустройство городов и посёлков и других социальных проблем. Страна восстанавливалась после войны, требовалось укреплять обороноспособность державы, что в условиях «холодной войны» было более важным, чем социальная сфера. До середины 1950-х гг. определяющее влияние на формирование социальной стратегии развития общества оказывали экономические приоритеты советского руководства, выражавшиеся в стремлении любой ценой обеспечить преимущественное развитие тех отраслей промышленности, которые производили средства производства (машины и оборудование, инструменты и приспособления, производственные здания и сооружения, уголь, металл, нефть и т.д.). Материальные потребности населения удовлетворялись в минимальном размере. Населению обеспечивался прожиточный минимум в продуктах питания и одежде для сохранения их работоспособности и предотвращения каких-либо социальных волнений.

Для характеристики повседневной жизни абсолютного большинства населения Приморского края в послевоенные годы (с точки зрения их материального положения) уместно говорить о бедности. Хотя в советском политическом лексиконе такие понятия, как «бедность», «черта бедности», по идеологическим соображениям не использовались, а если и применялись, то исключительно для характеристики материального положения трудящихся капиталистических стран. Считалось, что в Советском Союзе бедности нет и быть не может в силу самого характера социалистического строя, а граждане, доходы которых не обеспечивали прожиточного минимума, считались малообеспеченными. Между тем существующий в советском обществе в послевоенные годы уровень потребления жизненных благ (питание, одежда, жилищные условия, отдых) позволяет говорить об абсолютной бедности основной части населения.

В послевоенные годы немного улучшилась ситуация с обеспечением продовольствием, чему способствовала отмена карточек в декабре 1947 г.

Рацион питания приморцев мало отличался от рациона большинства населения страны и включал ограниченное количество продуктов. В нём преобладал хлеб из ржаной муки грубого помола, крупа, доля потребления мяса, жиров, молочных продуктов, сахара — незначительна.

Государственная торговля в социалистической экономике никогда не была единственным источником снабжения населения. Товарный дефицит вызывал различные способы самоснабжения. Значительная часть населения Приморья обеспечивала себя продуктами с индивидуальных огородов и личных подсобных хозяйств.

Огородничество, получившее развитие в военные годы, активно развивалось и в послевоенное время. В Приморском крае в 1947 г. огородничеством занимались 190 тыс. чел. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 70. Л. 23]. Помимо огородов многие держали крупный и мелкий рогатый скот, птицу и другую живность, чтобы обеспечивать себя молоком, мясом, яйцами. Даже жители краевого центра в 1947 г. имели в индивидуальном пользовании 1500 коров, обеспечивали себя и других свежим молоком, хотя его не хватало. Цены на него на рынке были недоступны большинству горожан (ГАПК. Ф. 85. Оп. 5. Д. 65. Л. 44).

Личные подсобные хозяйства в послевоенные годы являлись важным источником пополнения продовольственных запасов значительной части жителей края. В условиях дефицита продуктов в розничной торговле, высоких цен на колхозных рынках подсобные хозяйства и приусадебные участки способствовали улучшению питания, позволяли экономить часть денежных средств, которые тратились на другие нужды.

Ситуация с обеспечением продуктами питания стала меняться в первой половине 1950-х гг. — увеличилось потребление мяса, рыбы, молока, яиц. Это обуславливалось как ростом заработной платы, так и увеличением их производства. В «хлебно-картофельном» меню появились продукты, ценные в физиологическом и вкусовом отношении.

В Приморском крае принимались меры по улучшению работы предприятий, выпускавших предметы широкого потребления, но быстро изменить ситуацию на потребительском рынке не удавалось. Местная промышленность изготавливала продукцию в ограниченном ассортименте, к тому же часто не пользующуюся спросом у населения.

Слабое развитие отраслей лёгкой промышленности в Приморском крае, зависимость от поставок из других районов страны сказывались на обеспечении населения. Многие товары первой необходимости люди были вынуждены покупать на вещевых рынках. Так, жители городов и посёлков Приморского края в 1953—1954 гг. израсходовали на покупку у частных лиц 18,5% от суммы всех затрат на промышленные товары. Ещё больше средств тратилось на услуги, которые оказывали частники — пошив, ремонт одежды и обуви — 49,6% [11, с. 70].

Одежда не только удовлетворяет биологические потребности человека в тепле и защищённости тела, она свидетельствует о социальной и культурной принадлежности того, кто её носит, отражает его материальные возможности и эстетический вкус. Внешний вид приморцев в первое послевоенное десятилетие во многом определялся низким уровнем доходов, дефицитом одежды и обуви. Главной чертой внешнего облика являлось однообразие. Мужчины донашивали форму, оставшиеся с войны кители, гимнастёрки, шинели, телогрейки, кирзовые сапоги. По воспоминаниям старожила Владивостока Е.А. Щебеньковой, когда она в 1947 г. поступила в педагогический институт (будущий ДВГУ) среди преподавателей и студентов было много одетых в военные гимнастерки [13, с. 40].

Приоритетными принципами при покупке одежды являлись дешевизна и простота. Одежда должна была быть ноской, практичной и легко стираться. В эстетическом отношении вещи были скромными — юбки с блузами или платья у женщин, брюки с рубашками у мужчин. Главным в одежде считались скромность и опрятность.

Характерно было бережное отношение к одежде. Приобрести много вещей могла позволить себе только семья с достатком, большинство же по-

купали их по мере износа, поэтому обновка воспринималась как значительное событие. В таких условиях каждая вещь приобретала статус вечной жизни, «бессмертие» заключалось в продлении её службы различными переделками, донашиванием одежды, оставшейся от старших младшими, что свидетельствовало о бедности, царившей после войны.

Послевоенное общество не представляло собой однородной массы. В городах Приморья, прежде всего во Владивостоке, выделялись люди, имевшие больший достаток и привилегии, чем подавляющее население края. К категории таких горожан относились семьи партийно-советской номенклатуры и приближённый к ней хозяйственный и военный актив. Именно в этой среде в послевоенные годы встречались люди, выделяющиеся одеждой из общей массы. Только эта привилегированная категория могла воспользоваться, например, услугами частных портных, приобрести не только подержанные, но и новые вещи в комиссионных магазинах и на рынках.

У мужчин в послевоенные годы вплоть до 1960-х гг. гражданский костюм из бостона воспринимался не только как дорогая мужская одежда, но и как несомненный показатель жизненного успеха, бесспорного материального благополучия и высокого социального статуса, как и мужские бурки (сапоги из тонкого фетра на кожаной подошве и с кожаной оторочкой) являлись не только прекрасной тёплой обувью, но и важным показателем социального статуса их обладателя. В сталинскую эпоху хозяйственного руководителя, которому доводилось много времени проводить на открытом воздухе, можно было безошибочно узнать по буркам. Костюм из бостона и бурки были не столько дорогой и престижной одеждой и обувью, сколько знаками отличия — доказательствами принадлежности к номенклатуре.

Для женщин главными эталонами для подражания, влиявшими на вкусы, манеру одеваться, причёсываться стали киноактрисы Л.П. Орлова, В.В. Серова и М.А. Ладынина [3, с. 47]. Подавляющее большинство женщин предъявляли свои требования к одежде, сводившиеся к простому желанию приобрести или хотя бы сшить что-нибудь приличное.

Приобрести готовую одежду в магазинах было непросто. Не лучше обстояло дело с индивидуальным пошивом. Рядовому потребителю сшить костюм или пальто в ателье было невозможно, не только из-за отсутствия средств. Ателье принимали ограниченное число заказов и то лишь по «записочкам» от вышестоящих руководителей [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 59. Л. 44]. В годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.) обеспечение населения Приморского края одеждой и обувью несколько улучшилось. По всей стране, включая Приморский край, стали складываться определённые стереотипы модной одежды, что свидетельствовало о некотором позитивном сдвиге в преодолении послевоенных трудностей.

Тем не менее, производство потребительских товаров росло медленно, намеченные планы не выполнялись, ассортимент товаров не расширялся. Не хватало магазинов, что приводило к длинным очередям, люди охотились за дефицитными товарами, неожиданно появляющимися в продаже.

Товарный дефицит обрекал население на низкий жизненный уровень и порождал особую социальную психологию, культуру дефицита, ставших важнейшей составляющей советской ментальности. Как и в годы войны люди приспосабливались к жизненным условиям и использовали стратегию товарного самообеспечения: одежду шили сами, мебель изготавливали в домашних условиях, обувь ремонтировали у знакомых и т.д. Среднестатистическая приморская семья обеспечивала своё существование за счёт самообеспечения, довоенных запасов, покупок на рынках, и лишь немногие могли позволить себе приобрести новую одежду или предметы домашнего обихода.

В военные и послевоенные годы в повседневной жизни населения Приморского края проблемы здоровья не представлялись столь значимыми, как у нынешнего поколения. Состояние самопожертвования, сформировавшееся в годы войны, продолжало доминировать и после её окончания. В больницу обращались только в случае, когда уже становилось что называется «невозмогу». Подобная ситуация была порождена также ещё тем, что сфера здравоохранения находилась в тяжёлом положении — не хватало врачей, ма-

териально-техническая база на низком уровне, жителю края попасть в больницу и получить медицинскую помощь было крайне затруднительно.

В Артёме, численность населения которого вместе с пригородом в 1946 г. составляла 51 тыс. чел., городская больница располагала всего 120 койками. Чтобы попасть к врачу в поликлинику, люди занимали очередь с 6 часов утра. Причём часто бывали случаи, когда на приём не могли попасть даже тяжелобольные, не говоря уже о тех, кто чувствовал лёгкое недомогание [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 449. Л. 15].

В конце 1940-х гг. городская больница Владивостока, рассчитанная на лечение 300 чел., размещала по 500—550 чел., т.е. принимала больных почти в два раза больше, чем предусматривалось лечебными и санитарными нормами. Помимо этого, многие сами отказывались от стационарного лечения, ежедневные отказы по больнице составляли 50—60 случаев в день. В городах Приморского края дефицит составлял 2 тыс. больничных коек [ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 64. Л. 64, 114].

В начале 1950-х гг. ситуация не улучшилась. Во Владивостоке из-за нехватки мест в палатах больных размещали в коридорах больниц, поэтому имели место массовые отказы больных от госпитализации. Заведующий краевым отделом здравоохранения А.В. Григорьев, выступая на IV Приморской краевой партийной конференции, с горечью констатировал, что даже во Владивостоке тяжелобольные размещаются в больнице на полу. Он предложил руководителям края настойчивее ставить перед правительством и ЦК ВКП(б) вопрос о строительстве больниц в крае [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 115. Л. 279].

В Приморье не хватало врачей, в 1947 г. их всего было 621, а требовалось 1223. Кадровый дефицит медицинских работников привёл к тому, что из 40 заведующих городскими и районными отделами здравоохранения только 11 имели медицинское образование. Даже в городах (Ворошилов, Артём) горздравотделы возглавляли люди, не имевшие медицинского образования [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 71. Л. 89]. Среди медицинских работников наблю-

далась большая текучесть кадров. За 1946—1950 гг. в край прибыли 1200 врачей, а выбыли — 900 [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 115. Л. 279]. Всё это также сказывалось на медицинском обслуживании населения края.

В первой половине 1950-х гг. повседневная жизнь населения Приморского края понемногу стала улучшаться. Одним из бесспорных факторов являлось регулярное (каждый год) снижение цен на продовольственные и промышленные товары, что позволяло людям приобретать товары, ранее им недоступные. Так, в марте 1949 г. после очередного снижения цен по краю резко возрос спрос на белый хлеб и булочные изделия. По г. Ворошилов потребление мяса, колбасных изделий, рыбы увеличилось в 1,5 раза, кондитерских изделий в 2 раза, шампанских вин в 7,5 раз [ГАПК. Ф. 26. Оп. 24. Д. 1. Л. 204].

В СССР с 1947 по 1954 г. цены снижались ежегодно. В результате розничные цены в 1954 г. стали ниже цен 1947 г. в 2,3 раза, в том числе на продовольственные товары в 2,6 раза, на промышленные изделия повседневного спроса — в 1,9 раза [5, с. 270]. В Приморском крае цены снижались в тех же параметрах, что позволяло не только решать экономические проблемы (регулировать спрос и предложение), но и манипулировать общественным мнением. Оно всегда встречалось одобрением народа, и стояло в первом ряду популистских мер, используемых властью для поддержания своего авторитета и формирования в обществе положительных эмоций, и многими воспринималось как маленький праздник. Это не только помогало преодолевать трудности послевоенной повседневной жизни, но и укрепляло стереотипы советского массового сознания — уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться.

Повседневность военных и послевоенных лет формировалась во многом под влиянием государственной социально-экономической политики, которая дополнялась мерами самообеспечения населения. Сочетание этих двух факторов позволило справиться с трудностями, избежать случаев массовой голодной смерти, гибели от холода, распространения эпидемических заболеваний. Лишь после преодоления послевоенной разрухи у государства появи-

лись средства, правительство приняло ряд действенных мер, которые способствовали улучшению повседневной жизни населения всей страны, включая Приморский край.

Изменения начались в годы «хрущёвской оттепели». Общественно-политический выбор, сделанный XX съездом КПСС, предопределил дальнейшие пути социального реформирования. Лейтмотивом новой социальной политики стала идея о том, что государство и партия обязаны заботиться не только об укреплении оборонной мощи страны, развитии тяжёлой промышленности, производстве средств производства, но и о человеке. В директивах XX съезда КПСС был специальный раздел, посвящённый повышению материального и культурного уровня народа. В нём конкретизировался курс на расширение торговли, жилищного строительства, коммунального обслуживания, развития здравоохранения [2, с. 474—482].

Великая Отечественная война надолго определила ход истории нашей страны, она сказалась практически на всех сторонах жизни советских людей. Её окончание породило надежды на быстрые перемены в повседневной жизни, но этого не произошло. Война слишком дорого обошлась народу, потребовала огромных жертв и оказала сильное влияние на последующее социально-экономическое развитие страны.

Жёсткие условия военного и послевоенного времени способствовали формированию так называемого советского характера, для которого присущи коллективизм, умение преодолевать трудности, обходиться малым в быту. Но при этом люди были способны интенсивно трудиться. В обстановке тягот и лишений повседневной жизни они не только проявили истинное терпение и стойкость, но и добились многократного роста оборонного производства и военного могущества страны. Подлинный патриотизм и подвижничество в те годы выражались не только в производственных достижениях, но и каждодневном преодолении житейских трудностей, порой казавшихся непреодолимыми.

В тяжёлых военных и послевоенных условиях жители Приморского края приспособились к существующим социально-экономическим реалиям, выработали стратегию повседневной жизни, позволяющую им выжить. Тяго-

ты военного и послевоенного времени сформировали и закрепили генетически у людей, живущих в то время, одну из основополагающих черт советского (русского) характера — терпение, которое не раз помогало в прошлом, помогает сейчас и поможет в будущем.

Литература и источники

1. Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40-е — 60-е годы). Владивосток, 1991. 63 с.
2. XX съезд КПСС. Стенограф. отчёт. Т. 2. М: Госполитиздат, 1956. 559 с.
3. Кирсанова Р. Война и мода // Родина. 2005. № 6. С. 45—48.
4. Красное знамя. Владивосток, 1950. 21 июня.
5. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945—1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
6. Мордвинцева А.В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945—1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 286 с.
7. Панарина Е.В. Реализация социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа: дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009. 552 с.
8. Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125—132.
9. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М: Наука, 1990. 168 с.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. Т. 3. 1941—1952 гг. М: Политиздат, 1968. 751 с.
11. Слабнина Л.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР (1946 — начало 60-х годов). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 124 с.
12. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Владивосток, 2010. 376 с.
13. Щёбенкова Е.А. Владивосток — моя судьба. Владивосток: Изд-во «Дальпресс», 2004. 64 с.
14. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).

Транслитерация

1. Borchaninova V.E., Chernoluckaja E.N. Formirovanie naselenija i trudovyh resursov na Dal'nem Vostoke SSSR (40-e — 60-e gody). Vladivostok, 1991. 63 s.
2. HH s#ezd KPSS. Stenograf. otchjot. T. 2. M: Gospolitizdat, 1956. 559 s.
3. Kirsanova R. Vojna i moda // Rodina. 2005. № 6. S. 45—48.
4. Krasnoe znamja. Vladivostok, 1950. 21 ijunja.
5. Mir posle vojny: dal'nevostochnoe obshhestvo v 1945—1950-e gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 696 s.
6. Mordvinceva A.V. Poslevoennaja gorodskaja povsednevnost': Tjumen' i tjumency v 1945—1953 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Tjumen', 2010. 286 s.
7. Panarina E.V. Realizacija social'noj politiki sovet'skogo gosudarstva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.): na materialah Dona i Severnogo Kavkaza: dis. ... dokt. ist. nauk. Stavropol', 2009. 552 s.
8. Poljakov Ju.A. Chelovek v povsednevnosti // Otechestvennaja istorija. 2000. № 3. S. 125—132.
9. Rybakovskij L.L. Naselenie Dal'nego Vostoka za 150 let. M: Nauka, 1990. 168 s.
10. Reshenija partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam. Sb. dokumentov za 50 let. T. 3. 1941—1952 gg. M: Politizdat, 1968. 751 s.

11. Slabnina L.A. Uroven' zhizni rabochih Dal'nego Vostoka SSSR (1946 — nachalo 60-h godov). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997. 124 s.
12. Tkacheva G.A. Dal'nevostochnoe obshhestvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945). Vladivostok, 2010. 376 s.
13. Shheben'kova E.A. Vladivostok — moja sud'ba. Vladivostok: Izd-vo «Dal'press», 2004. 64 s.
14. GAPK (Gos. arh. Primorskogo kraja).

УДК: 378 (5716) “1939/1945”

*В.Г. Макаренко**V.G. Makarenko*

Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке СССР (1939—1945 гг.).*

Исследована деятельность высшей школы на Дальнем Востоке СССР по подготовке специалистов накануне Второй мировой войны и в годы Великой Отечественной войны. Выявлены региональные особенности деятельности высшей школы: расширение сети вузов, создание новых факультетов, кафедр и специальностей в отличие от западных районов страны. На основе воспоминаний участников описываемых событий показаны трудности повседневной жизни, самоотверженный героический боевой и трудовой вклад студентов, научных сотрудников и преподавателей дальневосточных вузов в Победу над фашистской Германией; исследованы формы патриотического движения в высших учебных заведениях региона.

Ключевые слова. Высшая школа, подготовка специалистов, Дальний Восток СССР, Вторая мировая война (1939—1945 гг.), Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

Training specialists with Higher Education in the Far East of the USSR (1939—1945)

The activity of Higher education institutions in connection with training specialists in the Far East during the Second world War and the Great Patriotic war is elucidated. Common regional characteristic features of this activities were researched; expansion of higher education institutions network, creation of new departments, chairs and specialties, unlike western regions of the country are revealed. On the base of memoirs of the described events' participants, the author shows the difficulties of wartime routine, self-sacrificing militant and labor contributions of students, researchers and lecturers of Far Eastern higher education institutions into the common deed – Victory over fascist Germany. The forms of patriotic movement in regional higher education institution are explored.

Key words. Higher school, prepared of the specialists, Far East of USSR, Second World War (1939—1945), the Great Patriotic War (1941—1945), material-technical base, academic-pedagogical specialists.

В 1920—1930-е гг. Дальний Восток рассматривался ВКП (б) и Советским правительством как военный и оборонно-экономический форпост СССР на Тихом океане. В связи с этим территория региона являлась объектом целенаправленного хозяйственного освоения, целью которого было последовательное вовлечение в народнохозяйственный оборот уникальных природных ресурсов, имеющих важное экономическое и оборонное значение. В 1930-е гг. на Дальнем Востоке ускоренными темпами создавалась крупная промышленная база, предназначенная для обеспечения безопасности страны, строи-

* Исследование подготовлено при поддержке гранта ДВО РАН. Проект № 15-1-9-011.

тельства, ремонта и технического обслуживания военного, рыболовного и транспортного флота [19, с. 311—313]. Это требовало значительного числа профессионально подготовленных специалистов с высшим образованием.

Накануне Второй мировой войны на Дальнем Востоке СССР уже была создана основа государственной системы подготовки специалистов с высшим образованием. В её составе насчитывалось 8 вузов, созданных преимущественно в 1930-е гг.: два инженерных — Дальневосточный политехнический институт во Владивостоке (1918), Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (1937), пять педагогических — Благовещенский (1930), при нём двухгодичный учительский (1934) [1, с. 20—21], Хабаровский (1938), в его составе учительский (1936) [11, с. 17—18] и учительский институт во Владивостоке (1940) [5, с. 148], Дальневосточный медицинский в Хабаровске (1930), в 1939 г. переименован в Хабаровский [4]. Однако намеченные планы дальнейшего развития высшей школы на Дальнем Востоке были приостановлены в связи с нападением фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 г.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для Советского Союза и его населения. Она кардинально изменила привычную жизнь общества, оказала влияние на все сферы его жизнедеятельности, в т.ч. и на систему высшего образования, которая подверглась перестройке в соответствии с задачами борьбы с агрессором, нуждами обороны страны. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. были определены трудовые обязанности советских граждан в условиях военного времени. Местные органы власти и командование воинских подразделений наделялись правом привлекать трудоспособное население, включая учащихся и студентов, для выполнения работ оборонного характера на срок до двух месяцев (строительство укреплений, заготовка продовольствия, топлива, фуража, охрана объектов, борьба со стихийными бедствиями и др.) [21, с. 42].

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июля 1941 г. отменялись очередные и дополнительные отпуска для всех категорий трудящихся (с

выплатой денежной компенсации), увеличен рабочий день, введены обязательные сверхурочные работы продолжительностью до трёх часов (для несовершеннолетних — не более двух часов) с оплатой в полуторном размере. Руководителям местных органов власти и ведомственных структур предоставлялось право в связи с производственной необходимостью переводить рабочих и служащих на другую работу [21, с. 43]. Выполняя правительственные указы, администрации вузов СССР, в т.ч. и дальневосточных, отзывали из отпусков преподавателей, сокращали продолжительность студенческих каникул. На основании указаний Наркомпроса РСФСР и Всесоюзного Комитета по делам высшей школы от 25 июня 1941 г. «О перестройке учебной работы университетов и ускоренной подготовке специалистов в военное время» пятилетний срок обучения был сокращен до трёх лет, осуществлён переход на трёхлетние учебные планы. Прием студентов на первый курс проводился без вступительных экзаменов. В 1941—1942 гг. зачисление в вузы осуществлялось на базе аттестатов о среднем образовании. Отменялись выпускные экзамены и дипломные работы [16, с. 58; 1, с. 41; 10, с. 20, 36; 4, 6, с. 65; 8, с. 19]. Осенью 1941 г. все вузы Дальневосточного региона перешли на новые, мобилизационные учебные планы: объёмы довоенных учебных программ остались прежними, а сроки обучения сократились [4; 6, с. 66; 11, с. 36, 41; 16, с. 58]. Студенты занимались по 10—12 часов в день, старались не пропускать занятия, активно участвовали во всесоюзном социалистическом соревновании за право называться фронтовой учебной группой [4; 6, с. 66]. В 1943 г. обстановка на фронтах улучшилась и мобилизационные учебные планы были отменены: студенты вернулись в вузы, чтобы завершить обучение по довоенным планам и подготовить выпускные дипломные работы [23, с. 167].

В 1941—1942 гг. в связи с постоянной угрозой военного нападения Японии дальневосточные партийные и советские органы власти предписывали всем учреждениям, в т.ч. и вузам, в срочном порядке создавать оборонительные сооружения (рвы, щели, бомбоубежища), военизированные оборонные формирования (медико-санитарные, противопожарные, сапёрные команды, группы наблюдения и связи), участники которых переводились на казар-

менное положение, вводить систематические занятия по военному делу. Для улучшения питания населению выделялись земельные участки для организации собственных подсобных хозяйств [6, с. 66—67; 1, с. 42; 11, с. 19, 35, 36; 8, с. 9—21].

Согласно постановлению ГКО № 690 сс от 17 сентября 1941 г. с 1 октября 1941 г. в стране было введено обязательное военное обучение по 110-часовой программе (мужчин в возрасте от 10 до 50 лет, а с 1942 г. и женщин) [21, с. 168]. Во всех вузах региона началась обязательная всеобщая военная подготовка студентов по конкретным военным специальностям [1, с. 42; 8, с. 19—20]. Так, в Хабаровском пединституте работали кружки связистов, телеграфистов, парашютистов, шофёров, инструкторов стрелкового спорта и противовоздушной и химической обороны (ПВХО), пулемётчиков, медицинских сестёр. Проводились занятия со стрелковым оружием, регулярно совершались марш-броски: зимой — на лыжах, летом — по пешим переходам [11, с. 35]. В 1941 г. в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта подготовили 85 пулемётчиков, 84 автоматчика, 50 снайперов, 48 медицинских сестёр. В Дальневосточном политехническом институте в 1942/1943 учебном году. подготовили 28 миномётчиков, 41 радиста, 51 телефониста, 57 пулемётных заметчиков, 49 станкистов [23, с. 167—168].

Многие студенты и преподаватели дальневосточных вузов, настроенные патриотично и готовые самоотверженно защищать Родину, ушли на фронт добровольцами, не дожидаясь сроков планового призыва [8, с. 17]. Только в 1941—1942 гг. из Хабаровского педагогического института воевать отправились около 200 чел., в т.ч. А. Швецов, А. Сырцов, Н. Игнатюк, Ф. Ковтун, У. Койфсман, Д. Левитин, А. Новиков, П. Подвойский, С. Панькин, Е. Севинков и др. [11, с. 27, 18—19, 346—347]. В Благовещенском педагогическом и учительском институтах добровольцами стали 17 девушек: Ю.С. Каштанова, А.Н. Косицина, В.Р. Древель, Л.А. Лысанская, А.И. Нудьга, З.И. Симонова, А.К. Останцева, О.П. Черненко, Е.П. Гусевская, Н.Я. Резникова, Т.Г. Ренева, Е.Л. Жирнова, Е.В. Ючкова, Е.Я. Попова, Р.К. Кацуба, М.Г. Суслова, В.В. Савенко; военкоматами были призваны

10 преподавателей и 39 юношей [1, с. 41]. Из Хабаровского медицинского института ушли на фронт около 300 чел.: преподаватели, учёные, профессора, заведующие кафедрами И.А. Алов, А.Л. Брант, В.Ф. Григорьев, В.Т. Жолобов, А.А. Кирияненко, П.Ф. Коновалов, А.А. Константинов, В.И. Кустов, В.Д. Линденбрaten, А.П. Пасхалов, Ш.В. Розмарин, А.М. Сарванов, М.А. Хелимский, Б.А. Целибеев, С.Е. Шапиро, Б.А. Шварц и многие другие. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, удостоены (посмертно) звания Героя Советского Союза: работник административно-хозяйственной части Хабаровского медицинского института В.А. Неупокоев, студент физико-математического факультета Хабаровского педагогического института Е. Дикопольцев, сотрудник Дальневосточного политехнического института Е. Утлинский.

С уходом на фронт значительного числа преподавателей в вузах Дальнего Востока многократно возросла учебная нагрузка на оставшиеся научно-педагогические кадры. Им приходилось в кратчайшие сроки осваивать новые учебные дисциплины, что снижало качество подготовки специалистов [4; 1, с. 65]. В связи с мобилизацией юношей среди студентов преобладал женский контингент (в ряде вузов обучалось более 90% девушек) [6, с. 65; 5, с. 158; 11, с. 35]. Особенностью деятельности высшей школы на Дальнем Востоке в военные годы являлось сохранение характерной для 1930-х гг. узкой специализации подготовки кадров при небольшом контингенте студентов в группах [ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 19; 14, с. 7].

С началом войны была приостановлена реализация государственной программы по введению в СССР всеобщего среднего образования в городе и семилетнего — в деревне, принятой в соответствии с директивами XVIII съезда ВКП (б) в 1939 г. В западных районах страны и на Дальнем Востоке сократилась численность школ и учащихся, а также учителей-мужчин. Это негативно отражалось на уровне и качестве обучения школьников, и, как следствие, затрудняло комплектование вузов студентами, обуславливало снижение численности выпускников. Так, за годы войны число выпускников Благовещенского педагогического института сократилось в 2 раза. В 1943 г. их было выпущено в 4 раза меньше, чем в 1941 г., что объясняется досроч-

ным (по распоряжению Наркомпроса РСФСР) выпуском специалистов в 1942 г. [1, с. 44]. Аналогичная ситуация сложилась и в других вузах региона: в 1942 г. из ДВПИ выпущено в 3 раза меньше инженеров, чем в 1941 г. [23, с. 167]. Исключением был Хабаровский медицинский институт, в котором, в связи с высокими потребностями в медицинских кадрах, в годы войны постоянно увеличивался не только приём студентов, но и выпуск врачей. В 1941 г. было сделано два досрочных, ускоренных выпуска — в июле (101 чел.) и декабре (148 чел.); в 1942 г. подготовлено 196 специалистов, в 1943 г. — 213, а всего за 1941—1945 гг. — 816 специалистов [4] для фронта.

С началом Великой Отечественной войны изменились содержание и специализация высших учебных заведений. Например, в Хабаровском медицинском институте обучали врачей специально для работы в боевых условиях: в полевых госпиталях и непосредственно в районах военных действий.

Особенностью функционирования высшей школы на Дальнем Востоке в годы войны было расширение её сети за счёт открытия новых факультетов и введения специальностей в соответствии с нуждами военного времени, текущими и перспективными потребностями в специалистах, в то время как в западных областях страны численность вузов значительно сократилась. Так, 28 ноября 1942 г. принято решение об открытии при Хабаровском педагогическом институте Северного отделения, которое начало работать уже с 1 февраля 1943 г. [11, с. 18—19]. Его главной задачей была подготовка учителей русского языка и литературы для школ коренных малочисленных народов Дальнего Востока: чукотских, корякских, эвенкийских, нанайских. Зачисленные на Северное отделение первые 35 студентов находились на полном государственном обеспечении (общежитие, бесплатное обучение, питание, обмундирование) [11, с. 18; 9, с. 306, 307]. Для обеспечения Дальнего Востока инженерами-энергетиками по приказу Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР (председатель С.В. Кафтанов) от 29 августа 1944 г. в Дальневосточном политехническом институте открыли энергетический факультет со специальностями «Электрические станции, сети и системы», «Теплоэнергетические установки» [6, с. 44].

Инициатива открытия новых специальностей и вузов исходила и от местных партийных и советских органов. Так, в связи с острой нехваткой учителей для старших классов общеобразовательных школ, на третьей сессии Приморского краевого Совета депутатов трудящихся 1 июля 1943 г. принято решение направить в Совет народных комиссаров СССР ходатайство об открытии во Владивостоке педагогического института. Несмотря на тяжёлое, переломное военное время, положительный ответ пришёл достаточно быстро. По распоряжению Совнаркома СССР № 18332 от 23 ноября 1943 г., 5 декабря 1943 г. на базе Владивостокского учительского института открылся педагогический институт с факультетами: историческим, русского языка и литературы, физико-математическим и иностранных языков [5, с. 148—149]. В Благовещенском педагогическом институте в 1943 г. создан географический факультет, в 1944 г., на базе учительского института — исторический и новые кафедры — истории СССР, всеобщей истории и военная [1, с. 41—42]. В 1944 г. во Владивостоке по постановлению Государственного комитета обороны (ГКО) на базе морского техникума основано Высшее инженерное морское училище для подготовки командных кадров для морского транспорта [21, с. 93]. В Хабаровском учительском институте восстановлено вечернее отделение [14, с. 6; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3103. Л. 11].

В годы войны повседневная жизнь студентов и преподавателей дальневосточных вузов, как и других социальных слоёв советского общества, подчинялась единой цели — победить врага, и проходила под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». Преподаватели и студенты во внеучебное время работали в госпиталях, в подсобных хозяйствах, на совхозных и колхозных полях, выполняли погрузочно-разгрузочные и всякого рода «авральные» работы, заготавливали дрова и уголь для институтов, участвовали в осенней рыболовецкой путине, обслуживали общежития (топили печи, носили воду, убирали комнаты) [4; 1, с. 40; 11, с. 20, 36—37; 8, с. 20]. Дальневосточные студенты военных лет вспоминали: «...Трудным был быт и студентов, и преподавателей. Скучным было питание. С 1940 г. была введена плата за обучение. Стипендию платили только тем, кто имел 2/3 отличных оценок, и вернувшимся с фронта студентам. Многие вынуждены были подрабатывать.

Материальная необеспеченность была основной причиной отсева из института. Немногие преподаватели пользовались литерной столовой и пайком. В большинстве, кроме хлебной (карточки. — *В.М.*) и карточки на обед в общую городскую столовую, не получали ничего. Семейным оказывали небольшую помощь овощами с подсобного хозяйства. За счёт этого хозяйства преподаватели получали завтрак в институте» (Хабаровский педагогический институт) [11, с. 36; 4]. О повседневной жизни и учёбе во Владивостокском педагогическом институте студенты вспоминали: «...В военные годы институт жил, учился и работал, несмотря на горькие лишения, нищету и голод. Студенты и преподаватели участвовали в погрузочно-разгрузочных работах в торговом порту и на железной дороге, благоустраивали город, ремонтировали здание института. В первые дни войны с Японией в институте была создана группа самозащиты. Организованы донорские пункты, где преподаватели и студенты сдавали кровь, считая это почётным долгом перед теми, кто находился на фронте» [5, с. 159—160]. Снабжение промтоварами осуществлялось по карточкам, «...причём студенты-отличники и активные общественники получали товары лучшего качества, студенты-инвалиды обеспечивались за счёт городского и районного исполкомов. Студентам и сотрудникам полагалось бесплатное топливо. На основные виды продуктов студенты получали пайки, соответствовавшие нормам рабочих, а также специальные и дополнительные пайки по медицинским показаниям. ВГПИ имел своё подсобное хозяйство в селе Прохоры Спасского района, включавшее в себя земельный участок и небольшую свиноферму, продукция от которых поступала в институтскую столовую» [5, с. 170—171].

Несмотря на огромное морально-физическое напряжение, постоянный режим жёсткой экономии ресурсов всех видов, значительные материальные трудности повседневной жизни и военного быта, педагогические коллективы и студенты дальневосточных вузов, как и работники большинства других советских учреждений, под руководством партийных, комсомольских и профсоюзных организаций собирали средства в Фонд обороны, на постройку авиационной эскадрильи «Хабаровский комсомол», для оказания помощи семьям фронтовиков, готовили тёплые вещи и подарки для воинов РККА

[11, с. 36—37]. На собранные коллективами вузов Владивостока средства был построен самолёт «Студент Приморья» [5, с. 160]. За самоотверженный труд и помощь фронту коллективы институтов Дальнего Востока неоднократно получали благодарности Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина. Многих студентов и преподавателей наградили орденами и медалями за военные и трудовые подвиги. Среди них из Владивостокского пединститута — П.М. Карашук, Б.Л. Беляев, М.А. Солоненко, Н.В. Слинкин, А.В. Кузнецов, С.Г. Григорьев, И.Т. Спивак, А.Е. Ларин, Е. Ячин, А. Галаницкий и др. [5, с. 160—161]; Хабаровского пединститута — Н.А. Авдеева, Е.В. Адабовская, М.Н. Барабанов, Е.В. Белова, М.И. Бушуева, О.Г. Дукова, Е.Е. Желтоухов, П.П. Кирьянов, О.И. Лысенко, М.Т. Понятаева, Е.А. Старостин и др. [11, с. 346—347]; Благовещенского пединститута — С.Г. Бугрименко, А.А. Чешев, Ф.А. Цвид, Ф.С. Климахин, И.А. Паленко и др. [1, с. 44]; Дальневосточного политехнического института — А. Дьячина, В.Н. Шумкин, С.А. Бабковский, В.С. Коровин, М.А. Агеева, А.В. Стаценко, М.А. Акайкин и др. [6, с. 66—67].

Одной из наиболее трудных задач в деятельности высшей школы на Дальнем Востоке в годы войны стало сохранение и укрепление имеющейся материально-технической базы. В практике хозяйственного и экономического строительства в СССР в 1920—1930-е гг. государственные ассигнования приоритетно выделялись на развитие тяжёлой промышленности, транспорта и т.п., а область образования и подготовки специалистов относилась к производственной сфере и традиционно обеспечивалась по остаточному принципу [ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 32; Ф. 1507. Оп. 1. Д. 721. Л. 8; 13, с. 8]. В связи с этим открытие учебных заведений в СССР и, соответственно, в Дальневосточном регионе в 1930-е и последующие годы, как правило, не сопровождалось созданием необходимой материально-технической базы и социально-бытовой инфраструктуры. Например, Дальневосточный медицинский институт, основанный в 1930 г. в Хабаровске, размещался в двухэтажном здании, построенном ещё в 1898 г. В нём сначала располагалась женская гимназия, затем средняя школа им. В.И. Ленина. Здание не имело электричества, водопровода и канализации, отапливалось 70 голландскими печами;

40% его площади (весь верхний этаж) занимало общежитие. И только к 1935 г. было надстроено ещё два этажа, а в 1936 г. — отдельное общежитие для студентов. В первые годы существования вуза не хватало оборудования, учебных пособий, не было читального зала [4].

В подобном положении находились и другие высшие учебные заведения региона. Так, созданный 5 декабря 1943 г. Владивостокский педагогический институт, за неимением собственных учебно-лабораторных помещений размещался в здании Владивостокского учительского института (в соответствии с постановлением бюро Приморского крайкома ВКП (б) и исполкома Приморского краевого совета депутатов трудящихся). При этом сохранялся и сам учительский институт, его администрация, педагогический коллектив и основные функции по подготовке учителей для начальных и семилетних школ. Но бюджетные ассигнования поступали только на педагогический институт. Оба вуза в годы войны работали в чрезвычайно трудных материальных условиях, испытывали острую нехватку учебных аудиторий, лабораторий, подсобных помещений, необходимого хозяйственно-бытового инвентаря [5, с. 149]. В Хабаровском педагогическом институте половину единственного учебного корпуса занимало общежитие студентов; в 16 комнатах жили преподаватели с семьями, две комнаты занимал эвакуированный военный госпиталь [11, с. 36]. В годы войны в вузах региона постоянно не хватало аудиторий, учебных лабораторий, оборудования, столовых, общежитий, спортивных сооружений, жилья для преподавателей, мебели, хозяйственно-бытовой утвари и др. При этом центральными органами управления высшей школой не учитывались специфические особенности Дальнего Востока: отдалённость от центра страны, слабая заселённость, отсутствие развитой строительной базы, суровые климатические условия, которые обуславливали, например, не только высокую стоимость строительства вузовских объектов, но и их содержание.

Таким образом, из-за остаточного принципа государственного финансирования объектов социальной сферы для большинства вузов Дальнего Востока, открытых в предвоенный период, не было создано надлежащей материально-технической базы, а в годы войны значительная часть ресурсов

направлялась на обеспечение нужд фронта [13, с. 129]. В результате и в довоенные, и в военные годы высшие учебные заведения Дальневосточного региона вынуждены были работать в условиях крайне недостаточного материально-технического обеспечения и постоянной финансовой напряжённости [ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 19; Ф. 1507. Оп. 1. Д. 721. Л. 8; Ф. 35. Оп. 1. Д. 555. Л. 8; 13, с. 129]. Это негативно отражалось на уровне и качестве подготовки специалистов [ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 112. Л. 44, Д. 7373. Л. 2, 24; Д. 199. Л. 3; ГАХК. Ф. 35. Оп. 22. Д. 51, Л. 6, Д. 555. Л. 22, 57; Д. 290. Л. 17, 22; Д. 1653. Л. 22 об.; Ф. 1507. Оп. 1. Д. 528а. Л. 164; 11, с. 98].

Достаточно трудной была проблема, сохранившаяся ещё с довоенных лет, — обеспечение вузов Дальневосточного региона высококвалифицированными научно-преподавательскими кадрами — докторами и кандидатами наук. С началом войны одни преподаватели были мобилизованы, другие ушли на фронт добровольцами, многие из них погибли [11, с. 346—347; 1, с. 44, 65]. В результате учебный процесс осуществлялся оставшимися «по брони» и не взятыми в действующую армию по возрасту и состоянию здоровья немногочисленными квалифицированными кадрами [1, с. 42], а также специалистами производства — практиками. Последние, как правило, не имели надлежащего научно-педагогического опыта и необходимых педагогических навыков проведения академических занятий. Иногда к преподавательской работе привлекались эвакуированные из западных районов страны высококвалифицированные специалисты [5, с. 152; 8, с. 18—19, 22]. Так, в Хабаровском педагогическом институте, например, читали лекции, вели спецкурсы, семинары и различные кружки артисты Харьковского театра русской драмы (рук. народный артист СССР А.Г. Крамов). Заслуженный артист УССР В.М. Аристов вёл факультатив по теории и истории русского языка, актёры В.М. Матов и И.С. Любич преподавали курс выразительного чтения. В связи с острой нехваткой квалифицированных кадров в 1944 г. к преподавательской работе на кафедре немецкого языка были привлечены даже студентки — отличницы выпускного курса К.И. Киви (Щегоцкая) и М.Т. Чурина [11, с. 127, 123].

Другой причиной кадрового «голода» в вузах региона были сталинские политические репрессии, проведённые в 1930-е гг. органами НКВД в коллективах научно-исследовательских институтов, лабораторий и высших учебных заведений. Арестовали ряд высококвалифицированных специалистов Благовещенского педагогического института [1, с. 24—25], Дальневосточного государственного университета (закрыт в 1939 г.) [5, с. 128—146], Дальневосточного филиала Академии наук СССР [2, с. 112; 3, с. 77—94], Дальневосточного политехнического и медицинского институтов и других вузов региона [ГААО. Ф. 902. Оп. 1. Д. 5. Л. 264, Д. 19. Л. 45—46; Ф. 712. Оп. 1. Д. 370. Л. 30; ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 928а. Л. 1—3, 107; Ф. 35. Оп. 1. Д. 1653. Л. 5 об., 20; ГАПК. Ф. 1481. Оп. 1. Д. 1. Л. 54; 7, с. 95—108; 22, с. 81—84; 24, с. 11; 15, с. 43—47]. Репрессии против учёных и преподавателей нанесли невосполнимый урон кадровому потенциалу вузов, их профессиональной специализации, уровню и качеству подготовки студентов.

В годы Великой Отечественной войны обеспечение высших учебных заведений Дальневосточного региона докторами и кандидатами наук осуществлялось по направлениям центральных органов управления высшей школой. Однако заявки вузов Дальнего Востока на этих специалистов, как правило, не удовлетворялись в полном объёме. Поэтому у всех преподавателей вузов региона учебная нагрузка была очень высокой, а на проведение научных исследований практически не оставалось времени. При этом во время войны целевая аспирантура высших учебных заведений центральных районов страны фактически не использовалась. В сложившихся условиях приходилось комплектовать штат научно-педагогических кадров за счёт собственных выпускников, показавших высокие результаты в учёбе и склонность к научной работе. Например, в 1944 г. в связи с неукомплектованностью преподавательскими кадрами (68% от численности штатного расписания) в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта были оставлены на кафедрах выпускники вуза Лосин, Хандурин, Щербаков, Лабзин, Румянцев, Рогозин, Куликов, Немышин [13, с. 128—130].

Несмотря на имеющиеся трудности, в годы Великой Отечественной войны в ряде вузов Дальневосточного региона сложилось ядро квалифициро-

ванных научно-педагогических кадров. Так, во Владивостокском педагогическом институте самоотверженно работали преподаватели Н.К. Кольцова, Е.В. Бырдин, П.И. Ованесов, А.В. Тебекин, С.А. Низяев, Б.Л. Хаселева, Н.А. Смирнова, И.П. Гарбузов, В.С. Горелик, Р.В. Вильчинский, А.В. Удинцова, М.Д. Ардентова, Л.П. Сольский, Г.И. Цейтлина, С.Г. Гордиенко, А.В. Башутский, С.И. Синяев [5, с. 188—157]; в Дальневосточном политехническом институте — профессор В.Н. Шумкин, старшие преподаватели И.В. Горбачев, Н.И. Фролов, научные сотрудники, доценты К.А. Адамчик, М.А. Акайкин, С.А. Бобковский, В.С. Коровин, Н.С. Мариненко, А.В. Стоценко, В.Т. Быков, П.И. Томских, М.С. Куликов, А.Ю. Прок, С.В. Лайнер, Д.П. Скобов, А.П. Соколов [6, с. 61, 66—67, 40; 14, с. 5—13]; в Хабаровском педагогическом институте — П.П. Кирьянов, Е.Е. Желтоухов, А.В. Козырев, В.Я. Ястребов, Э.Г. Фишер, А.В. Грустная, О.И. Лысенко, Г.А. Арнольд, Н.И. Рябов, Х.Б. Шустерман, М.И. Бушуева, В.К. Соколова, Р.Я. Домбровский, М.Б. Ушаева, С.Е. Денисова, М.А. Козловская, Н.А. Авдеева, Е.М. Жуков, М.Ф. Тупиков, В.В. Костылев, Е.Н. Пучкова, Г.П. Домашенкина [11, с. 20, 27, 31—33, 37, 67, 86, 115, 119, 123, 134—135, 147]; в Хабаровском медицинском институте — ректоры М.Л. Дмитриев (1939—1944), М.М. Виленский (1944), А.М. Дыхно (1944—1948), хирурги — профессора М.Н. Ахутин, С.В. Гейнац, терапевт — проф. Ш.И. Ратнер, лор-врач — проф. Д.М. Матвеев, психиатр — проф. И.Б. Галант, физиолог — проф. Г.Н. Сорохтин, биолог — проф. А.В. Маслов, педиатр — проф. Е.Е. Гранат, патофизиолог — проф. Н.Н. Горин (впоследствии действительный член АМН СССР), проф. С.К. Нечепав и многие другие [4].

Наиболее квалифицированный состав научно-педагогических кадров сложился в Хабаровском медицинском институте, в котором в 1940 г. была открыта собственная аспирантура. В начале 1941 г. в институте работали 12 профессоров, 17 доцентов и кандидатов наук и 79 ассистентов. Весной 1941 г. состоялась первая защита кандидатской диссертации ассистента кафедры госпитальной хирургии А.А. Кишешевой на тему «Переливание неподогретой крови». Всего в диссертационном совете Хабаровского медицинститута в период с 1941 по 1946 г. защищено 40 кандидатских диссертаций, в т.ч. 22 — сотрудниками института [4; ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 528а. Л. 67]. Перед началом войны в 1940 г. в вузах Дальневосточного региона насчиты-

валось 10 докторов и немногим более 50 кандидатов наук [4; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 22. Д. 190. Л. 11—12; Д. 384. Л. 20]. В течение 1941—1945 гг. не только увеличилась общая численность преподавательских кадров, но и улучшился их качественный состав. Этому способствовало то, что после Победы Красной Армии под Москвой в декабре 1941 — первой половине января 1942 г. преподавателей и учёных, имевших научные звания и учёные степени, отзывали с фронта и направляли в вузы и научные учреждения [17]. К 1947 г. только в вузах Хабаровского края насчитывалось 366 преподавателей, в т.ч. 12 докторов наук, профессоров и 147 кандидатов наук, доцентов [ГАХК. Ф. 744. Оп. 1. Д. 10. Л. 7; 8, с. 102]. Однако по-прежнему и в количественном, и особенно в качественном отношении состав научно-педагогических кадров вузов Дальнего Востока значительно уступал вузам центральных районов страны. Это являлось ещё одной характерной, специфической особенностью функционирования высшей школы региона, и не только в 1941—1945 гг., но и в дальнейшем.

Тем не менее, несмотря на многочисленные трудности военного времени, организационно-управленческие недостатки, значительные кадровые потери, материальные лишения, деятельность высшей школы на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн способствовала пополнению народнохозяйственного комплекса страны и региона кадрами. Так, в Дальневосточном политехническом институте за 1941—1945 гг. было подготовлено 297 инженеров, в Хабаровском педагогическом — 450 учителей для школ края [11, с. 37], в Хабаровском медицинском — 816 врачей [4]. В ХаБииЖТе первый выпуск специалистов состоялся в 1944 г. — 84 инженера (17 получили дипломы с отличием); в 1945 г., выпущено более 100 инженеров железнодорожного транспорта страны [13, с. 128—130]. Благовещенский педагогический институт в 1941 г. подготовил 157 учителей русского языка и литературы, физики и математики; в 1943 г. — 42 учителя [1, с. 41—42; 19, с. 305—306; 14, с. 129; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1358. Л. 450—451]. По нашим предварительным подсчётам, всего в высшей школе Дальнего Востока за 1941—1945 гг. подготовлено около 2,5 тыс. специалистов против 3 тыс. за 1930—1940 гг.

Таким образом, высшая школа Дальнего Востока в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн, несмотря на тяжелейшие внешнеполитические, организационные, управленческие, социально-экономические, а

также повседневные материальные трудности и морально-психологические условия военного времени, получила дальнейшее развитие благодаря величайшему патриотизму и самоотверженному труду её преподавателей и студентов, которые внесли достойный вклад в дело приближения Победы над фашистской Германией и её союзниками. Однако в целом кадровая проблема на Дальнем Востоке оставалась чрезвычайно острой и, естественно, не могла быть решена только усилиями существовавших в регионе высших учебных заведений.

Литература и источники

1. Благовещенский государственный педагогический университет: 1930—2010. Благовещенск: ООО Издат. компания «РИО», 2010. 404 с.
2. Васильева Е.В. Наука Дальнего Востока СССР в первое послевоенное десятилетие // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1996. № 1. С. 105—112.
3. Васильева Е.В. Ирина Николаевна Савич // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1999. № 5. С. 77—94.
4. Дальневосточный государственный медицинский университет (Хабаровск) // официальный сайт ГБОУ ВПО ДВГМУ Минздрава России. URL: http://www.fesmu.ru/?main_action=18&redirect=pages (дата обращения: 16.02.2015).
5. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899—1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1999. 704 с.
6. ДВПИ за 40 лет (1918—1958). Владивосток, 1959. 72 с.
7. Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1996. № 1. С. 95—104.
8. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. 264 с.
9. История Дальнего Востока СССР (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней). В 4 т. Дальний Восток в годы третьей пятилетки и в период Великой Отечественной войны (1938 — сентябрь 1945 г.). Кн. 8. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. 344 с.
10. Кочешков Н.В., Мизь Н.Г., Турмов Г.П. Ректоры... от Восточного института до наших дней. Владивосток: ДВГТУ, 2002. 160 с.
11. Кузница педагогических кадров. Хабаровскому государственному педагогическому университету 70 лет. Материалы юбилейного сб. Хабаровск: Изд-во Хабаровского госпединститута, 2004. 352 с.
12. Лихарев Д.В., Лыньша О.Б. Учителя учителей. История Уссурийского государственного педагогического института. 1909—2004. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2004. 300 с.
13. Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта по подготовке специалистов для ДВЖД // КВЖД и её влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии. Владивосток, 1997. С. 128—130.
14. Макаренко В.Г. Кадровый «голод». Из истории высшего и среднего специального образования на Дальнем Востоке России в первое послевоенное десятилетие // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 4. С. 5—13.
15. Макаренко В.Г. Репрессированный вуз. О корейском педагогическом институте во Владивостоке // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 4. С. 43—47.
16. Млечин Л.М. Один день без Сталина: Москва в октябре 1941 г. СПб: ЗАО Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. 383 с.

17. Наш Дальневосточный политехнический. Владивосток: Дальневост. книжн. изд-во, 1971. 263 с.
18. Памяти М.Г. Седова // Библиотека Андрея Бирюкова. URL: <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/02-15Sedov.htm> (дата обращения: 18.12.2014).
19. Первая мировая война. Энциклопедический словарь М.: Изд-во «Весь мир», 2014. 480 с.
20. Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
21. Ткачёва Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013. 340 с.
22. Хисамутдинова Н.В. Начиная, чтобы продолжить: Становление высшего технического образования на российском Дальнем Востоке (1919—1939). Владивосток: ДВГТУ, 2004. 168 с.
23. Хисамутдинова Н.В. Дальневосточная школа инженеров: к истории высшего технического образования (1899—1990 гг.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. 286 с.
24. УГПИ — на перекрестках истории // УГПИ-Новости. Ежемесячная газета (Приморский край, Уссурийск). 2004. № 72 (сентябрь).
25. ГААО (Гос. арх. Амурской области).
26. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
27. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
28. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

Транслитерация

1. Blagoveshhenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet: 1930—2010. Blagoveshhensk: OOO Izdat. kompanija «RIO», 2010. 404 s.
2. Vasil'eva E.V. Nauka Dal'nego Vostoka SSSR v pervoe poslevoennoe desjatiletie // Vestnik DVO RAN. Vladivostok, 1996. № 1. S. 105—112.
3. Vasil'eva E.V. Irina Nikolaevna Savich // Vestnik DVO RAN. Vladivostok, 1999. № 5. S. 77—94.
4. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj medicinskij universitet (Habarovsk) // oficial'nyj sajt GBOU VPO DVGMU Minzdrava Rossii. URL: http://www.fesmu.ru/?main_action=18&redirect=pages (data obrashhenija: 16.02.2015).
5. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Istorija i sovremennost'. 1899—1999. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. 1999. 704 s.
6. DVPI za 40 let (1918—1958). Vladivostok, 1959. 72 s.
7. Donskoj V.K. Razgrom Vostochnogo fakul'teta DVGU // Vestnik DVO RAN. Vladivostok, 1996. № 1. S. 95—104.
8. Istoricheskomu obrazovaniju v Sibiri 90 let: istoricheskij fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominanijah i dokumentah. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2008. 264 s.
9. Istorija Dal'nego Vostoka SSSR (Ot jepohi pervobytnoobshhinnyh otnoshenij do nashih dnei). V 4 t. Dal'nij Vostok v gody tret'ej pjatiletki i v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1938 — sentjabr' 1945 g.). Kn. 8. Vladivostok: DVNC AN SSSR, 1978. 344 s.
10. Kocheshkov N.V., Miz' N.G., Turmov G.P. Rektory... ot Vostochnogo instituta do nashih dnei. Vladivostok: DVGTU, 2002. 160 s.
11. Kuznica pedagogicheskikh kadrov. Habarovskomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu universitetu 70 let. Materialy jubilejnogo sb. Habarovsk: Izd-vo Habarovskogo gospeduniversiteta, 2004. 352 s.
12. Liharev D.V., Lynsha O.B. Uchitelja uchitelej. Istorija Ussurijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 1909—2004. Ussurijsk: Izd-vo UGPI, 2004. 300 s.
13. Makarenko V.G. Dejatel'nost' Habarovskogo instituta inzhenerov zheleznodorozhnogo transporta po podgotovke specialistov dlja DVZhD // KVZhD i ejo vlijanie na razvitie politicheskikh, social'no-jekonomicheskikh i kul'turnyh processov v Severo-Vostochnoj Azii. Vladivostok, 1997. S. 128—130.

14. Makarenko V.G. Kadrovij «golod». Iz istorii vysshego i srednego special'nogo obrazovanija na Dal'nem Vostoke Rossii v pervoe poslevoennoe desjatiletie // Rossija i ATR. Vladivostok, 1996. № 4. S. 5—13.
15. Makarenko V.G. Repressirovannyj vuz. O korejskom pedagogicheskom institute vo Vladivostoke // Rossija i ATR. Vladivostok, 1995. № 4. S. 43—47.
16. Mlechin L.M. Odin den' bez Stalina: Moskva v oktjabre 1941 g. SPb: ZAO Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora», 2015. 383 s.
17. Nash Dal'nevostochnyj politehnicheskij. Vladivostok: Dal'nevost. knizhn. izd-vo, 1971. 263 s.
18. Pamjati M.G. Sedova // Biblioteka Andreja Birjukova. URL: <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/02-15Sedov.htm> (data obrashhenija: 18.12.2014).
19. Pervaja mirovaja vojna. Jenciklopedicheskij slovar' M.: Izd-vo «Ves' mir», 2014. 480 s.
20. Tihookeanskaja Rossija — 2030: scenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitija. Habarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.
21. Tkachjova G.A. Oboronnyj potencial Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.). Habarovsk: HKM im. N.I. Grodekova, 2013. 340 s.
22. Hisamutdinova N.V. Nachinaj, chtoby prodolzhit': Stanovlenie vysshego tehničeskogo obrazovanija na rossijskom Dal'nem Vostoke (1919—1939). Vladivostok: DVG TU, 2004. 168 s.
23. Hisamutdinova N.V. Dal'nevostochnaja shkola inženerov: k istorii vysshego tehničeskogo obrazovanija (1899—1990 gg.). Vladivostok: Izd-vo VGUJeS, 2009. 286 s.
24. UGPI — na perekrestkah istorii // UGPI-Novosti. Ezhemesjachnaja gazeta (Primorskij kraj, Ussurijsk). 2004. № 72 (sentjabr').
25. GAAO (Gos. arh. Amurskoj oblasti).
26. GAPK (Gos. arh. Primorskogo kraja).
27. GARF (Gos. arh. Rossijskoj Federacii).
28. GAHK (Gos. arh. Habarovskogo kraja).

Л.И. Галлямова, В.Г. Макаренко
L.I. Gallamova, V.G. Makarenko

**Высшее образование на Дальнем Востоке СССР
в контексте перестроечных процессов в стране (1985—1991 гг.)***

Исследована деятельность высшей школы на Дальнем Востоке России в годы перестройки (1985—1991), выявлены особенности материально-технического и научно-педагогического обеспечения вузов. Дана оценка роли и значения перестройки в системе высшего образования как подготовительного и адаптационного периода в её последующей трансформации в условиях перехода к рыночным отношениям.

Ключевые слова. Высшее образование, Дальний Восток СССР, перестройка (1985—1991 гг.), материально-техническое и научно-педагогическое обеспечение, трансформация, адаптация, рыночные отношения.

Higher education in the Far East of the USSR in the context of Perestroika processes in the country (1985—1991).

There researched the activities of Higher education in the Far East of Russia in the context of Perestroika processes (1985—1991), there revealed peculiarities of material-technical and academic-pedagogical provide of higher school. There valuated the role and significance of Perestroika in the system of higher education as preliminary and adaptation period in its following transformation in the conditions of passing to market relations.

Key words. Higher education, Far East of the USSR, Perestroika (1985—1991), material-technical and academic-pedagogical supplies, transformation, adaptation, market relations.

В отечественной истории период с середины 1980-х до сентября 1991 г. принято обозначать как «период перестройки», содержанием которого стала очередная попытка высшего руководства СССР проведения «сверху» модернизации экономики страны традиционными, апробированными административными методами [7, с. 127—128], через комплекс политических и социально-экономических реформ. Перестройка затронула практически все сферы жизнедеятельности советского общества — внутреннюю и внешнюю политику, экономику, культуру, науку, образование, социальную сферу. Инициатором и активным проводником перестроечных процессов в СССР выступил избранный в марте 1985 г. генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёв. В стране и в партии его личность была воспринята с большой

* Исследование подготовлено при поддержке гранта ДВО РАН. Проект № 15-I-9-011.

симпатией; он высоко оценивался в советском обществе как молодой, перспективный, демократичный руководитель, потенциальный реформатор, национальный политический лидер, способный вывести страну из системного кризиса на путь экономического процветания.

Широкий комплекс реформ базировался на основе программы «...ускорения социально-экономического развития страны» и предусматривал «...дальнейшее совершенствование социализма в СССР» за счёт эффективного использования достижений научно-технического прогресса, активизации человеческого фактора и кардинального изменения сложившегося порядка управления и планирования. На первоначальном этапе перестроечные процессы и реформы, осуществлявшиеся в стране в соответствии с решениями апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС, поддерживали не менее 80% населения [7, с. 93, 94, 96, 99, 113]. Решения пленума свидетельствовали о том, что руководители КПСС и советского правительства осознали критическую степень отставания СССР в развитии техники, технологии производства и социальной сферы от современных мировых стандартов. Однако, согласно свидетельству А.И. Лукьянова, одного из членов «команды» М.С. Горбачёва, в апреле 1985 г. «...мы понимали необходимость глубоких реформ, необходимость демократизации. Но всей глубины кризиса, в котором находится страна, и всей меры трудностей предстоящего пути мы не знали» [29, с. 719]. Кризисная ситуация в стране предопределила необходимость активизации человеческого фактора, повышения роли высококвалифицированных кадров, их рационального использования, престижа интеллектуального труда, эффективности всей системы подготовки специалистов в высшей школе страны, что нашло отражение в ряде партийно-правительственных постановлений [25, с. 246—257; 26, с. 223—245].

Реформирование системы подготовки кадров было обусловлено тем, что в любом государстве образование относится к ряду фундаментальных социальных институтов, от успешного функционирования которых зависит устойчивое, поступательное и прогрессивное политическое, социально-

экономическое, культурное развитие общества, его морально-психологическое и нравственное состояние. Образовательная среда не только формирует общий, профессиональный образовательный и культурный уровень личности, но и, как зеркало, отражает доминирующие ценности общества в тот или иной период его существования. Кроме того, система высшего образования выполняет основные функции по подготовке специалистов для общественного производства и формированию интеллектуального потенциала страны.

Советская модель государственного высшего образования, его отраслевая структура и высокий социальный статус сформировались в СССР ещё в конце 1920-х — 1930-е гг. [30, с. 297—299]. В целом она соответствовала сложившемуся социально-экономическому укладу советского государства, основной структуре его экономики, плановому функционированию экстенсивно развивающегося хозяйственного комплекса страны и административно-командной форме управления [1, с. 520—521]. В таком практически неизменном виде система высшего образования существовала до начала кардинальных социально-политических и экономических изменений и реформ в СССР в годы перестройки.

К середине 1980-х гг., несмотря на ряд принимавшихся в предшествующий период партийно-правительственных решений и руководящих документов (постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1966, 1972, 1978, 1984 гг.) по совершенствованию деятельности системы высшего образования, в ней накопился ряд нерешённых проблем и противоречий, которые в начале перестройки были в поле зрения высшего руководства страны. Так, например, в 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС впервые за многие годы обсуждался вопрос о необходимости совершенствования правил приёма в вузы, о ликвидации ряда социально-классовых льгот и привилегий [22, с. 103]. В феврале—марте 1986 г. на XXVII съезде КПСС отмечалось, что «...в последние годы рост выпуска специалистов не сопровождался должным повышением качества их подготовки. Серьёзно отстала материальная база

высшей школы. Нуждается в значительном улучшении практика использования специалистов» [9, с. 71]. Подчёркивая роль образовательного уровня и профессиональной подготовки кадров для успешной реализации задач перестройки, генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечал: «Перестройка требует от работников компетентности и высокого профессионализма. Сегодня не обойтись без современной и разносторонней подготовки, без глубоких знаний в вопросах производства, науки и техники, управления, экономики, организации и стимулирования труда, психологии. В общем, нам нужно максимально задействовать интеллектуальный потенциал страны, существенно повысить его творческую отдачу» [21, с. 49—50]. Таким образом, в середине 1980-х гг. глубокий системный кризис в стране поставил перед высшей школой ряд острых проблем и вопросов. Главными из них были: недостаточное государственное финансирование вузов, отсутствие современной учебно-научно-технической базы и социально-бытовой инфраструктуры, снижение социального статуса и престижа учёных и вузовских преподавателей, низкий уровень их заработной платы, что являлось одной из причин их ухода из системы высшего образования в другие отрасли экономики. Всё это требовало проведения реформ в государственной политике в сфере высшего образования в соответствии с внешними и внутренними конкретно-историческими условиями [1, с. 518—521], с учётом политических (идеология), экономических (финансирование) [32, с. 315—316; 28, с. 56—65], демографических [33, с. 23—37] и социальных факторов [4, с. 5—22]. Сложившаяся ситуация в высшей школе СССР была характерна и для дальневосточной системы высшего образования.

Изменения начались с формирования административно-правовой базы перестройки высшей школы, что было заложено в ряде принятых партийно-правительственных документов. В них неоднократно подчёркивалась не только роль высшей школы в эпоху научно-технической революции (НТР) в прогрессивном социально-экономическом и культурном развитии советского

общества, но и ставились задачи по преодолению крупных недостатков в её деятельности*. Так, в постановлении ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране» (март 1987 г.) отмечались недопустимая в эпоху НТР слабость материально-технической базы (особенно неудовлетворительный уровень обеспеченности электронно-вычислительной техникой) и социально-бытовой инфраструктуры, недостаточно высокая квалификация научно-педагогических кадров, складывающаяся тенденция их старения, засилье пассивных форм обучения, снижение престижа высшего образования (из-за низкой оплаты труда специалистов с высшим образованием) и, как следствие, конкурсов при поступлении в вузы, качества подготовки, а также нерациональное использование, невостребованность значительной части молодых специалистов, их перепроизводство по ряду специальностей [26, с. 223—245].

Центральный комитет КПСС выдвинул в качестве основной задачи необходимость коренной перестройки деятельности высшей школы «...для обеспечения нового качества подготовки специалистов в тесной связи с улучшением их использования, гарантирующее выход нашей страны на передовые рубежи научно-технического и социального прогресса, а также опережающего развития высшего образования по отношению к технической реконструкции народного хозяйства» [26, с. 226].

К началу перестройки на Дальнем Востоке деятельность высшей школы выглядела достаточно благополучно по абсолютным показателям и критерию обеспечения специалистами потребностей многоотраслевого народно-хозяйственного комплекса региона. Так, в 1985 г., благодаря деятельности 28 дальневосточных вузов, в которых обучались 121,1 тыс. студентов, в основном обеспечивались специалистами потребности региональной экономии-

* Основные особенности деятельности Дальневосточной региональной системы высшего образования в 1960—1980-е гг. — хроническое отставание материально-технического и кадрового обеспечения вузов от среднереспубликанских показателей, высокая текучесть научно-педагогических кадров, низкий уровень развития вузовской учебно-научной и социально-бытовой инфраструктуры, в совокупности предопределивших неудовлетворительные организационные условия и низкий уровень подготовки специалистов, выпускаемых в массовом порядке [более подробно см. «Литература и источники»: 15; 16; 17; 18; 19; 20].

ки по «классическим» профилям специальностей [17, с. 385]. Так, за счёт выпуска молодых специалистов только из трёх технических вузов (Хабаровский и Комсомольский-на-Амуре политехнические институты, Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта) в середине 1980-х гг. в значительной мере удовлетворялись потребности в инженерных кадрах для машиностроения, строительства, железнодорожного транспорта. На флоте Дальневосточного бассейна было занято 45% выпускников Дальневосточного высшего инженерного морского училища им. адмирала Г.И. Невельского, в Дальневосточном морском пароходстве — 59%. На предприятиях лесной и бумажной промышленности региона работали 96% выпускников Хабаровского политехнического института [31; ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1. Протокол выездного заседания коллегии во Владивостоке от 18.03.1987 г.]. Однако по новым, перспективным направлениям и специальностям, определяющим развитие научно-технического прогресса, — электронно-вычислительным машинам (ЭВМ), робото- и лазерной технике, порошковой металлургии, геологоразведке на морском шельфе и некоторым другим — специалистов с высшим образованием крайне не хватало [18, с. 20]. В промышленности Приморского края остро ощущался их недостаток по 35 новым, перспективным специальностям, в том числе по энергетике, электронике, химической технологии. Как установили дальневосточные экономисты и социологи, причиной этого являлись сложившиеся диспропорции в планировании их подготовки [24, с. 4, 6, 7], а также отсутствие точных данных о потребности в кадрах того или иного профиля. В результате в середине 1980-х гг. на Дальнем Востоке, как и в стране в целом, не было достигнуто оптимальной пропорциональности и сбалансированности в подготовке специалистов по отраслевым группам специальностей [ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1. Материалы к протоколу № 2 от 17 января 1985 г.]. Так, если по общему выпуску (по «валу») потребности Приморского края в специалистах с высшим образованием удовлетворялись на 115%, то по конкретной отраслевой номенклатуре специальностей — только на 60% [24, с. 6].

Анализ архивных данных и материалов государственных целевых комплексных программ по ускоренному развитию и интенсификации народного хозяйства Дальнего Востока, принятых во второй половине 1960-х—1980-е гг., показал, что в определении точной потребности в специалистах с высшим образованием не было полной ясности из-за ведомственных интересов [ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1; 32, с. 314—316]. Например, в вузах Приморского края в 1980-е гг. подготовка кадров была сбалансирована в соответствии с реальными нуждами региона только по 12-ти специальностям из имеющихся 94, что в итоге привело к перепроизводству специалистов. Если расчётная потребность в них в 1986 г. составляла 6468 чел., то их выпуск составил 7225 чел. [ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1. Протокол заседания выездной коллегии Минвуза РСФСР 17—18 марта 1987 г. во Владивостоке].

Кроме того, во второй половине 1980-х гг. на Дальнем Востоке сохранялись и территориальные диспропорции в размещении вузов. Учебные заведения располагались преимущественно в крупных городах южной зоны региона — во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске. Согласно решениям централизованных органов управления высшим образованием, принятым и реализованным в 1960—1970-е гг., для компенсации нерационального размещения вузов в наиболее отдалённых районах Дальнего Востока создано более 20 учебно-консультационных пунктов (УКП) и филиалов вузов, как центральных, так и местных. Однако их материально-техническое и кадровое обеспечение в течение длительного времени оставалось неудовлетворительным, что негативно отражалось на уровне и качестве подготовки студентов.

Во второй половине 1980-х гг., несмотря на перестроечные лозунги КПСС о необходимости преодоления недостатков централизованного управления и бюрократических методов руководства, в стране (и на Дальнем Востоке) по-прежнему сохранялась громоздкая и поэтому неэффективная система управления [4, с. 12; 11, с. 81—93]. В сфере подготовки кадров это было обусловлено не только ведомственной подчинённостью вузов, но и консерватизмом и инерционностью самой системы высшего образования, активным

противостоянием бюрократического аппарата назревшим переменам, его превентивными мерами по самосохранению, а также слишком медленной реорганизацией сферы управления высшей школой СССР. Так, в 1980-е гг. централизованное управление вузами Дальнего Востока осуществляли 17 министерств и ведомств страны [17, с. 412; ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1. Протокол заседания выездной коллегии Минвуза РСФСР 17—18 марта 1987 г. во Владивостоке]. Министерству бытового обслуживания РСФСР подчинялись два технологических вуза региона, Госкомспорту СССР — институт физкультуры, Министерству рыбного хозяйства СССР — Дальрыбвтуз, Министерству путей сообщения СССР — Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта, Министерству морского флота СССР — Дальневосточное высшее инженерное морское училище им. Г.И. Невельского, Министерству здравоохранения СССР — три медицинских института, Госагропрому СССР (создан в ноябре 1985 г.) — два сельскохозяйственных института, Министерству культуры СССР — два института культуры, Министерству высшего образования РСФСР — семь вузов, Министерству связи СССР — один, Министерству просвещения РСФСР — 8, Министерству торговли СССР — Дальневосточный институт советской торговли и т.д. Доведение распоряжений, инструкций и приказов по совершенствованию организации и управления деятельностью вузов страны осуществлялось по сложной схеме: от ЦК КПСС — в Совет Министров СССР (РСФСР) — в Министерство высшего образования СССР — в Министерство высшего образования РСФСР — в отраслевые министерства и ведомства — в региональные (краевые и областные) органы управления образованием — в конкретные вузы. Несогласованность между ними, ведомственные преграды, длительное время прохождения регламентирующих деятельность вузов документов способствовали дублированию в подготовке специалистов с высшим образованием как в стране в целом, так и в Дальневосточном регионе. Рассредоточение подготовки кадров по одноимённым специальностям в пределах отдельных краёв, областей региона и даже городов вело к распылению

материально-технического и научно-педагогического потенциала, не способствовало повышению качества подготовки специалистов и обусловило их перепроизводство по ряду специальностей. Таким образом, своевременное обеспечение специалистами с высшим образованием многоотраслевого хозяйственно-экономического комплекса Дальнего Востока сдерживалось централизованной ведомственной, чрезмерно бюрократизированной системой управления. Для устранения ведомственных барьеров в системе управления подготовкой кадров в 1988 г. была создана единая организационная структура — Комитет по делам науки и образования. Таким образом, несмотря на наличие многочисленных органов планирования деятельности высшей школы, гарантированного государственного распределения молодых специалистов, официального отсутствия безработицы и рынка труда в стране (в соответствии с господствующей идеологической доктриной), сложившаяся во второй половине 1980-х гг. в СССР в том числе и на Дальнем Востоке практика подготовки специалистов находилась в остром противоречии с реальными потребностями народнохозяйственного комплекса.

Изменить неблагоприятную ситуацию в экономике страны и регионов планировалось за счёт активизации человеческого фактора, расширения прав, демократизации, инициативы и самоуправления трудовых коллективов [21, с. 49—50]. В вузах принимались меры по перестройке сложившейся системы управления, планирования и социально-профессиональной структуры подготовки кадров, совершенствованию работы ректорского и преподавательского корпуса, повышению качества учебного процесса, общественной активности студентов, обновлению форм и методов преподавания. Так, в сентябре 1986 г. в Приморском крайкоме КПСС проведено совещание идеологического актива, заведующих кафедр общественных наук, директоров научно-исследовательских институтов (НИИ) ДВНЦ АН СССР и высших учебных заведений по вопросу преподавания философии в условиях перестройки. По воспоминаниям участников совещания «...Конкретных решений принято не было, т.к. у работников крайкома ясных ответов на новые вопросы не на-

шлось» [22, с. 104]. Это была сложная проблема не только для вузов Дальнего Востока, но и для вузов всей страны. Значительная часть работников высшей школы осознала, что в новых условиях — расширения гласности и демократизации — перестраиваться необходимо, но преподаватели, привыкшие за долгие годы только к неуклонному исполнению спущенных «сверху» директив, не знали — в чём, как, в каком направлении нужно перестраиваться? Полной ясности не было ни в центре, ни на местах.

В октябре 1986 г. в Москве было проведено Всесоюзное совещание преподавателей общественных наук. В центре внимания был вопрос «...что конкретно и как делать» по перестройке деятельности высшей школы, обновлению форм и методов преподавания гуманитарных и общественных наук в условиях развития гласности, открывшихся новых сведений по истории Отечества, КПСС и засекреченных ранее источников. В марте 1987 г. министр высшего образования СССР Г.А. Ягодин, находясь во Владивостоке, представил студентам и преподавателям Дальневосточного государственного университета основные документы и конкретные рекомендации по перестройке высшей школы. В них были сформулированы и конкретизированы основные принципы и направления работы в новых условиях: дальнейшее развитие интеграции высшего образования, науки и производства, изменение отраслевой структуры подготовки специалистов, её совершенствование за счёт создания учебно-методических объединений по группам родственных специальностей, усиление фундаментальности обучения, углубление специализации, расширение самостоятельной и индивидуальной подготовки студентов, а также гуманитаризация образования, проведение регулярной аттестации вузов, студентов и преподавателей, введение выборности ректоров, самоуправления студентов как одной из важных форм демократизации внутривузовской жизни [22, с. 104; 8, с. 319].

На Всесоюзном съезде работников народного образования в Москве (1988) были уточнены и одобрены основные направления, первые результаты перестройки и дальнейшего развития системы высшего образования СССР: совершенствование механизмов управления, выборность ректоров, демократизация вузовской жизни; в учебном процессе — курс на гуманизацию, диф-

ференциацию, вариативность, рационализацию, открытость, мобильность и непрерывность обучения [12]. Данные направления перестройки высшей школы неоднократно дублировались в других партийно-правительственных документах и ведомственных программах. Так, в разделе «Образование и подготовка кадров» Комплексной программы научно-технического прогресса в СССР, принятой в 1988 г., в качестве основных целей перестройки высшей школы и её дальнейшего совершенствования и развития были названы: формирование у выпускников вузов качественных профессиональных знаний и умений, опыта творческой деятельности, высоких морально-личностных качеств, обеспечивающих активное включение молодых специалистов в профессиональную и общественную деятельность [12]. Таким образом, главной задачей перестройки высшей школы являлось обновление всех сторон её деятельности, но, как и в предыдущие годы, оставалась задача наиболее полного обеспечения народного хозяйства специалистами, высокого уровня и качества подготовки в соответствии с требованиями научно-технической революции, дальнейшего развития производительных сил, повышения культурно-образовательного потенциала общества.

В соответствии с новыми требованиями администрации дальневосточных вузов предприняли меры по перестройке учебного процесса, смещению акцентов в традиционных формах и методах обучения по следующим направлениям: снижение количества аудиторных занятий, обеспечение высокого теоретического уровня, общенаучной и фундаментальной подготовки выпускников, формирование навыков применения полученных знаний на практике, активной жизненной позиции, преданности идеям марксизма-ленинизма; воспитание патриотизма и социалистического интернационализма, культуры, творческой деятельности, психологической устойчивости; повышение эффективности деятельности молодых специалистов в производственных коллективах, развитие студенческого самоуправления [12; 22, с. 104—105; 8, с. 384—391].

Проведение в жизнь широкой программы перестройки отечественной высшей школы с ориентацией на мировой уровень требовало соответствующ-

щего государственного финансирования. Однако финансово-экономические возможности СССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг. практически были исчерпаны из-за дальнейшего углубления социально-экономического кризиса, который всё больше приобретал системный характер [33, с. 315—316]. Государственный сектор экономики всё более приходил в упадок, а частный находился в зачаточном состоянии. Ситуация осложнялась падением мировых цен на нефть, проведением непродуманной антиалкогольной компании в мае 1985 г., которая привела к недополучению около 30% доходов в бюджет государства; рядом природных и социальных катаклизмов (авария на атомной станции в Чернобыле 26 апреля 1986 г., землетрясение в Армении в декабре 1988 г., гибель подводной лодки «Комсомолец» 7 апреля 1989 г., взрыв газопровода возле железной дороги Уфа — Челябинск 3 июня 1989 г., обострение национальных отношений в стране и др.) [7, с. 256—272; 5, с. 94—108]. Таким образом, при отсутствии полноценного государственного финансирования в годы перестройки вузы Дальнего Востока, как и вузы СССР, были обречены на самовывживание, на хроническое отставание (по сравнению с мировыми стандартами) материально-технического и кадрового обеспечения от потребностей современного учебного процесса [8, с. 323]. Тем не менее, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в высшей школе Дальнего Востока в соответствии с требованиями перестройки постепенно изменялась структура подготовки специалистов. В силу инерции предшествующего периода продолжалось её расширение, обусловленное курсом на экстенсивное развитие экономики: открывались новые факультеты, кафедры, институты. Так, реализация единой территориальной комплексной программы энергоснабжения Дальнего Востока в середине 1980-х гг. предопределила рост потребности в инженерных кадрах по энергетическим специальностям. В связи с этим в 1985 г. в Хабаровском политехническом институте был создан энергетический факультет. В Благовещенском технологическом институте началась подготовка инженеров по энергоснабжению промышленных предприятий, городов и сельского хозяйства (за счёт сокращения приёма студентов на данную специальность в Дальневосточном политехническом институте). В Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта на факульте-

те электрификации введена специализация по системам электроснабжения и их автоматизации [ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1. Стенограмма выездного заседания коллегии во Владивостоке 17—18 марта 1987 г.; Заключение Главного управления по отчёту о работе Благовещенского технологического института за 1984/1985 г.]. В 1980-е гг. в технических вузах региона расширилась подготовка инженеров по электронно-вычислительной и лазерной технике, по автоматическим системам управления (АСУ), станкам с числовым программным управлением (ЧПУ), порошковой металлургии, прикладной математике, открылись новые специальности — «Робототехника и роботизация производства», «Микропроцессорная техника» [ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1. Стенограмма выездного заседания коллегии во Владивостоке 17—18 марта 1987 г.; Заключение Главного управления технических вузов по отчёту о работе ДВПИ за 1985 г.; 23, с. 23; 27]. В соответствии с концепцией приближения мест подготовки специалистов к местам их использования, выдвинутой ещё в середине 1950-х гг., в ноябре 1986 г. филиал Дальрыбвтуза в г. Петропавловск-Камчатский был преобразован в самостоятельное учебное заведение — Высшее инженерное морское училище, в котором началась подготовка специалистов по судовождению на морских путях, технологии рыбных продуктов, электрооборудованию судов, судовым машинам и механизмам, акустике и радиотехнике для рыбного хозяйства Дальнего Востока [ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1. Решение коллегии от 18.03.87 г.; 14]. В соответствии с запросами средств массовой информации в 1987 г. в ДВГУ отделение журналистики преобразовано в факультет, который разместился в новом гуманитарном корпусе, сданном в эксплуатацию в декабре 1988 г. Однако учебных площадей по-прежнему не хватало. Так, созданная в 1989 г. Русская школа для иностранцев размещалась в помещениях студенческого клуба и аптеки, переоборудованных в учебные аудитории для проведения занятий [8, с. 323—325]. В связи с началом подготовки семейных врачей во Владивостокском медицинском институте открыты новые кафедры: в 1987 г. — поликлинической терапии и педиатрии, в 1988 г. — кафедры факультетской хирургии, пропедевтики внутренних болезней, гигиены питания, коммунальной гигиены, гигиены детей и подростков, в 1989 г. — кафедра наркологии и

психиатрии [22, с. 107]. Несмотря на финансовые трудности и углубляющийся системный социально-экономический кризис, открывались новые специальности с учётом национальной специфики Дальнего Востока. Так, в 1985 г. в Хабаровском педагогическом институте на факультете физической культуры открыта специальность «Северное многоборье»; в 1991 г. на художественно-графическом факультете — «Национально-художественная культура и язык народов Севера».

В организационном плане в годы перестройки вузы приобрели большую самостоятельность: получили право формировать собственные учебные планы с учётом регионального компонента, определять специализацию, формы и методы подготовки специалистов, развивать международные связи, направлять студентов и преподавателей на стажировку за рубеж (в США, КНР, Республику Корея, Австралию и др.) для изучения и освоения зарубежных образовательных систем и технологий [22, с. 320—321; 19; 20, с. 88—90].

В январе 1991 г., несмотря на закрытость Владивостока для иностранцев, было подписано первое партнёрское соглашение ДВГУ с Мерилендским университетом (США) о совместной подготовке специалистов в области международных экономических отношений и менеджмента по уникальной новаторской программе — программе двух дипломов (российского и американского). Этот опыт был одобрен и получил государственную поддержку. На основе данного соглашения приказом Госкомитета РСФСР по делам науки и высшего образования в ДВГУ был создан совместный Российско-американский факультет (РАФ), а университет признан базовым для подготовки менеджеров в Дальневосточном регионе [22, с. 334—335].

Перестроечные процессы в высшей школе страны и Дальневосточного региона развивались неоднозначно. Во второй половине 1980-х гг. система высшего образования как своеобразный консервативный институт общества во многом развивалась по инерции предшествующего периода, в соответствии с общими тенденциями в СССР, когда ежегодно расширялась сеть вузов, их специализация и выпуск специалистов [16, с. 113—194]. За 1981—1985 гг. (по сравнению с 1966—1970 гг.) число подготовленных специалистов в Хабаровском политехническом институте увеличилось в 2,1 раза, в Хабаров-

ском институте инженеров железнодорожного транспорта и в Комсомольском-на-Амуре политехническом — в 2,6 раза, в Дальневосточном политехническом и Дальрыбвтузе — в 1,3, в Дальневосточном высшем инженерном мореходном училище — в 1,2 раза. Но, если в 1970-е — первой половине 1980-х гг. при стабильной численности вузов в Дальневосточном регионе отмечен постоянный рост численности студентов, то в период со второй половины 1980-х — начале 1990-х гг. происходил обратный процесс: при увеличении общего числа вузов численность студентов в них неуклонно снижалась (за исключением Камчатской области, где было создано высшее морское инженерное училище, табл. 1), что было связано с падением престижа высшего образования и интеллектуального труда в обществе, уменьшением конкурса при приёме в вузы, снижением успеваемости и ростом отсева студентов, ухудшением демографической ситуации (это затрудняло комплектование вузов), а также с перепроизводством кадров по ряду специальностей. В годы перестройки данная тенденция была характерна и для вузов страны в целом [16, с. 113, 94].

Таблица 1

**Высшие учебные заведения на Дальнем Востоке России (1985—1991),
абс. число вузов/ численность студентов, тыс. чел.**

Края, области	1985/1986 уч. г.	1990/1991 уч. г.	1991 г. к 1985 г., в %
Приморский край	10/51,2	10/47,0	100/91,8
Хабаровский край	11/48,0	12/43,9	109,1/91,5
Амурская область	4/14,4	4/14,3	100/99,3
Камчатская область	1/1,9	2/3,3	200/173,9
Магаданская область	1/2,8	1/2,8	100/100
Сахалинская область	1/2,8	1/3,1	100/110,7
Дальний Восток, всего	28/121,1	30/114,4	107,1/94,5

Источник. Макаренко В.Г. Высшая техническая школа Дальнего Востока России (середина 60-х — 80-е годы XX в.). Владивосток, 2002. С. 94, 113; Макаренко В.Г. Высшее образование на Дальнем Востоке России (середина 60-х гг. XX в. — 2007 г.) // Социально-экономическое и культурное развитие Дальнего Востока России в XX веке. Комсомольск-на-Амуре, 2008. С. 394 (сост. авт.).

Во второй половине 1980-х гг. очень медленно преодолевались основные недостатки и противоречия в деятельности высшей школы, отмеченные в постановлении ЦК КПСС 17 марта 1987 г. Тем не менее, появились новые организационно-управленческие институциональные структуры: самоуправ-

ление студентов, аттестация студентов и преподавателей, вместо традиционного назначения ректоров введена в практику их выборность. Если ещё в 1984 г. Министерством здравоохранения РСФСР ректором Владивостокского медицинского института (по рекомендации Приморского крайкома КПСС) был назначен д.м.н., проф. Ю.В. Каминский, один из самых молодых руководителей медицинских вузов в СССР [22, с. 103], то уже в 1990 г. коллектив учёных и преподавателей ДВГУ избрал на альтернативной основе своим ректором 42-летнего декана юридического факультета к.ю.н. В.И. Курилова, который предложил наиболее оптимальную программу развития вуза на основе преемственности, сохранения традиций и постепенного преодоления недостатков в управлении, планировании и организации подготовки специалистов [8, с. 321—323].

В целях демократизации вузовской жизни в учебных заведениях региона формировались студенческие советы, имеющие право решать вопросы учёбы, воспитательной работы и быта, направления выпускников в аспирантуру, выделения повышенных стипендий и мест в общежитиях. Студенты вводились в состав учёных советов с правом решающего голоса. В конце 1980-х гг. на заседаниях парткомов и учёных советов вузов Владивостока наиболее обсуждаемыми были вопросы о введении свободного посещения лекций, переходе на индивидуальные планы обучения, повышении качества лекций преподавателей [22, с. 104—105].

В соответствии с рекомендациями Всесоюзного съезда работников народного образования (г. Москва, 1988) в вузах Дальнего Востока проведены мероприятия по совершенствованию централизованного руководства вузами, расширению демократических начал управления, автономии, большей самостоятельности в выборе форм и методов обучения, творческой инициативы ректорского, преподавательского корпуса, активности самих студентов. В 1987 г. вместо научно-методических советов вузов, длительное время работавших под непосредственным руководством и по программам Министерства высшего и среднего специального образования СССР, по его же инициативе

стали создавать государственно-общественные учебно-методические объединения, что способствовало обновлению содержания учебных планов на основе информатизации высшей школы, внедрения интенсивных методов обучения (вариативного, дифференцированного и дистанционного), что расширяло возможности образовательного процесса [22, с. 105; 6, с. 4—7].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в вузах введены новые учебные планы, которые предусматривали расширение самостоятельной работы студентов. Однако для её надлежащей организации на кафедрах не было создано соответствующих материальных условий [22, с. 104—105]. Например, очень трудно осуществлялось оснащение вузов современным учебно-научным оборудованием, особенно компьютерной техникой. Предполагалось создавать системы коллективного пользования уникальным и дорогостоящим оборудованием. Однако вслед за единственно верным в сложившихся условиях решением не последовало конкретной организационной работы, в результате рациональное начинание не было доведено до логического конца и, естественно, не воплотилось на практике. Из-за ведомственных барьеров не реализовывались возможности использования в учебном процессе вычислительной техники и другого уникального и дорогостоящего оборудования. В результате в вузах Приморского края, например, в середине 1980-х гг. обеспеченность электронно-вычислительной техникой составляла лишь 10,6% от существовавших нормативов, причём в парке ЭВМ преобладали устаревшие модели. В среднем каждый студент обучался на ЭВМ около получаса в году вместо 100—250 часов, предусмотренных учебной программой. В целом обеспеченность дальневосточных вузов вычислительной техникой в середине 1980-х гг. была в 2 раза ниже, чем в вузах центральных районов страны [16, с. 34]. В ДВГУ вычислительная техника приоритетно поступала только на естественно-научные факультеты. Математический факультет в начале 1990-х гг. имел лабораторию с 18 компьютерами типа «Ямаха», «Искра», МХ-2, IBM. Впоследствии за счёт централизованных источников был приобретён учебный класс с 12 персональными компьютерами типа IBM. Значительную поддерж-

ку университету в пользовании современной техникой и оборудованием оказывали институты Дальневосточного отделения Российской академии наук — Институт автоматики и процессов управления, Институт биологии моря, Институт геологии, Институт океанологии [8, с. 326—328].

Другим направлением перестройки высшей школы стала систематическая оценка эффективности научно-педагогической деятельности преподавательских кадров на основе нового «Положения о порядке замещения должностей и аттестации профессорско-преподавательского состава». Во Владивостокском медицинском институте эта работа проходила в несколько этапов, включая обсуждение кандидатур на заседаниях кафедр, принимающих решения о соответствии преподавателей занимаемой должности. Полученная оценка определяла и тарификационный служебный оклад. Как и многое из нововведений перестроечных лет, данная форма оценки и аттестации преподавателей оказалась недолговечной и уступила место традиционной системе отбора научно-педагогических кадров — избранию на должность по конкурсу, который выигрывали наиболее достойные кандидаты. Так, настоящими профессионалами и выдающимися организаторами медицинской науки и образования в ВГМИ зарекомендовали себя награждённые в 1988 г. в связи с 30-летним юбилеем института преподаватели П.А. Мотавкин (Орден Трудового Красного Знамени), А.Н. Грибань (Орден «Знак Почёта»), В.М. Нагорный (медаль «За трудовое отличие»). Отмечены особые заслуги в становлении и развитии ВГМИ ректоров В.М. Живодерова, А.С. Тихомирова, проректоров Ю.К. Черненко и Н.А. Киселёва [22, с. 107].

Данные таблицы 2 свидетельствуют об увеличении общей численности научно-педагогических работников в вузах Дальнего Востока в период с 1985 по 1991 г. на 725 чел., в том числе докторов наук — на 71 чел. или в 1,5 раза, кандидатов наук — на 254 чел., при этом доля специалистов высшей квалификации — докторов и кандидатов наук — возросла незначительно (на 0,3%) и составила в 1991 г. 42,3% против 57,7% в вузах России [17, с. 414].

**Динамика численности научно-педагогических кадров
в вузах Дальнего Востока России (1985—1991 гг.), чел.**

Годы	Всего	Докторов наук	Кандидатов наук	Доля кадров высшей квалификации, в %
1985/1986	8419	137 (1,6%)	3409 (40,5%)	42,1
1991/1992	9144	208 (2,3%)	3663 (40,1%)	42,4

Источник. Макаренко В.Г. Высшее образование на Дальнем Востоке России (середина 60-х гг. XX в. — 2007 г.) // Социально-экономическое и культурное развитие Дальнего Востока России в XX веке. Комсомольск-на-Амуре, 2008. С. 414 (сост. авт.).

Медленный рост общей численности научно-педагогических кадров, в том числе и кадров высшей квалификации, в вузах Дальнего Востока в период перестройки обусловлен в целом снижением престижа интеллектуального труда в советском обществе, и престижа труда вузовского преподавателя, в частности, а также незначительным количеством в Дальневосточном регионе специализированных советов по защитах кандидатских и докторских диссертаций.

Перестроечные процессы в стране привели к ослаблению монополии КПСС и ВЛКСМ на идеологическую и политико-воспитательную работу, к расширению гласности, демократических начал в общественной жизни, в том числе и в молодёжной, студенческой среде. Во второй половине 1980-х гг. в СССР и в регионах появились многочисленные массовые нетрадиционные, неформальные, самостоятельные общественные организации, объединения, кружки, различные фонды, комитеты, стимулирующие общественную активность молодёжи в области политики, науки, техники, образования, музыки, спорта, экологии, культуры, религии [2, с. 214]. Политические клубы «неформалов», объединённые идеями дальнейшей демократизации общества, радикализации перестройки, появились во всех крупных городах страны — в Москве, Ленинграде, Свердловске, Саратове и др., а на Дальнем Востоке — в вузовских центрах — Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске. Одним из первых был создан в сентябре 1988 г. политический клуб «Трудодень» в Хабаровске. Совет клуба возглавил преподаватель ХаБииЖТа В.А. Блажевич.

В декабре 1988 г. во Владивостоке организован клуб «Демократ». После установления контактов эти клубы провели в 1989 г. совместное заседание по вопросам выборов народных депутатов в Верховный совет СССР [2, с. 215]. Значительный вклад в развитие демократических перестроечных процессов во Владивостоке внесли известные преподаватели ДВГУ кандидаты наук В.А. Шеховцов (юрист), Д.Л. Бродянский (археолог), В.В. Совастеев (японист), научные сотрудники ДВО РАН кандидаты исторических наук Е.А. Гаер, А.Ф. Старцев, В.А. Тураев (этнографы). В 1989 г. В.А. Шеховцов и Е.А. Гаер избраны народными депутатами СССР, членами и председателями подкомитетов Верховного Совета СССР, приняли активное участие в становлении парламентаризма и гражданского общества в стране.

В начале 1989 г. из клуба «Трудодень» выделилась группа «Конфедерация анархосиндикалистов г. Хабаровска», ставившая целью борьбу за безгосударственный социализм, децентрализацию и самоуправление, за собственность трудовых коллективов на средства производства и т.д. Возглавил группу инженер-строитель Г.А. Рустамов. В январе 1989 г. создана немногочисленная политическая группа «Демократический союз» во главе с журналистом С.А. Мингазовым. В последующее время в Хабаровске появились дискуссионные политические клубы «Глобус», «Справедливость», «Альтернатива» и др. [2, с. 215]. В этом же году началось объединение разрозненных немногочисленных политических клубов, неформальных групп и объединений в более крупное общественное движение (в рамках Конституции СССР) «Народный фронт», по аналогии с подобными организациями в западных районах страны, с целью «...содействовать курсу партии на перестройку». Координационный Совет Хабаровского народного фронта (ХНФ) возглавил преподаватель Хабаровского политехнического института В.Г. Попов. В дальнейшем ХНФ выдвинул более радикальные цели и выступал за демонтаж тоталитарных структур и построение демократического общества, «...за полную ликвидацию монополии КПСС в управлении страной, многопартийность, за разделение властей, полную реорганизацию КГБ, образование му-

ниципальной милиции, подчинённой местным органам власти, сокращение армии» [2, с. 215].

В Амурской области неформальные объединения молодёжи и студентов, дискуссионные клубы по проблемам перестройки и демократизации общества возникли 1988—1989 гг. («Гражданская инициатива», рук. А.Н. Харлов, сотрудник НИИ сои; несколько отделений политических партий, движение «Демократическая Россия», «Демократический Союз»; военно-патриотический клуб «Амур» во главе с бывшим работником Архаринского райкома ВЛКСМ В.А. Морозовым; «Союз борьбы за освобождение России» (организаторы студенты медицинского института В.А. Пухлов, А.Н. Батулин), «Конфедерация анархо-синдикалистов Амурской области» и др.). В эти объединения наряду с молодёжью других социальных групп и слоёв входили студенты педагогического и медицинского вузов Благовещенска. Диапазон задач, которые ставили участники данных неформальных политических объединений, был достаточно широк: политическое воспитание масс путём пропаганды гражданского общества, правового государства, свободомыслия, равенства всех форм собственности; распространение идей московского «Демократического союза» путём популяризации газеты «Свободное слово» и собственных листовок против тоталитарного режима в СССР; консолидация всех демократических сил в борьбе с тоталитаризмом, привлечение к ответственности прошлых и настоящих теоретиков и исполнителей политики геноцида против российского народа с устранением их имён из названий городов, улиц и т.д.; полная реабилитация и компенсация ущерба жертвам политического террора, свержение существующего коммунистического режима. Эти неформальные движения стали мощным фактором активизации современного политического процесса в Приамурье, оказали большое воздействие на радикализацию перестройки на Дальнем Востоке, явились основой для формирования вначале протопартийных объединений, а в дальнейшем и региональных организаций всероссийских политических партий [2, с. 216—217].

Однако многое из того, что планировалось осуществить в вузах в годы перестройки в рамках принятых партийно-правительственных документов и ведомственных программ, не было реализовано на практике из-за затягивания нововведений, неисполнительности самих субъектов преобразований, дальнейшей разбалансировки и кризисного состояния экономики, падения общественного производства, отсутствия материально-технических и социальных условий для создания инновационных обучающих программ [8, с. 325; 3, с. 133]. В результате оказалось, что в сложившихся условиях глубокого системного кризиса планы реформаторов на быстрые изменения в системе высшего образования не могут быть осуществлены. Внедрение отдельных инноваций сдерживалось не только объективными и субъективными факторами, но и специфическими условиями функционирования дальневосточных вузов: хроническим отставанием материально-технического и кадрового обеспечения от среднереспубликанского и от потребностей современного учебного процесса. Это ещё одна из причин того, что в годы перестройки закономерно сохранялись основные тенденции, направления и традиции предшествующего периода развития российской и Дальневосточной региональной высшей школы.

В целом сложившаяся годы перестройки практика подготовки специалистов в высшей школе Дальнего Востока не дала ожидаемых реформаторами результатов, не смогла ликвидировать сформировавшийся в предшествующие годы дисбаланс в обеспечении реальных потребностей в кадрах для дальнейшего социально-экономического развития региона. Но, тем не менее, перестройка в системе высшего образования не только сохранила его основной потенциал, но и в условиях демократизации советского общества привела к активизации и обновлению деятельности руководства вузов и вузовской научно-образовательной общественности по развитию самостоятельности, избавлению от иждивенческой психологии; выявила ряд новых возможностей для совершенствования и дальнейшего развития подготовки специалистов, установления международных связей, что позволило в дальнейшем

выйти на новый, более качественный уровень работы. В совокупности это помогло высшей школе на Дальнем Востоке не только настроиться на новые ориентиры развития, определить новые горизонты образовательного процесса, но и, используя лучшие традиции отечественной высшей школы и имеющийся современный прогрессивный опыт зарубежных образовательных систем и технологий, способствовать в последующие, 1990-е гг., процессу адаптации к формирующимся и набирающим силу рыночным отношениям в стране и, в итоге выйти на более высокий уровень в своей основной деятельности.

Углубление политического и социально-экономического кризиса в СССР в конце 1980 — начале 1990-х гг., завершившееся распадом СССР, при отсутствии реальных положительных результатов перестройки в экономике и на потребительском рынке, привело к смене идеологической ориентации большинства социальных слоёв советского общества (в том числе и значительной части представителей высшей школы), — от первоначальной идеи «совершенствования социализма», создания «социализма с человеческим лицом» как очередной социальной утопии — к идее перехода к рыночной экономике. В свою очередь, это обусловило дальнейшую трансформацию и очередное реформирование системы высшего образования в 1990-е гг., поэтапную смену её модели в соответствии с законами рынка.

Литература и источники

1. Арташкина Т.А. Генезис и структура целеполагания в системе деятельности высшей школы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. 621 с.
2. Арчаков М.К. Становление и деятельность самостоятельных «неформальных» общественно-политических организаций и движений в Приамурье во второй половине 1980-х гг. // Амурская область: история и современность. Материалы всерос. научно-практ. конф. В 2 ч. Благовещенск: Амурск. обл. краеведч. музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2009. Ч. 1. 300 с.
3. Андреев С. Причины и следствия // Урал (Свердловск). 1988. № 1. С. 104—138.
4. Вашук А.С. Перестройка на Российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 5—22.
5. Вашук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 94—108.
6. Вестник Дальневосточного регионального учебно-методического центра. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2009. № 17. С. 4—7.

7. Грачёв А.С. Горбачёв. М: Вагриус, 2001. 447 с.
8. Дальневосточный государственный университет. История и современность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
9. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчёт. М.: Политиздат, 1986. Т. 1. 639 с.
10. Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 66—79.
11. Коваленко С.Г. Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 81—93.
12. Кононенко В.М. Политика перестройки и состояние высшего образования в 1985—1991 годы // http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=5302 (дата обращения: 14.04.2015).
13. Коняхина А.П. Практики гражданского участия на российском Дальнем Востоке. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 38—55.
14. Красное знамя. Владивосток, 1987. 9 апр.
15. Макаренко В.Г. Использование инженерно-технических кадров в народном хозяйстве Дальнего Востока (1966—1985). Препринт. Владивосток, 1989. 39 с.
16. Макаренко В.Г. Высшая техническая школа Дальнего Востока России (середина 60-х — 80-е годы XX в.). Владивосток: ДВГТУ, 2002. 160 с.
17. Макаренко В.Г. Высшее образование на Дальнем Востоке России (середина 60-х гг. XX в. — 2007 г.) // Социально-экономическое и культурное развитие Дальнего Востока России в XX веке. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АМГПУ, 2008. 469 с.
18. Макаренко В.Г. Подготовка и использование инженерно-технических кадров на Дальнем Востоке СССР в период с середины 60-х до середины 80-х годов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990. 26 с.
19. Макаренко В.Г. На фоне реформ: Международные связи вузов Дальнего Востока России в конце 80-х — 90-е гг. XX в. (на примере вузов Приморского и Хабаровского краёв) // Россия и АТР. Владивосток, 2000. № 3. С. 88—95.
20. Макаренко В.Г. На пороге преобразований: Высшая школа Дальнего Востока России в условиях перехода к рыночной экономике // Россия и АТР. Владивосток, 1998. № 4. С. 88—90.
21. Материалы Пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 94 с.
22. Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета. Владивостокскому государственному медицинскому университету 50 лет. Владивосток: Медицина ДВ, 2008. 368 с.
23. Образцов И.Ф., Голубков А.С. Задачи совершенствования подготовки специалистов // Проблемы и перспективы развития образования в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 28—34.
24. Оленин С.П. Социологические аспекты проблемы повышения качества подготовки специалистов для народного хозяйства // Пути повышения эффективности подготовки и использования кадров. Секция 1. Пути повышения эффективности подготовки кадров в системе народного образования. Владивосток, 1988. С. 4—12.
25. О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. // Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. М., 1987. С. 246—257.
26. Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране. Постановление ЦК КПСС // Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. М., 1987. С. 223—245.
27. Политехник (Орган ректората, парткома и профкома Дальневосточного политехнического института им. В.В. Куйбышева). Владивосток, 1984. 21 марта.

28. Савченко А.Е. Динамика модернизации в центр-периферийном измерении 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь (на примере Приморского края) // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 56—65.
29. Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 3. М.: Время, 2006. 944 с.
30. Соскин В.Л. Российская советская культура (1917—1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 455 с.
31. Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1985. 15 марта.
32. Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
33. Чернолуцкая Е.Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985—1991). Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 23—37.
34. ЦГА МОН РФ (Центральный государственный архив Министерства образования и науки Российской Федерации).

Транслитерация

1. Artashkina T.A. Genesis i struktura celepolaganija v sisteme dejatel'nosti vysshej shkoly. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2006. 621 s.
2. Archakov M.K. Stanovlenie i dejatel'nost' samodejatel'nyh «neformal'nyh» obshhestvenno-politicheskikh organizacij i dvizhenij v Priamur'e vo второй половине 1980-h gg. // Amurskaja oblast': istorija i sovremennost'. Materialy vsenos. nauchno-prakt. konf. V. 2 ch. Blagoveshensk: Amursk. obl. kraevedch. muzej im. G.S. Novikova-Daurskogo, 2009. Ch. 1. 300 s.
3. Andreev S. Prichiny i sledstvija // Ural (Sverdlovsk). 1988. № 1. S. 104—138.
4. Vashhuk A.S. Perestrojka na Rossijskom Dal'nem Vostoke v sub#ektivnyh izmerenijah sovremennikov: nadezhdy na social'nuju modernizaciju i razocharovanija // Rossiija i ATR. Vladivostok, 2014. № 4. S. 5—22.
5. Vashhuk A.S., Krushanova L.A. Antialkogol'naja politika v SSSR v gody perestrojki i ejo posledstvija v dal'nevostochnom regione // Rossiija i ATR. Vladivostok, 2014. № 4. S. 94—108.
6. Vestnik Dal'nevostochnogo regional'nogo uchebno-metodicheskogo centra. Vladivostok: Izd-vo DVGUTU, 2009. № 17. S. 4—7.
7. Grachjov A.S. Gorbachjov. M.: Vagrius, 2001. 447 s.
8. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Istorija i sovremennost'. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 704 s.
9. XXVII s#ezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza. Stenogr. otchjot. M.: Politizdat, 1986. T. 1. 639 s.
10. Kovalevskaja Ju.N. Perestrojka v obydennom soznanii dal'nevostochnikov: tridcat' let spustja // Rossiija i ATR. Vladivostok, 2014. № 4. S. 66—79.
11. Kovalenko S.G. Srednee zveno upravlencheskoj jelity Primor'ja v gody perestrojki: reakcija na mestah // Rossiija i ATR. Vladivostok, 2014. № 4. S. 81—93.
12. Kononenko V.M. Politika perestrojki i sostojanie vysshego obrazovaniya v 1985—1991 gody // http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=5302 (data obrashhenija: 14.04.2015).
13. Konjahina A.P. Praktiki grazhdanskogo uchastija na rossijskom Dal'nem Vostoke. Ot chastnogo interesa k publichnoj politike: v poiskah solidarnosti // Rossiija i ATR. Vladivostok, 2014. № 4. S. 38—55.
14. Krasnoe znamja. Vladivostok, 1987. 9 apr.
15. Makarenko V.G. Ispol'zovanie inzhenerno-tehnicheskikh kadrov v narodnom hozjajstve Dal'nego Vostoka (1966—1985). Preprint. Vladivostok, 1989. 39 s.
16. Makarenko V.G. Vysshaja tehnickaja shkola Dal'nego Vostoka Rossii (seredina 60-h — 80-e gody HH v.). Vladivostok: DVGUTU, 2002. 160 s.

17. Makarenko V.G. Vysshie obrazovanie na Dal'nem Vostoke Rossii (seredina 60-h gg. HH v. — 2007 g.) // *Social'no-jekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Dal'nego Vostoka Rossii v XX veke. Komsomol'sk-na-Amure: Izd-vo AmGPGU*, 2008. 469 s.
18. Makarenko V.G. Podgotovka i ispol'zovanie inzhenerno-tehnicheskikh kadrov na Dal'nem Vostoke SSSR v period s serediny 60-h do serediny 80-h godov. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1990. 26 s.
19. Makarenko V.G. Na fone reform: Mezhdunarodnye svyazi vuzov Dal'nego Vostoka Rossii v konce 80-h — 90-e gg. HH v. (na primere vuzov Primorskogo i Habarovskogo krajov) // *Rossija i ATR. Vladivostok*, 2000. № 3. S. 88—95.
20. Makarenko V.G. Na poroge preobrazovanij: Vysshaja shkola Dal'nego Vostoka Rossii v uslovijah perehoda k rynochnoj jekonomike // *Rossija i ATR. Vladivostok*, 1998. № 4. S. 88—90.
21. Materialy Plenuma CK KPSS. 27—28 janvarja 1987 g. M.: Politizdat, 1987. 94 s.
22. Motavkin P.A., Polushin O.G. Ot fakul'teta do universiteta. Vladivostokskomu gosudarstvennomu medicinskomu universitetu 50 let. Vladivostok: Medicina DV, 2008. 368 s.
23. Obrazcov I.F., Golubkov A.S. Zadachi sovershenstvovanija podgotovki specialistov // *Problemy i perspektivy razvitija obrazovanija v Sibiri*. Novosibirsk, 1982. S. 28—34/
24. Olenin S.P. Sociologicheskie aspekty problemy povyshenija kachestva podgotovki specialistov dlja narodnogo hozjajstva // *Puti povyshenija jeffektivnosti podgotovki i ispol'zovanie kadrov. Sekcija 1. Puti povyshenija jeffektivnosti podgotovki kadrov v sisteme narodnogo obrazovanija*. Vladivostok, 1988. S. 4—12.
25. O merah po korennomu uluchsheniju kachestva podgotovki i ispol'zovanija specialistov s vysshim obrazovanijem v narodnom hozjajstve. Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 13 marta 1987 g. // *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sbornik normativnyh aktov*. M., 1987. S. 246—257.
26. Osnovnye napravlenija perestrojki vysshego i srednego special'nogo obrazovanija v strane. Postanovlenie CK KPSS // *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sbornik normativnyh aktov*. M., 1987. S. 223—245.
27. Politehnik (Organ rektorata, partkoma i profkoma Dal'nevostochnogo politehnicheskogo instituta im. V.V. Kujbysheva). Vladivostok, 1984. 21 marta.
28. Savchenko A.E. Dinamika modernizacii v centr-periferijnom izmerenii 1985—2012 gg.: protivorechija i vzaimosvjaz' (na primere Primorskogo kraja) // *Rossija i ATR. Vladivostok*, 2014. № 4. S. 56—65.
29. Saharov A.D. Vospominanija. T. 3. M.: Vremja, 2006. 944 s.
30. Soskin V.L. Rossijskaja sovetskaja kul'tura (1917—1927 gg.): Oчерki social'noj istorii. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. 455 s.
31. Tihoookeanskaja zvezda. Habarovsk, 1985. 15 marta.
32. Tihoookeanskaja Rossija — 2030: scenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitija Habarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.
33. Chernoluckaja E.N. «Tochka nevozvrata»: demograficheskaja dinamika na Dal'nem Vostoke SSSR v gody perestrojki (1985—1991). *Rossija i ATR. Vladivostok*, 2014. № 4. S. 23—37.
34. CGA MON RF (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii).

Раздел III. ВОЙНА И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

УДК: 947.084.6+951.093

Л.И. Галлямова
L.I. Galliamova

Становление советско-китайских отношений и конфликт на КВЖД 1929 г.

Исследование посвящено начальному этапу становления советско-китайских отношений. Отмечается радикальное влияние Октябрьской революции на взаимоотношения молодого советского государства с другими странами. Раскрываются сложные аспекты процесса установления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой. Особое внимание уделено КВЖД как фактору, вызывавшему обострение советско-китайских противоречий, которое переросло в вооружённый конфликт в 1929 г. Дан анализ результатов и последствий этого конфликта.

Ключевые слова: Советская Россия, СССР, Китайская Республика, советско-китайские отношения, Китайско-Восточная железная дорога, советско-китайские противоречия, конфликт на КВЖД, последствия вооружённого столкновения 1929 г.

Establishment of Russian-Chinese relations and the conflict on Chinese-Eastern railway in 1929

The article is devoted to the initial stages of establishment of the Russian-Chinese relations. The article outlines the radical impact of the October revolution of the young Soviet government with the other countries. The author elaborates on the complex aspects of the process involved in the establishment of the diplomatic relations between the USSR and the Chinese Republic. Special attention is paid to the Chinese Eastern Railway as a factor that caused deepening of the Sino-Soviet split that grew into an armed conflict in 1929. An analysis of the results and consequences of this conflict is provided.

Key words. Soviet Russia, USSR, Chinese Republic, Soviet-Chinese relations, Chinese Eastern Railway, Sino-Soviet split, consequences of the armed conflict of 1929.

В истории международных отношений особое место принадлежит межстрановым конфликтам, приобретающим порою весьма жёсткий характер, вплоть до военных столкновений. Одним из таких сложных и острых конфликтов в отношениях между СССР и Китайской Республикой стал конфликт на КВЖД 1929 г., приведший к войне, хотя и краткосрочной.

Октябрьская социалистическая революция и рождение Республики Советов коренным образом повлияли на взаимоотношения Российского государства с другими странами. Советское правительство сразу предложило новые подходы к внешней политике, сформулировав и опубликовав их в ряде документов. В Декрете о мире, принятом II Всероссийским съездом Советов

8 ноября 1917 г., предлагалось «...всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире», считая таким миром «...немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций» [2, с. 297]. В Декларации прав народов России от 15 ноября 1917 г. были сформулированы основные принципы национальной политики Советского государства: равноправие наций, право наций на самоопределение вплоть до отделения, уничтожение национально-колониального гнёта [2, с. 295]. В Обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. советское правительство не только заявляло об уничтожении тайных договоров царского правительства с другими державами, ущемлявшими суверенные права восточных народов, но и призывало народы Востока к прямому революционному ниспровержению империалистической системы [5, с. 5].

Новые принципы национальной политики Советского государства отразились и на отношении к Китаю. Первый этап становления советско-китайских отношений занял несколько лет, хотя уже в ноябре—декабре 1917 г. по поручению В.И. Ленина советское правительство начало переговоры с находившимся в Петрограде китайским посланником Ли Цзин-жэнем. Для китайского правительства предложили развёрнутую программу установления советско-китайских отношений на новой основе: провести переговоры об аннулировании русско-китайского договора 1896 г., Пекинского («боксёрского») протокола 1901 г. и соглашений царской России с Японией периода 1907—1916 гг. по вопросам Китая и заключить новые договоры, основывающиеся на признании полного равноправия сторон и взаимном уважении суверенитета народов, в том числе предлагалось создать смешанную русско-китайскую комиссию по вопросу КВЖД [8, с. 11; 5, с. 6].

Однако эти переговоры не увенчались успехом. Страны Антанты приняли все меры, вплоть до подкупа китайских властей и прямого давления на феодально-милитаристское правительство Китая, чтобы сорвать их. Пекин-

ское правительство, находившееся в зависимости от империалистических держав, поддавалось давлению, прервало переговоры и в конце марта 1918 г. отозвало своего посланника [12, с. 8]. Тем не менее, указом ВЦИК обязательства Китая по платежам России 2 декабря 1918 г. были отменены.

25 июля 1919 г. советское правительство направило «Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая», в котором снова объявило об отказе «...от всех завоеваний, которые сделало царское правительство, ...и от получения с Китая контрибуции за боксёрское восстание 1900 года...» предложило «...китайскому народу, в лице его правительства, ныне же вступить с нами в официальное сношение и выслать своих представителей навстречу нашей армии» [12, с. 44—45].

В начале 1920 г. международная обстановка для Советской России осложнилась в связи с началом «третьего похода» Антанты. Чтобы добиться временного мирного урегулирования на Дальнем Востоке, советское правительство пошло на создание «буферного» демократического государства — Дальневосточной республики (ДВР), образованной 6 апреля 1920 г. в составе Забайкальской, Амурской, Приморской областей, Северного Сахалина, Камчатки, включая также полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги [5, с. 31].

Советское правительство прилагало активные усилия по установлению дипломатических отношений с Китайской Республикой. Когда летом 1920 г. в Москву прибыла китайская дипломатическая миссия во главе с Чжан Сылином с целью для ознакомления с обстановкой в Советской России, Наркоминдел РСФСР использовал её пребывание для установления дружественных контактов между двумя государствами и 27 сентября 1920 г. направило Чжан Сылину текст ноты для правительства Китайской республики. В этом документе излагались предложения о путях нормализации отношений с Китаем. Российское руководство вновь заявляло об аннулировании тайных договоров царского правительства с Японией, Китаем и другими странами, касавшихся

закабаления Китая, и предлагало установить «...взаимное дипломатическое и консульское представительство Китайской Республики и РСФСР», заключить при участии ДВР специальный договор о порядке пользования КВЖД, урегулировать другие проблемы, выработав специальные соглашения по торговым, пограничным, железнодорожным, таможенным и другим вопросам, и высказало предложение об установлении официальных отношений с Китаем [12, с. 43—45, 51—53]. Обращения советского правительства от 25 июля 1919 г. и 27 сентября 1920 г. не привели к установлению официальных дипломатических отношений с Китайской Республикой, но они произвели мощный политический эффект, ибо впервые бывшая колониальная держава декларировала намерения о добровольной ликвидации своей имперской сферы влияния и особых прав и преимуществ на китайской территории.

Именно под влиянием советских заявлений Китаю удалось добиться определённых успехов в отстаивании своих интересов на Вашингтонской конференции, проходившей с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 г. В работе конференции приняли участие США, Англия, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия и Китай. Советская Россия и ДВР на конференцию приглашены не были, и по этому поводу правительство РСФСР заявило официальный протест [5, с. 40].

Конференция половину своего времени посвятила китайскому вопросу. Китайское правительство настаивало на уважении и соблюдении державами территориальной целостности и независимости Китая, аннулировании и скорейшем прекращении ими аренды своих многочисленных владений в этой стране, ликвидации там всех сфер влияния, выводе оттуда всех иностранных и прежде всего японских войск из Южной Маньчжурии, пересмотре обоснованности существования на его территории специальных прав и привилегий колониальных держав в свете новых принципов взаимоотношений между ними и Китаем, провозглашённых конференцией. В итоге договор девяти держав по Китаю (с участием США, Великобритании, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая), подписанный по резуль-

татам Вашингтонской конференции, провозглашал уважение державами суверенитета, независимости, территориальной и административной целостности Китая, содержал их обязательства придерживаться принципа «открытых дверей», т.е. равных возможностей для торговли и промышленности всех наций на всей территории Китая, а также воздерживаться от создания сфер влияния и приобретения специальных прав и преимуществ для себя в каком-либо районе Китая в ущерб другим странам [10, с. 10].

Существенное внимание конференция уделила вопросу о КВЖД. США предприняли довольно энергичную попытку осуществить план интернационализации дороги, означавший, что РСФСР и Китай лишились бы своих прав на КВЖД, а США и другие иностранные державы стали бы её хозяевами. Правительство РСФСР в ноте от 8 декабря 1921 г. предупредило участников Вашингтонской конференции, что оно не признает никаких решений конференции, принятых без согласия России, и указало, что вопрос о КВЖД касается исключительно России и Китая, и только они могут его обсуждать [2, с. 174—175]. Конференция ограничилась принятием резолюций о необходимости «охраны дороги», «экономного расходования средств», а техническая подкомиссия конференции вынуждена была признать, что «дорога действительно является собственностью русского правительства» [2, с. 175].

Однако результатом для Советской России стало то, что, не дожидаясь заключения с ней соответствующих договоренностей, китайские власти явочным порядком начали вытеснять её позиции из Маньчжурии, и в первую очередь — с территории КВЖД. Только после нескольких попыток советскому правительству удалось установить межгосударственные отношения с Китаем: 31 мая 1924 г. в Пекине состоялось подписание соответствующего документа уполномоченным правительства СССР Л.М. Караханом и министром иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнем (Веллингтоном Ку) — «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» [12, с. 82—85]. Соглашение предусматривало установление нормальных дипломатических и консульских от-

ношений между Советским Союзом и Китаем. СССР объявил «...уничтоженными и не имеющими силы все договоры, соглашения и т.д., затрагивающие суверенные права или интересы Китая, заключённые между бывшим царским правительством и какой-либо третьей стороной или сторонами» (ст. 4), отказался «...от специальных прав и привилегий, касающихся всех концессий в какой бы то ни было части Китая, приобретённых царским правительством в силу различных конвенций, договоров, соглашений и т.д.» (ст. 10) от русской части «боксёрской» контрибуции (ст. 11), от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции [12, с. 83, 85; 3, с. 372—373]. Что касается КВЖД, то она объявлялась чисто коммерческим предприятием, управление которым основывалось на принципах полного равноправия, были подтверждены права Китая на восстановление суверенитета в зоне отчуждения дороги в полном объёме (ст. 9) [12, с. 84]. В тот же день Л.М. Караханом и Веллингтоном Ку было подписано «Соглашение между Союзом ССР и Китайской Республикой о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой», в котором были сформулированы основные положения совместного управления КВЖД [12, с. 90—92].

Советско-китайское соглашение от 31 мая 1924 г. явилось первым за последнее столетие договором Китая с великой державой, построенным на основе равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела [6, с. 203]. Это событие положило начало применению новых принципов в отношениях Китая с другими державами.

Вместе с тем, особенно острые противоречия между Россией и Китаем возникли из-за проблемы Китайско-Восточной железной дороги, поскольку она играла важную экономическую, политическую и военно-стратегическую роль в регионе. Глава администрации Трёх автономных восточных провинций — Маньчжурии, на территории которой и располагалась КВЖД, Чжан Цзолинь, в июле 1924 г. заявил об отказе признать правомочность советско-китайского Соглашения на том основании, что дорога находится на «автономной» территории, не подконтрольной пекинскому правительству [11, с. 63].

Советское руководство пошло на переговоры с Администрацией Чжан Цзолиня, и 20 сентября 1924 г. в Мукдене (Шэньяне) заключило с ней дополнительный договор — «Соглашение между правительством Союза ССР и правительством Автономных Трёх Восточных Провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях» [12, с. 94—98]. Мукденское соглашение в основном объёме касалось вопросов КВЖД, и большинство его пунктов дублировало советско-китайское соглашение, подписанное в Пекине.

Тем не менее, КВЖД оставалась предметом острейших споров СССР и с Китаем, и с Японией. Пекинско-мукденские договорённости 1924 г., определявшие статус дороги, неоднократно нарушались, постоянно происходили различные конфликты. Серьёзным «камнем преткновения» стала в первую очередь ст. 6 советско-китайского соглашения 1924 г., которая гласила: «Правительства обеих договаривающихся сторон взаимно ручаются не допускать в пределах своих территорий, по принадлежности, существования или деятельности каких-либо организаций или групп, задачей которых является борьба при посредстве насильственных действий против правительства какой-либо из Договаривающихся Сторон. Правительства обеих Договаривающихся Сторон далее обязуются не производить пропаганды, направленной против политической и социальной системы какой-либо из Договаривающихся Сторон» [12, с. 83].

Советская сторона считала, что эта статья была направлена исключительно против белоэмигрантов и рассматривала её в качестве правового основания для предъявления требований к китайской стороне о прекращении деятельности белоэмигрантских политических и военных организаций в Маньчжурии. При этом Москва активно поддерживала развитие коммунистического движения в Китае, а это китайские власти, как пекинские, так и мукденские, расценивали уже как нарушение ст. 6 советской стороной.

Обострению советско-китайских отношений способствовала и дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в Китае, связанная с активизацией в

середине 1920-х гг. народно-освободительного движения. Фактически с 1925 по 1927 г. Китай был охвачен гражданской войной. К середине 1927 г. в Китае отчётливо усилилось влияние партии Гоминьдан, позиции коммунистических сил стали заметно ослабевать, а с июля 1927 г. они были окончательно поставлены вне закона. В ходе революции к власти в Китае пришли правонационалистические силы от партии Гоминьдан во главе с генералом Чан Кайши. Столица Китая была перенесена из Пекина в Нанкин. Возглавленное генералом китайское (нанкинское) правительство начало последовательно проводить линию на уменьшение советского присутствия в стране.

Положение на КВЖД быстро меняется, приобретая антисоветскую направленность, поскольку в антикоммунистическом курсе гоминьдановского правительства захвату КВЖД отводилось центральное место. По подсчётам советских авторов, за 1926—1928 гг. на КВЖД было зарегистрировано более 2000 случаев незаконных действий китайских властей [7, с. 101].

Напряжённость в отношениях между СССР и Китаем достигла апогея в 1929 г. и вылилась в вооружённый конфликт на КВЖД, что было вызвано стремлением гоминьдановского правительства к полному политическому и экономическому суверенитету над дорогой. С другой стороны, сталинское руководство СССР использовало КВЖД (и не только КВЖД) для оказания помощи китайским коммунистам в их противостоянии с правительством Чан Кайши. Протестуя против этого, нанкинское гоминьдановское правительство в конце 1928 г. объявило о разрыве отношений с СССР.

В конце мая 1929 г. китайские власти провели обыски в Генеральном консульстве СССР в Харбине, в советских консульствах в Сахалине, Цицикаре и Маньчжурии. По заявлению китайской стороны, её действия стали ответом на возрастающее советское влияние в Маньчжурии, особенно на деятельность Коминтерна и советских спецслужб, и использование финансовых средств КВЖД для подрывной деятельности против Китая [12, с. 130—131]. Чан Кайши в интервью корреспонденту газеты «Осака майнити симбун» («Ежедневные новости») заявил: «Советские консульства в разных городах

Китая на самом деле — филиалы Коминтерна и в то же самое время — рассадники интриг, осуществляемых китайскими коммунистами» [13, с. 75].

10 июля 1929 г. произошли события, воспринятые советской стороной как захват КВЖД и грубое нарушение соглашений о паритетном управлении дорогой. В этот день китайские власти произвели налёт на КВЖД, захватили телеграф, прервав телеграфное сообщение с СССР, закрыли и опечатали торговое представительство СССР, а также отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота. По всей линии КВЖД были закрыты и разгромлены профессиональные и кооперативные организации, проведены обыски и аресты — арестовано более 200 рабочих и служащих-железнодорожников. Также был издан приказ об увольнении советской администрации дороги. Началось сосредоточение вдоль советских границ маньчжурских войск, а вместе с ними — белогвардейских отрядов [12, с. 126].

В ноте от 17 июля 1929 г. СССР заявил о разрыве дипломатических отношений с Китаем, постановив также «...отозвать всех советских дипломатических, консульских и торговых представителей с территории Китая; отозвать всех лиц, назначенных Союзным правительством на КВЖД, с территории Китая; прекратить всякую железнодорожную связь между Китаем и СССР; предложить дипломатическим и консульским представителям Китайской Республики в СССР немедленно покинуть пределы Союза ССР» [12, с. 133]. В двадцатых числах июля был эвакуирован персонал советских консульств в Харбине, Хайларе, Цицикаре, Сахалине, Маньчжурии, Пекине, Тяньцзине и на ст. Пограничная. В течение последующей недели по всей линии КВЖД китайские власти провели серию обысков и арестов среди профсоюзных активистов и членов стачечных комитетов [1, с. 86—87]. По данным советской стороны, к середине октября подверглись арестам, которые китайская сторона оправдывала массовым саботажем и вредительством, более 3 тыс. советских граждан, проживавших по линии КВЖД. Среди арестованных были женщины и дети. Перебежчики особо отмечали случаи пыток аресто-

ванных и тяжелейшие условия содержания в лагере [9, с. 46; 1, с. 90]. В СССР это вызвало массу митингов и демонстраций протестов против действий милитаристского руководства Китая.

20 июля 1929 г. Чан Кайши по телеграфу обратился к армии с призывом к борьбе против СССР. Антисоветские провокации регулярных частей китайской армии приняли систематический характер: всего с июля до начала ноября 1929 г. было отмечено 245 обстрелов и совершено 42 нападения на территорию СССР. В результате вооружённых столкновений 56 советских граждан были убиты и 118 ранены [9, с. 42—43]. С другой стороны, Красная Армия силами 54-го пограничного отряда в конце сентября — октябре провела три военных рейда на территорию Китая в районе Трёхречья с целью дестабилизировать обстановку в приграничной полосе, заселённой в основном казаками-белоземляками. 28 сентября нападением подверглись все населённые пункты, расположенные по направлению к посёлкам Тынхэ, Драгоценка и Усть-Щучье. Последствия этих операций наиболее разрушительными стали для посёлков Вормары, Аргунск, Комарово и Домысово, они были полностью разгромлены. 11 октября произошёл налёт на посёлки Лабдарин и Усть-Уровск. Всего в ходе рейдов погибло более 130 жителей Трёхречья [1, с. 92].

В конце лета 1929 г. советско-китайские отношения обострились до предела. 6 августа 1929 г. приказом Реввоенсовета СССР была создана Особая Дальневосточная Армия (ОДВА), её командующим назначен В.К. Блюхер. С китайской стороны была сконцентрирована 300-тысячная армия под командованием Чжан Сюэяна [9, с. 47] (по другим данным — примерно 100-тысячный контингент Мукденской армии) [1, с. 91].

В ответ на новые вооружённые провокации китайских милитаристов в ноябре 1929 г. ОДВА нанесла ряд ударов. Советские войска по численности уступали китайским, но превосходили их в техническом отношении. В ходе военных действий советские вооружённые силы разгромили китайскую армию и преследовали части противника на его территории, отбросив их по-

дальше от границ СССР. Было взято в плен более 8000 китайских солдат и 300 офицеров, отобрано до 10 000 винтовок, значительное количество полевых пушек, огнестрельного и прочего боевого снаряжения [12, с. 137—138].

Потерпев тяжёлое поражение, Чжан Сюэлян 26 ноября согласился на перемирие. Советско-китайский конфликт был урегулирован в ходе переговоров, закончившихся подписанием 22 декабря 1929 г. в Хабаровске «Советско-китайского протокола о восстановлении положения на КВЖД», который предусматривал ликвидацию конфликта и восстановление статус-кво на КВЖД, «существовавшего до конфликта и основывавшегося на Мукденском и Пекинском соглашениях». Согласно этому документу, подлежали немедленному освобождению «...все без исключения советские граждане, арестованные китайскими властями после 1 мая 1929 года и в связи с конфликтом», равно как и следовало освободить всех «...без исключения арестованных в связи с конфликтом китайских граждан и интернированных китайских солдат и офицеров», сохранялись права СССР в отношении дороги и пр. [12, с. 145—147; 4, с. 673—676]. Хабаровским протоколом предусматривалось восстановление советских консульств в Северо-Восточном Китае, равно как и китайских консульств в Сибири и на Дальнем Востоке. Возобновлялись работа советских хозяйственных организаций на китайской территории и деятельность китайских коммерсантов в СССР. За короткое время на территории Маньчжурии была восстановлена деятельность торгпредства СССР, «Центросоюза», «Экспортхлеба», «Дальгосторга».

События 1929 г. оказали значительное влияние на развитие советско-китайских отношений. Конфликт на КВЖД не только привёл к военному столкновению между СССР и Китаем, но и стимулировал улучшение китайско-японских отношений и рост вооружений, а также укрепление обороноспособности дальневосточных границ СССР. Последствия конфликта в 1930—1931 гг. так и не были до конца преодолены, что положило начало снижению советского влияния в Маньчжурии.

Аннексия Маньчжурии, осуществлённая Японией в 1931 г., изменила военно-политическую обстановку на Северо-Востоке Китая, поскольку именно эта территория являлась удобным плацдармом для развёртывания военной агрессии как против Китая, так и против СССР. Дипломатические отношения с Китаем, прерванные в конце 20-х гг., Советский Союз восстановил 12 декабря 1932 г. путём обмена нотами в Женеве [12, с. 157]. СССР вслед за большинством стран не признал Маньчжоу-го, однако в то же время он не желал обострения конфликта с Японией. Исходя из этого, советское правительство вынужденно пошло на уступки и согласилось на продажу КВЖД. Соглашение об этом было подписано 23 марта 1935 г. в Токио между СССР и Маньчжоу-го. Продажа КВЖД, устранив опасность войны, одновременно привела к потере Советским Союзом своего влияния в Маньчжурии на целое десятилетие.

Литература и источники

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. 300 с.
2. Дипломатический словарь в 3-х томах. Т. 1: А — И. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1984. 422 с.
3. Дипломатический словарь в 3-х томах. Т. 3: С — Я. 4-е перераб. и доп. изд. М., 1986. 750 с.
4. Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. 12: 1 января — 31 декабря 1929 г. / ред. коллегия: И.И. Агаянц и др. 816 с.
5. Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. (1917—1945 гг.). М., 1973. 94 с.
6. История внешней политики СССР 1917—1985: в 2 т. Т. 1: 1917—1945 гг. М., 1986. 534 с.
7. История Дальнего Востока СССР (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): в 4 т. Кн. 7 (ноябрь 1922—1937 г.). Владивосток, 1977. 291 с.
8. История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай: 1917—1949 гг. Владивосток, 1989. 350 с.
9. Конфликт на КВЖД. Из истории Советских Вооружённых Сил / под ред. В.П. Зимонина. Хабаровск, 1989. 176 с.
10. Сафронов В.П. Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта, 1931—1945 гг. М., 2007. 448 с.
11. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. 430 с.
12. Советско-китайские отношения. 1917—1957 гг.: сб. документов. М., 1959. 490 с.
13. Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 440 с.

Транслитерация

1. Ablazhej N.N. S vostoka na vostok: Rossijskaja jemigracija v Kitae. Novosibirsk, 2007. 300 s.
2. Diplomaticeskij slovar' v 3-h tomah. T. 1: A — I. 4-e izd., pererab. i dop. M., 1984. 422 s.
3. Diplomaticeskij slovar' v 3-h tomah. T. 3: S — Ja. 4-e pererab. i dop. izd. M., 1986. 750 s.
4. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. M., 1967. T. 12: 1 janvarja — 31 dekabnja 1929 g. / red. kollegija: I.I. Agajanc i dr. 816 s.
5. Efimov G.V., Dubinskij A.M. Mezhdunarodnye otnoshenija na Dal'nem Vostoke. Kn. 2. (1917—1945 gg.). M., 1973. 94 s.
6. Istorija vneshnej politiki SSSR 1917—1985: v 2 t. T. 1: 1917—1945 gg. M., 1986. 534 s.
7. Istorija Dal'nego Vostoka SSSR (Ot jepohi pervobytnoobshhinyh otnoshenij do nashih dnei): v 4 t. Kn. 7 (nojabr' 1922—1937 g.). Vladivostok, 1977. 291 s.
8. Istorija Severo-Vostochnogo Kitaja XVII—XX vv. Kn. 2. Severo-Vostochnyj Kitaj: 1917—1949 gg. Vladivostok, 1989. 350 s.
9. Konflikt na KVZhD. Iz istorii Sovetskikh Vooruzhjonnyh Sil / pod red. V.P. Zimonina. Habarovsk, 1989. 176 s.
10. Safronov V.P. Vojna na Tihom okeane. SSSR, SShA, Japonija v uslovijah mirovogo konflikta, 1931—1945 gg. M., 2007. 448 s.
11. Sladkovskij M.I. Istorija trgovno-jekonomicheskikh otnoshenij SSSR s Kitaem. M., 1957. 430 s.
12. Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1917—1957 gg.: sb. dokumentov. M., 1959. 490 s.
13. Czjan Chzhunchzhjen (Chan Kajshi). Sovetskaja Rossija v Kitae. Vospominanija i razmyshlenija v 70 let. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2009. 440 s.

УДК: 947.084(571.6)

О.И. Сергеев

O.I. Sergeev

**Исход в Китай, исход из Китая: войны первой половины XX в.
и российская казачья эмиграция***

В исследовании рассматриваются трагические и героические аспекты истории российской казачьей эмиграции: прежде всего — исход в Китай казаков после революций 1917 г., Гражданской войны и последующих репрессий. Одни не сумели выжить в условиях зарубежья, другие — приспособились и даже сумели в отдельных районах Китая, например, в Трёхречье, воссоздать традиционный уклад жизни казачества.

Однако ситуация резко изменилась после окончания Второй мировой войны, когда исчезли многие центры российской эмиграции в Европе, и Азии. Последовал новый исход казаков-эмигрантов — теперь уже из Китая в другие страны мира. И вновь казакам пришлось приспосабливаться к совершенно иным условиям существования в США, Австралии, странах Латинской Америки и других.

Жизнь вне Родины продолжалась.

Ключевые слова. Войны первой половины XX в., российская эмиграция, казаки в Китае, исход казаков из Китая.

**The outcome to China, the outcome from China: wars of the first half of the 20th c.
and the Russian Cossack emigration**

The article elucidates tragic and heroic aspects of the history of the Russian Cossack emigration: first of all – the income to China after the Revolution of 1917, Civil war and following repressions. Some of them failed to survive in the conditions of abroad, the others adapted there and even living in remote districts of China, such as Tryokhrechye, succeeded to re-create traditional way of Cossack life.

However the situation abruptly changed after the end of the Second World war, when many centers of the Russian emigration in Europe and also in Asia stopped functioning. There followed a new income of the Cossack emigration – now from China to the other countries of the world. And once more the Cossacks had to adapt to quite different conditions of living in U.S.A, Australia and the other countries.

The life outside the motherland continued.

Key words. Wars of the first half of the 20th c., Russian Cossack emigration, the Cossacks in China, the outcome from China.

Одним из последствий Первой мировой войны стали социально-политические катаклизмы в России, включая революции 1917 г. и Гражданскую войну. Это породило и такое явление, как массовая российская эмиграция, в том числе и казачью. К окончанию Гражданской войны в России казаки-эмигранты рассеялись более чем в двух десятках стран Европы, Азии, Северной и Южной Америке, Австралии и Африке. Как подчёркивают специа-

* Исследование подготовлено при поддержке гранта ДВО РАН. Проект № 15-1-9-008.

листы, во Франции проживали более 10 тыс. казаков, примерно столько же в Югославии, несколько тысяч в Чехословакии, Болгарии, значительные группы — в Греции, Румынии, Польше и других странах.

Весьма многочисленной была российская эмиграция в Китае. По разным источникам здесь проживали до 250 тыс. чел. Общее количество казаков-эмигрантов в Китае, по нашим подсчётам, приближалось к 25 тыс. Наибольшая концентрация эмигрантов из России наблюдалась в Маньчжурии, прежде всего в Харбине и бывшей полосе отчуждения КВЖД, в так называемом Трёхречье, а также в ряде других районов. Среди прибывших до 1923 г. в Харбин россиян казаков было примерно 15% [1, с. 11].

Казакки попадали в Китай разными путями. После разгрома армии Колчака в конце 1919 — начале 1920 г. оренбургские казаки, из состава армейского корпуса генерала Бакича, отошли в приделы Китая и были интернированы в г. Чугучак. Здесь они долгое время проживали фактически в условиях концлагеря и многие погибли от голода и лишений [5, с. 152].

Одновременно по направлению к китайской границе из Семиречья в 1920 г. отошли остатки войск атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова. Отряд в полторы тысячи оренбургских казаков сразу же был интернирован китайцами и долгое время находился в концлагере в Кульдже. 19 февраля 1921 г. атаман Дутов был убит, по всей видимости, агентом ЧК. Позднее многим оренбургским казакам удалось выбраться из мест интернирования в другие районы Китая [5, с. 152—153].

Наибольший поток казачьей эмиграции направлялся с Дальнего Востока, включая Забайкалье, в Северную Маньчжурию. Первоначально в конце 1920 г. на эту территорию отступили казаки-забайкальцы. Однако наибольшее их количество эмигрировало в Китай в октябре—ноябре 1922 г. из Приморья после поражения белых войск. При этом часть казаков (в качестве промежуточного места пребывания) с 1922 г. находилась в Корее. Большинство казачьих частей, выходивших из Приморья, были организованы в два воинских соединения: Сибирский казачий корпус под командованием

В.А. Бородина (генерал Оренбургского войска) и Дальневосточную казачью группу под командованием Ф.Л. Глебова (генерал Сибирского войска).

Основная часть Сибирского казачьего корпуса, наряду с рядом других белых войск, перешла российско-китайскую границу у г. Хунчун, недалеко от Кореи. По распоряжению китайских властей их разоружили и разместили около г. Гирин. Через год они расселились в основном в зоне КВЖД. Другая часть белой армии (включая Дальневосточную казачью группу, а также Урал-Егерскую, которой командовал генерал Лебедев, и имевшую в составе казаков), эвакуировалась из Владивостока морским путём на многочисленных военных транспортах, пароходах и катерах, под общим командованием адмирала Старка. Часть этих беженцев остановилась в корейском порту Гензан, а другая — продолжила путь к Шанхаю.

Дальневосточная казачья группа 9 месяцев находилась в Гензане, зарабатывая на жизнь строительством дорог, оросительных каналов и других сооружений. Некоторые казаки перебрались из Гензана в Сеул, где также занимались разнообразными работами. В августе 1923 г. казачья группа покинула Гензан на пароходах, в том числе «Охотске» и «Монгугае», и к сентябрю 1923 г. прибыла в Шанхай. В течение многих месяцев китайские власти запрещали казакам высаживаться на берег. В августе 1924 г. в составе группы произошёл раскол, и около 450 чел., включая оренбургских и забайкальских казаков под руководством генерала Н.С. Анисимова, перешли на пароходе «Монгугай» из Шанхая во Владивосток.

Наибольшее число казачьих организаций было создано в Харбине. Одной из первых в 1920 г. здесь появилась так называемая «Рабочая артель», сформированная казаками-эмигрантами Оренбургского войска. Через два года её переименовали в Оренбургскую казачью Дальневосточную. По сути это было первое объединение казаков-эмигрантов в Маньчжурии.

В 1923 г. Сибирскую станицу образовали казаки-эмигранты одноименного войска. Также поступили в 1924 г. амурские казаки. Несколько позже в 1926 г. возникла Енисейская казачья станица. Всего в Маньчжурии было

сформировано 24 станицы различных казачьих войск. Из них 9 находились в Харбине, а 15 — разбросаны по всей линии КВЖД. В конце 30-х гг. в Харбине располагались станицы: Амурская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Кубано-Терская, Оренбургская, Сибирская, Уссурийская, а также Молодая им. атамана Семёнова.

Последняя станица образована в 1931 г. по настоянию японцев для воспитания казачьей молодёжи в духе поддержки милитаристских планов Японии. Один из руководителей японской разведки в Маньчжурии отмечал, что «...живыми силами являются организации белогвардейской молодёжи, поэтому следует заняться изучением последних как элемента, который может быть использован Японией в будущем» [11, с. IV]. Исходя из этого, под патронажем Японии была создана и так называемая «Казачья смена», в которую входили дети казаков от 8 до 14 лет.

Наряду с Харбином, 15 эмигрантских станиц созданы по линии КВЖД: на западном участке — Маньчжурская, Цаганская, Хунхульдинская, Хайларская, Чжаромнтинская, Якешинская, Найджин-Булакская, Цицикарская и Бухэдинская, а остальные — на восточном, в том числе Вейшахэйская, Яблонская, Ханьдоахэцзская, Пограничная. Первоначально большинство казачьих станиц объединялись в Восточный Казачий союз, а после оккупации Маньчжурии Японией и создания марионеточного государства Маньчжоу-го на смену ему пришёл Союз казаков на Дальнем Востоке.

В некоторых районах Китая казакам удалось создать самобытные традиционные казачьи поселения, которые успешно существовали в течение длительного периода. Это были станицы, основанные выходцами из дальневосточных казачьих войск. Располагались они в районе Барги, включая так называемое Трёхречье, примыкавшее к территории бывшей Забайкальской области России. Приграничные китайские земли, на которых поселились казаки, пустовали и нуждались в интенсивном заселении и хозяйственном освоении. В Трёхречье в 1938 г. в 19 казачьих посёлках проживали более 7 тыс. чел., имелись обширные пахотные земли, 5,5 тыс. лошадей и почти 17 тыс.

голов рогатого скота [7, с. 7—17, 43—58, 131—159, 196—211; 10, с. 149—151]. Центр Трёхречья — Драгоценка. В ней располагались Казачье станичное правление, отделения Бюро российских эмигрантов и Японской военной миссии. В годы войны здесь был расквартирован гарнизон Квантунской армии. Мужчины Трёхречья состояли на учёте в Военном отделе Бюро по делам российских эмигрантов. Они были разделены на две категории: «волонтеры» (молодёжь призывного возраста) и «ополченцы» (до 1907 г. рождения) и находились под контролем Бюро. Общее число казаков, состоящих на военном учёте в начале 40-х гг. XX в., превышало 2 тыс. чел.

В изданной в 1942 г. в Токио книге Икэда Гэндзи «Иду по маньчжурсоветской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком», автор описывает ситуацию в казачьих поселениях Трёхречья и отмечает интересные факты, касающиеся казачьей молодёжи: «Они себя считали казаками... и гордились этим... Казаки Трёхречья — выходцы из Забайкалья, исстари казаки были очень смелые, поколение за поколением храбро сражались за Родину, неоднократно получали награды от императора России... Казаки с давних пор располагались на государственной границе и были ответственны за её охрану и оборону... в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств первыми вступали в бой, и наибольшие потери на поле брани были среди казаков» [4, с. 27].

Икэда Гэндзи провёл своеобразный опрос среди молодёжи. Относительно отношения казаков к власти Сталина был получен ответ: «С момента революции, осуществлённой Коммунистической партией, режим стал очень сильно преследовать казаков. Коммунистическая партия уничтожила большую часть из нас, наших предков, дедушек и бабушек, наших родителей, братьев и сестёр, близких родственников, поэтому сталинский режим — это наш противник, который казаки должны ненавидеть». Отсюда заветное желание: «Свергнуть сталинский режим и возродить монархию». А вот ответ на вопрос, каким образом можно его свергнуть: «Сталинский режим, вероятно, будет удалён и разрушен, если по нему будут нанесены удары с запада — Германией, а с востока — японо-маньчжурскими войсками» [4, с. 28—32].

Эмигранты от 17 до 55 лет, способные носить оружие, были распределены между воинскими частями (Сунгарийский, Русский отряд, Казачий отряд в Хайларе, Пограничный полицейский отряд) и организациями, носящими военный характер (Особый отряд Военной Миссии, Захинганская казачья бригада). В воинских частях и организациях казаки в той или иной степени проходили военное обучение и получали «политическое образование» в духе указаний и принципов Японской военной миссии.

В 1937 г. из русских эмигрантов был сформирован отряд, дислоцируемый на станции «2-я Сунгари» недалеко от Харбина. Во главе отряда стоял японский полковник Асано. Призыв в отряд состоял из 450—500 новобранцев, в том числе из Трёхречья. Уже в 1938 г. отряд использовался японцами в боях против корейских партизан [6, с. 94—95]. В 1939 г. часть этого отряда, главным образом трёхреченских казаков, перебросили в район боевых действий на реке Халхин-Гол. Воины отряда использовались в основном в разведке, за исключением одного боя, в котором примерно 60—70 асановцев столкнулись с таким же по численности монгольским разъездом и успешно его разгромили. Наряду с отрядом Асано были созданы и другие подразделения, в том числе во главе с казачьим полковником И.А. Пешковым. В отличие от асановцев, воинов этого отряда, мобилизованных в основном из Трёхречья, именовали пешковцами [6, с. 95—96].

Одним из крупнейших центров расселения русских эмигрантов в Северном Китае был Тяньцзинь. Этот город был открыт для иностранной торговли и проживания представителей разных стран ещё в 1860 г. До вступления Китая в Первую мировую войну на стороне Антанты в Тяньцзине было 8 иностранных концессий — немецкая, австрийская, британская, французская, итальянская, бельгийская, японская и русская. Присутствие иностранных концессий с их собственной администрацией придавали Тяньцзину особый облик. На территории каждой концессии витал своеобразный национальный дух. Например, русская концессия выглядела достаточно просто, уютно, её достопримечательностями были купола церквей и звон колоколов

в воскресные дни. В результате войны Германия и Австро-Венгрия потеряли свои позиции в Китае, бельгийская концессия просуществовала до 1929 г. [1, с. 101]. Россия отказалась от права на концессию в 1920 г., но, несмотря на отказ, эта территория ещё долгие годы продолжала называться «Русской концессией» и жить по прежним правилам.

События 1917—1922 гг. значительно увеличили русскую колонию Тяньцзиня. Её численность в 1927 г. доходила до 4 тыс. чел., а в середине 1930-х гг. — до 6 тыс. Поток беженцев из России породил множество проблем, которых прежде не знал русский Тяньцзин. Усиленно работали благотворительные организации, открывались больницы, столовые, общежития. Материально русская колония находилась в лучших условиях по сравнению с теми, кто проживал в других районах Китая. Часть офицеров белой армии, включая казаков, нашли работу в качестве советников в правительственных учреждениях, при китайских генералах, выполняли функции военных инструкторов. Многие служили в подразделениях русской группы войск, сражавшихся против гоминдановского Юга Китая. Большинство эмигрантов служили в китайских армиях для получения средств к существованию, другие — с целью продолжения борьбы с мировым коммунизмом. В военной кампании «Севера» против «Красного Юга» участвовали части генерал-лейтенанта К.П. Нечаева, включающие русскую бригаду, китайскую бригаду с русскими инструкторами, отряд бронепоездов, авиационный отряд, конный полк, позднее развёрнутый в конную бригаду.

С ростом числа эмигрантов в Тяньцзине увеличивалось и количество политических структур, нередко враждующих друг с другом. В 1928 г. в Тяньцзине эмигрантские активисты создали организацию под названием «Русская национальная община» (РНО) [1, с. 107]. Критики РНО создали другую организацию — «Русское эмигрантское объединение». В начале 1930-х гг. здесь появился «Русский национальный клуб».

В 1928 г. в Тяньцзине появилась группа офицеров, активно взявшаяся за возрождение «белого дела» в эмигрантской среде, которую возглавил Е.Н. Пастухин. По происхождению он был казаком Забайкальского войска. После оккупации Маньчжурии японцами Пастухин и его окружение активизировали деятельность в Тяньцзине. В частности в Северном Китае возникли отделения «Дальневосточного союза военных», первоначально созданного в Маньчжурии приверженцами атамана Семёнова.

После заключения в 1936 г. Антикоммунистического пакта активисты «белого дела» создали новую организацию под названием «Русский антикоммунистический комитет» (РАК). Японцы, во главе с начальником русско-го отдела Японской военной миссии в Тяньцзине, поддержали создание новой организации, главным устремлением которой было оказание помощи «ниппонцам, германцам и другим антикоммунистическим народам».

В августе 1937 г. в Тяньцзине высадился японский десант, что послужило началом оккупации Северного Китая. Русский антикоммунистический комитет стремился расширить свою деятельность, создавая отделения и представительства в ряде городов и посёлков Северного Китая. В октябре 1938 г. отделения возглавил Центральный антикоммунистический комитет (ЦАК) во главе Е.Н. Пастухиным. При поддержке японцев под контролем ЦАК постепенно оказались большинство эмигрантских организаций региона.

В 1940-х гг. активизировалась военная подготовка эмигрантов. Все благонадежные лица мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет были обязаны два раза в неделю проходить обучение в эмигрантских военизированных подразделениях — казачьем и волонтерском полках, артиллерийской батарее. Многие эмигранты служили в охранных отрядах в Тяньцзине, Пекине, Калгане, Цинанфу, на линии железной дороги между Пекином и Калганом и других районах.

В структуре Центрального антикоммунистического комитета существовали отделы: регистрационный, экономический, культурно-воспитательный, военно-воспитательный, юридический, общественного над-

зора. Существовал также отдел экзаменующих, который проверял эмигрантов на пригодность к антикоммунистической работе. В целях упорядочения снабжения эмигрантов продуктами питания был создан потребительский кооператив. Для обеспечения финансовой самостоятельности сформировали комиссию из коммерсантов, в которую наряду с русскими вошли представители национальных общин — еврейской, украинской, тюрко-татарской. Комитет изыскивал средства для поддержки русской больницы и амбулатории, аптеки, туберкулёзного санатория в Калгане.

Военно-воспитательный отдел Комитета взял на учёт всех бывших военнослужащих. Из их числа были сформированы офицерская и солдатская роты, казачья сводная сотня, сводный эскадрон и батарея. Это воинское объединение получило наименование «бригады», было одето в униформу и дважды в неделю проходило строевую подготовку. Командиром бригады был генерал Эглау. Для повышения качества подготовки эмигрантских военных кадров японские власти открыли военное училище, рассчитанное на 40 чел. За активную работу на антикоммунистическом поприще Комитет учредил орден «Возрождение Азии» трёх степеней, на котором была запечатлена главная цель российской эмиграции — белый меч, пронзающий красную звезду.

Антикоммунистический комитет был органом административного управления эмигрантским населением, однако центром сплочения россиян в Северном Китае он так и не стал. Некоторые представители эмиграции отмечали, что «...действия Антикоммунистического комитета были, прежде всего, действиями антиэмигрантскими». По сути Е.Н. Пастухин был пешкой в руках японских оккупационных властей, что в определённой степени подтверждают слова в одном из его писем: «...Они (японцы) хотят сделать из меня второго Гитлера, а какой же я Гитлер. Я просто забайкальский казак!» [1, с. 125].

Дальнейшая судьба русской белой эмиграции в Северном Китае, как и на других территориях этой страны, была связана с разгромом Японии и утверждением новой гоминьдановской администрации. Эмигрантские институ-

ты периода оккупации ликвидировали, появилось «Общество советских граждан». В январе 1945 г. в ходе гражданской войны между КПК и Гоминьданом, войска Народно-освободительной армии взяли Пекин и Тяньцзинь, включив в зону своего контроля весь Северный Китай. К этому времени часть эмигрантов была репатриирована в СССР, кому-то удалось уехать за рубеж, многие перебрались в Шанхай.

Шанхай несколько месяцев оставался последним оплотом русской эмиграции в Китае. Этот город был одним из основных мест расселения российской эмиграции, включая казачью. В разные годы здесь создавался и действовал ряд казачьих организаций [9, с. 176]. Казаки прибывали в Шанхай разными путями. В начале это были участники белого движения в Сибири, оказавшиеся в Китае с отступающими частями из Средней Азии и Забайкалья. Затем последовали части разгромленных белых войск в Приморье. Морским путём прибыла в Шанхай Дальневосточная казачья группа (численностью около 850 чел.) под командованием генерала Глебова, до этого почти год прожившая в Корее в эмиграции. Тем же путём, но несколько ранее, в Шанхае оказались казаки из частей Урало-Егерской группы генерала Лебедева и Сибирской флотилии адмирала Старка. По представительству войск наиболее многочисленными в Шанхае были забайкальцы, а также сибиряки, енисейцы, иркутяне, амурцы и уссурийцы [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 10; 2, с. 164].

Первоначально в организационном плане казачья эмиграция Шанхая была представлена отдельными казачьими станицами различных войск, а также Дальневосточной группой генерала Глебова, которая после прибытия в Шанхай в течение четырёх лет сохраняла статус воинского формирования, дислоцированного на судах на рейде города, и имела особые отношения с местными властями. 1925 г. положил начало попытке объединения казаков всех войск, находившихся к этому времени в Шанхае, в Казачий союз. Основанием для подобного объединения, по мнению его учредителей, послужили: «...необеспеченность и бесправие русских граждан вообще и казаков, в част-

ности, находящихся на чужбине, в т.ч. в Шанхае; ... пример такого казачьего объединения на Западе Европы, в Париже, в форме Казачьего союза всех казаков, находящихся во всех странах за границей России». Практическая деятельность по формированию Союза была начата «...образованием частных объединений (станций, хуторов, групп) казаков по областям (войскам)» [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 2]. В состав Союза вошли Амурская графа Муравьева-Амурского станица и Корниловская станица Сибирского казачьего войска, позже станицы Семиреченского, Енисейского, Оренбургского, Иркутского, Забайкальского, Уссурийского казачьих войск. Была сформирована Донская станица, объединившая казаков войск Европейской России [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—4 об., 8]. В сентябре 1929 г., после устранения ряда разногласий с созданным к тому времени Объединением Дальневосточных казаков, последние приняли решение о вхождении Объединения в Казачий союз Шанхая [ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 44. Л. 183].

В первой половине 30-х гг. Союз открыл Казачий Дом (клуб), который, с одной стороны, являлся административным центром КСШ, а с другой — культурно-просветительным очагом местного казачества. В клубе устраивались чтения, лекции, спектакли, концерты, танцевальные вечера. Для казачат здесь была устроена школа. Появились небольшая библиотека, радио и даже кинематограф. В летнее время Союз организовывал детскую площадку и стрельбище. Значительное внимание Союз продолжал уделять материальной помощи своим членам. Общая численность членов Казачьего союза Шанхая достигла 1 тыс. чел. и организация успешно продолжала свою деятельность до начала 40-х годов, объединяя сторонников идей «...самозащиты и самопомощи казаков в эмиграции и освобождения Родины и казачества от власти III Интернационала».

После окончания Второй мировой войны судьба казачьей эмиграции в Китае вновь была подвергнута жестоким испытаниям. Вслед за Красной Армией в Маньчжурию вошли подразделения СМЕРШ, которые провели «зачистку» сопредельных территорий от так называемых «враждебных элементов». Только русских харбинцев в августе—сентябре 1945 г. было арестовано

от 9 до 15 тыс. [1, с. 92]. Те из казаков-эмигрантов, кто смог покинуть Маньчжурию, стремились уехать за рубеж. Своеобразным «пересадочным центром» на пути в зарубежные страны становится Шанхай. Под натиском китайской Красной Армии в 1948 г. многие русские эмигранты, включая казаков, из Пекина, Ханькоу, Тяньцзина, Циндао и, естественно, Северо-Восточных провинций срочно перебираются в этот город. Когда и над Шанхаем нависла угроза захвата китайскими коммунистами, подведомственная ООН Международная беженская организация обратилась к правительствам ряда стран с просьбой предоставить хотя бы временный приют проживающим здесь беженцам. Единственным государством, откликнувшимся на этот призыв, была Филиппинская республика, которая выделила для временного проживания беженцев из Китая необитаемую часть маленького острова Тубабао. Первоначально филиппинское правительство ограничило срок пребывания беженцев на Тубабао четырьмя месяцами, но впоследствии несколько раз его продлевало. В результате некоторые беженцы прожили на острове более двух лет [8, с. 5—6]. Эвакуация эмигрантов из Шанхая на Тубабао началась в январе 1949 г. и закончилась в начале мая.

Ответственность за эвакуацию выпала на долю российского казака Г.К. Бологова, в это время возглавлявшего Российскую эмигрантскую ассоциацию Шанхая. Всего на остров было вывезено около 5,5 тыс. мужчин, женщин, детей [8, с. 7—8]. Постепенно беженцы, включая казаков, выехали в Австралию, США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Чили, Парагвай, Таиланд, Японию, Францию и ряд других стран. Последние обитатели беженских лагерей Тубабао покинули остров в декабре 1951 г. [8, с. 90—91, 109].

Это был очередной исход российских казаков, на этот раз из Китая, страны, на многие десятилетия приютившей беженцев и ставшей для многих из них второй родиной. Опустели русские кварталы в китайских городах, казачьи сельские поселения. Неузнаваемо изменилось, например, Трёхречье. Казачьи семьи, лишившись в результате репрессий основных работников, быстро разорялись, хозяйства пришли в упадок. В 1955—1956 гг. большая часть русских была насильственно выселена из этого района. Как отмечает японская исследовательница Игауэ Нахо: «По данным переписи населения

Китая в 2000 г., общая численность русских составляла 15 600 чел., из них 2079 чел. проживали в городе Аргуне, т.е. на территории бывшего Трёхречья. Но практически все они имеют примесь китайской крови» [3, с. 82].

Вторая мировая война имела трагические последствия для русской эмиграции, в том числе казачьей. Исчезли многие центры российской эмиграции в Европе — Чехословакии, Югославии, Болгарии, Германии.

Практически исчезла казачья эмиграция и в Китае. Большая часть казаков выбыла из Китая в Австралию, Соединённые Штаты, страны Южной Америки. В частности, в Австралии были созданы общеказачьи станицы в Сиднее, Мельбурне, Жировине, Роделе.

После начала реформ в России казаки-эмигранты в Австралии стали устанавливать связи с возрождающимся казачеством на Родине. Активно поддерживают связи с казачеством России и эмигранты в США. В начале 1992 г. казаки восточного и западного побережья этой страны создали «Центр связи и информации» с российским казачеством. Подобные процессы происходят и в других странах казачьего расселения.

Литература и источники

1. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920—1950-е гг. Хабаровск: Частн. колл. лекция, 2008. 268 с.
2. Белая эмиграция в Китае и Монголии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 431 с.
3. Игауэ Нахо. Японские исследования казацких сёл в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоу-го // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. ст. Владивосток: Дальнаука, 2010. 304 с.
4. Икэда Гэндзи. Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тыс. километров путешествия пешком. Токио: Компания «Асахи Симбунся», 1942. 223 с.
5. История казачества азиатской России. В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 3. С. 152.
6. Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94—103.
7. Кормазов В.А. Барга. Экономический очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 328 с.
8. Моравский Н.В. Остров Тубабао. 1949—1951: последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М.: Русский путь, 2000. 112 с.
9. Сергеев О.И. Казачий союз в Шанхае // Миграционные процессы в Восточной Азии. Междунар. науч. конф. 20—24 сент. 1994 г. Тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1994. С. 176—180.
10. Сергеев О.И. Казачья эмиграция в Китае // Гражданская война на Дальнем Востоке России: Итоги и уроки: Междунар. науч. конф. 5—9 окт. 1992 г.: Тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1992. С. 149—151.
11. Справочник-список руководящего и рядового состава — членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», — находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск: б.и., 1950. VII, 326 с.
12. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

Транслитерация

1. Aurilene E.E. Rossijskaya diaspora v Kitae. 1920—1950-e gg. Xabarovsk: Chast. kollekciya, 2008. 268 s.
2. Belaya e'migraciya v Kitae i Mongolii. M.: ZAO Centrpoligraf, 2005. 431 s.
3. Igaue' Naxo. Yaponskie issledovaniya kazackix sel v Xulun-Bujre (Tryoxrech'e) v Man'chhuo-go // Materialy' XXV rossijsko-yaponskogo simpoziuma istorikov i e'konomistov DVO RAN i rajona Kansaj (Yaponiya): sbornik statej. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 304 s.
4. Ike'da Ge'ndzi. Idu po man'chzhuro-sovetskoj granice. 4 ty's. kilometrov puteshestviya peshkom. Tokio: kompaniya «Asaxi Simbunsya», 1942. 223 s.
5. Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii. Ekaterinburg: NISO UrO RAN, 1995. T. 3. S. 152.
6. Kajgorodov A.M. Man'chzhuriya: avgust 1945 // Problemy' Dal'nego Vostoka. 1991. № 6. S. 94—103.
7. Kormazov V.A. Barga. E'konomicheskij ocherk. Xarbin: Tip. KVZhD, 1928. 328 s.
8. Moravskij N.V. Ostrov Tubabao. 1949-1951: poslednee pristanishhe rossijskoj dal'nevostochnoj e'migracii. M.: Russkij put', 2000. 112 s.
9. Sergeev O.I. Kazachij soyuz v Shanxae // Migracionny'e processy' v Vostochnoj Azii. Mezhdunar. nauch. konf. 20—24 sent. 1994 g. Tez. dokl. i soobshh. Vladivostok, 1994. S. 176—180.
10. Sergeev O.I. Kazach'ya e'migraciya v Kitae // Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: Itogi i uroki: Mezhdunar. nauch.konf. 5—9 okt. 1992 g.: Tez. dokl. i soobshh. Vladivostok, 1992. S. 149—151.
11. Spravochnik-spisok rukovodyashhego i ryadovogo sostava — chlenov belogvardejskogo «Soyuza kazakov na Dal'nem Vostoke», — naxodivshegosya na territorii Man'chzhurii. Xabarovsk: b.i., 1950. VII, 326 s.
12. GARF (Gos. arh. Rossijskoj Federacii).

УДК: 37.014.3(510.5)

С.Б. Белоглазова

S.B. Beloglazova

Образовательная реформа в Маньчжурии* накануне Второй мировой войны

На основании законодательных актов в сфере образования проанализированы основные направления школьной реформы 1937 г. в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии). Акцентируется политика японских оккупационных властей по отношению к русским школам региона накануне Второй мировой войны. Проведён сравнительный анализ с образовательными системами на сопредельных с Маньчжурией территориях.

Ключевые слова. Китай, Маньчжурия, Маньчжу-Ди-Го, образовательная политика, русская школа, законодательство в сфере образования, школьная реформа.

Educational reform in Manchuria before the Second World War

The author investigates the major areas of the school reform 1937 in the North East China (Manchuria) on the base of legislative acts in the field of education. The accent is made on the Japanese policy of the occupation authorities against the Russian schools in the region before the Second World War. The comparative analysis of the educational system in the neighboring Manchuria territories are done.

Key words. China, Manchuria, Manzhou Di Guo, educational policy, Russian school, the legislation in the sphere of education, school reform.

Школьная реформа 1937 г. в Маньчжурии, является одной из дискуссионных и не полно изученных в отечественной историографии проблем. Ряд исследователей при оценке её результатов приходят к заключению о деструктивности этой реформы для системы функционировавших в Маньчжурии русских школ [1; 6; 8; 10]. Но при этом существует точка зрения, сторонники которой утверждают, что реформа 1937 г. не разрушила, а всего лишь видоизменила форму русского образования в соответствии со стандартами Японии и новой империи [4; 7].

Автор данной статьи делает акцент на анализе законодательных актов, на основе которых данная реформа была запущена в Маньчжурии; одновременно предпринимается попытка проведения сравнительного анализа с целью выявления сходных черт в новой образовательной системе марионеточного государства Маньчжу-Ди-Го с образовательными системами на сопредельных с ним территориях.

* Исследование подготовлено при поддержке грантов ДВО РАН № 15-I-9-011 и № 15-I-9-008.

Основными военно-политическими вехами закрепления Японии в Маньчжурии стала оккупация региона в сентябре 1931 г., создание государства Маньчжоу-го 1 марта 1932 г. и последующее провозглашение Маньчжоу-го империей под названием Маньчжу-Ди-Го 1 марта 1934 г.

Существовавшая здесь до оккупации школьная система рассматривалась японской администрацией как наследие эпохи старой Северо-Восточной власти, основанной на школьной системе «Срединного национального государства», которое мешало реализации японской геополитики в регионе. Поэтому воспитание в духе гоминьдановской партии и трёх народных принципов Сунь Ятсена ещё в самом начале образования Маньчжоу-го было запрещено [5, с. 322]. В последующие годы политика оккупационных властей в сфере образования была направлена на расширение масштабов государственного контроля над образовательной системой региона и на её унификацию.

Учебная администрация всех уровней регулировала и контролировала процесс открытия школ частными лицами и общественными организациями, финансовые потоки в школьном строительстве и приёмы обучения (учебно-воспитательный процесс). Тем не менее, накануне реформы 1937 г. в Маньчжурии всё ещё сохранялись 10 тыс. частных и общественных учебных заведений, которые посещали 100 тыс. учащихся [5, с. 331]. По составу преподавателей, содержанию учебных программ, системе преподавания и управления эти школы не соответствовали официальному курсу государства. В их число входили и русские эмигрантские школы. И, хотя японцы сумели установить над ними контроль через культурно-просветительный отдел Бюро Российской эмиграции (БРЭМ), которым руководил лидер русской фашистской партии К.В. Родзаевский, русские школы продолжали сохранять свою национально-культурную специфику.

В процессе реализации новой школьной реформы намечалось завершить огосударствление системы образования в Маньчжурии, что неизбежно детерминировало превращение учебных заведений в инструмент формирования личности с заданными государством параметрами, приспособленными для нужд японских оккупационных властей.

В данном контексте главным элементом педагогического курса в Маньчжу-Ди-Го становилось морально-духовное воспитание, посредством которого в общественное сознание внедрялась идея о неделимой связи Ниппон и Маньчжу-Ди-Го, связанных друг с другом «одной моралью и одной душой». Прививалась мораль Востока, особенно величие долга верноподданства Императору, уважение и покорность родителям, вышестоящим лицам и другие ценности, принятые в японском обществе [5, с. 1, 325]. Таким образом, государственная мораль предлагалась Японией народам Маньчжу-Ди-Го как основа для формирования идентичности в соответствии с геополитическими претензиями Японии.

Особое место в реформе занимали «закалка народного духа» и «выработка крепости в народе» через занятия физическим трудом, воспитание трудолюбия, физическое воспитание и физическое развитие, знание практически полезных предметов. К ним относились сведения по торговле и промышленности, предметы по литературе и естествоведению, «полезные для здорового мышления народа и в его повседневной жизни» [5, с. 2, 325; 11, с. 3].

Концептуальный подход, ограничивающий содержание образования прикладными знаниями, был заимствован из американской образовательной системы ещё в начале эпохи Мэйдзи в качестве образца для японских школ нового типа. Из учебников японские дети получали сведения о культивировании риса, изготовлении шёлка, производственном использовании рисовой соломы и бамбука; представление о современных технологиях [3, с. 275].

Японские школы отличались приоритетным вниманием к физическому развитию детей, которое включало элементы военной подготовки, чтобы получить уже со школьной скамьи наполовину готовых солдат.

Заимствованные образцы японской образовательной системы существенным образом меняли содержательную сторону образования в Маньчжу-Ди-Го. Учитывая развёртывание в Маньчжурии широкомасштабного строительства военно-промышленной базы для Квантунской армии, новая образовательная модель обеспечивала ускоренную подготовку подходящих для этой цели разного рода квалифицированных специалистов. Похожая ситуация наблюдалась и в СССР в 1930-е гг., где для обеспечения форсированных

темпов индустриального строительства была принята концепция «узкого» специалиста [2, с. 66, 67].

Решению задачи ускоренной подготовки кадров для военно-промышленного комплекса способствовала структурная перестройка образовательной системы в Маньчжу-Ди-Го по аналогии с японской, при которой начальный и средний уровни образования не имели преемственной связи друг с другом. Но при этом, в отличие от японской, в новой образовательной структуре Маньчжу-Ди-Го упразднялась двухступенчатая система начальной и средней школы, и сокращались сроки обучения (см. табл. 1).

Таблица 1

**Сравнительная характеристика общеобразовательных школ
в Маньчжу-Ди-Го (по реформе 1937 г.) и в Японии**

Школьная система в Японии		Школьная система в Маньчжу-Ди-Го	
Начальные учебные заведения:			
Низшая (обыкновенная) начальная школа	6 лет	Народная школа	4 года
Высшая начальная школа	2—3 года	Народная ускоренная школа (народный пансион) и частные ускоренные курсы (частный народный пансион)*	от 1 до 3 лет
Дополнительные классы (курсы)** для выпускников начальных школ	до 2 лет		
		Повышенная народная школа	1—2 года
Средние учебные заведения			
Middleschools (средние школы для мальчиков)	5 лет	Высшая народная мужская школа	4 года
Girl'shighschools (средние женские школы)	5 лет	Высшая народная женская школа	4 года

Источник: Законоположения и правила о школах Министерства Народного Благополучия, 5 года Кан-Дэ. Харбин, 1938. С. 5, 329—334; Энгельфельд В.В. Народное образование в Японии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 1. С. 3—4, 10.

Примечания. *Данные учебные заведения функционировали параллельно с народной школой, но отличались от неё более элементарным уровнем образования и открывались там, где по каким-либо причинам возникали препятствия для открытия нормальной народной школы.

**Их заканчивали выпускники начальной школы, желавшие поступить в средние учебные заведения.

***Представляла собой среднюю ступень между народной и высшей народной школой.

Кроме того, в Японии указами 1872 и 1880 гг. было введено обязательное всеобщее начальное обучение. За одной партией в начальной школе сидели и дети простолюдинов, и потомки самураев, воспринимавшие одни и те

же идеи и ценности. Следовательно, уже на этапе обучения в начальной школе закладывались основы национальной солидарности японцев. Содержание хрестоматий для чтения в начальной школе, разработанное Министерством народного просвещения Японии, было направлено на формирование у подрастающего поколения таких качеств, как «...лояльность Императору, восторженная любовь к родине, глубокое почтение к родителям, изысканная учтивость, аккуратность, любознательность, настойчивость в достижении намеченной цели, скромность в своих потребностях», трудолюбие и физическая закалка [3, с. 275]. Воспитание таких же качеств у подрастающего поколения возлагалось и на школы в Маньчжу-Ди-Го.

Однако, в Маньчжурии, по данным Министерства Народного Благополучия империи Маньчжу-Ди-Го, в начальных школах учились только 23% от всех детей школьного возраста, а 52% — не заканчивали начального курса обучения [5, с. 329, 330]. На основании этих фактов государственные чиновники от образования считали введение всеобщего начального обучения в Маньчжу-Ди-Го преждевременным. Но поскольку выпускники начальной школы, поступившие в неё в возрасте 7 лет, ещё не могли полноценно заниматься практическими работами, то в новой системе вступительный ценз в народную школу уже не ограничивался полными семью годами и мог быть выше этих лет.

В народной школе преподавали общие народные знания, арифметику, ремесло, музыку и гимнастику; в народных пансионах — те же самые предметы, но музыка и гимнастика не были обязательными.

Источником пополнения рынка труда кадрами низшей квалификации была и повышенная народная школа, где преподавали общие народные и практические знания, математику, музыку, гимнастику и рисование.

Средняя общеобразовательная школа подверглась критике и перестройке вследствие того, что предметы по торговле и промышленности преподавались лишь в немногих из них и по объёму учебного времени уступали таким предметам как литература и естествоведение.

В японских средних школах естествоведение преподавали с 1-го по 4-й класс 2 часа в неделю; дисциплины «литература» как таковой не существова-

ло. В средних мужских школах преподавали японский язык и китайских классиков (5 часов в неделю в первом классе, 6 — во втором и третьем классах, 8 часов — в четвёртом и пятом) [11, с. 5]; в женских средних школах китайских классиков не преподавали.

Сложившаяся в Маньчжу-Ди-Го ситуация в среднем образовании оценивалась как неподходящая к переживаемой эпохе и к положению в стране, где должны быть подготовлены кадры для индустриализации. В связи с этим, акцент в народной высшей мужской школе переносился на приобретение прикладных знаний по торговле, промышленности, а также полезных «...для практической жизни предметов по литературе и естествоведению». В народной высшей женской школе обучали ведению домашнего хозяйства, шитью, рукоделию, воспитанию детей, домашней гигиене и детской психологии.

Таким образом, мужское среднее образование в Маньчжу-Ди-Го было сориентировано на подготовку «...основных кадров народа, ... во избежание выпуска из школы бесхарактерной, неустойчивой молодёжи, пополняющей безработный элемент» [5, с. 334], а женская средняя школа — на выпуск будущих хороших жён и умных матерей — воспитательниц в семье, обладающих практическими знаниями, необходимыми для счастливой семейной жизни.

В русле деклараций о единой морали и духовном единстве между Японией и Маньчжу-Ди-Го японский язык становился государственным и приоритетным для преподавания, причём в высшей школе предусматривали обучение только на японском языке. Маньчжурский и русский языки разрешались в ограниченных объёмах и в исключительных случаях. Допускалось их изучение в школе, но при этом поощрялась тенденция к сокращению часов и увеличение за счёт этого часов на изучение японского языка. Преподавание на китайском языке в школах Маньчжу-Ди-Го школьной реформой 1937 г. не предусматривалось.

Новая образовательная система в Маньчжу-Ди-Го строилась на принципе отделения школы от церкви. Во всех школах — правительственных, общественных и частных — запрещалось преподавание религиозных дисциплин. В этом отношении новая школьная система в Маньчжу-Ди-Го имела

сходство с советской и японской системами образования. Место религии, также как и в японских школах, заняло преподавание гражданской морали, что позволяет нам говорить об изначально заданной государством идеологизированности данных образовательных систем (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика преподавания в средней общеобразовательной школе в Японии и в Маньчжу-Ди-Го (по реформе 1937 г.)

Мужская средняя школа в Японии	Мужская средняя школа в Маньчжу-Ди-Го	Женская средняя школа в Японии	Женская средняя школа в Маньчжу-Ди-Го
Наименование предметов			
Гражданская мораль	Гражданская мораль	Гражданская мораль	Гражданская мораль
Японский язык и китайские классики	Государственный язык	Японский язык (китайские классики не предусмотрены)	Государственный язык
Иностранные языки (французский, немецкий или англ.)	Иностранные языки (не были обязательными)	Иностранные языки (французский или английский)	
Гимнастика	Гимнастика	Гимнастика	Гимнастика
Математика	Математика	Математика	Математика
Физика и химия			
История	История	История	История
География	География	География	География
Естествоведение	Естественные науки	Естествоведение (природоведение)	Естественные науки
Экономика и право	Практические знания		Практические знания
		Домоводство	Домоводство
Индустрия		Рукоделие и шитьё	Рукоделие
Рисование	Рисование	Рисование	Рисование
Пение	Музыка	Музыка	Музыка

Источник. Законоположения и правила о школах Министерства Народного Благополучия, 5 года Кан-Дэ. Харбин, 1938. С. 11, 12; Энгельфельд В.В. Народное образование в Японии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 1. С. 5.

Особые положения относительно школ русских эмигрантов вводились приказом Министерства Народного Благополучия за № 68 от 5 ноября 1936 г. (4 года Кан-Дэ). Реформа русской школы преследовала цель воспитания верноподданнического духа у русских эмигрантов, адаптации их к реалиям жизни в Маньчжу-Ди-Го и последующего использования интеллектуального и физического потенциала молодого поколения русской диаспоры в интересах японских оккупационных властей: «...руководя их реальной жизнью, устраи-

нить старые дурные черты характера, уяснить дух согласия и мира всех национальностей и вместе с тем, способствовать развитию лучших национальных качеств и тем самым, выполнить долг одного из элементов, составляющих Маньчжу-Ди-Го» [5, с. 317]. Школьная система и учебные программы согласовывались с общей государственной программой.

Наследие советско-китайского совместного управления КВЖД в средней и высшей школе — совместное обучение учащихся обоего пола — принципиально не признавалось, и только в исключительных случаях могло быть допущено с разрешения соответствующих властей.

Принципы образования и воспитания русской молодёжи коррелировались с общими принципами воспитания и образования в Маньчжу-Ди-Го. Русские учащиеся воспитывались в представлении о неразрывной связи их новой родины Маньчжу-Ди-Го с Японией (а не с Россией). Прививались моральные ценности Востока, перекликавшиеся с положениями кодекса Бусидо.

Ученики народной школы изучали гражданскую мораль все 4 года. В первом классе они получали представление о значении религии и семьи в жизни общества, о нравственном долге человека, усваивая такие понятия как верность монарху, сыновнее послушание родителям и почтение к вышестоящим лицам, искренность, скромность, долг, честность, покорность и т.д.; во втором — расширяли политический кругозор за счёт знакомства с историей и современным положением русской эмиграции, современными молодёжными движениями (скаутов, пионеров, комсомольцев, фашистскими молодёжными организациями в Западной Европе и пр.). Ученики третьего класса изучали основы государственоведения, главным образом, современное государственное устройство Японии и Маньчжу-Ди-Го; четвёртого — современные идеологии (коммунизм, фашизм, принцип Ван-Дао и его неразрывность с Японией) [8, с. 171].

В учебные планы русских школ ввели изучение истории, географии и литературы Восточной Азии и такие дисциплины как востоковедение и тор-

говля стран Востока. Из иностранных языков, помимо английского, стали изучать японский, маньчжурский и китайский языки.

Сфера использования родного русского языка в образовательном пространстве Маньчжу-Ди-Го сокращалась. Если в начальных школах «принципиально» допускалось преподавание на русском языке, то в средних и высших учебных заведениях поощрялся переход на государственный (японский) язык. По сути, образовательная реформа 1937 г. способствовала тотальной японизации русских школ.

Из пяти функционировавших в Маньчжурии русских вузов в 1937 г. остался один, находившийся в ведении Харбинской епархии. Взамен закрытых японская администрация открыла для русской молодёжи Северо-Маньчжурский университет, который готовил специалистов для военно-промышленного комплекса, коммерции и государственной службы. Обучение происходило по программам японских вузов на русском и японском языках [8, с. 162]

Унификация образовательной структуры, т.е. замена традиционных русских учебных заведений (начальные училища, гимназии, реальные училища и пр.) на сеть правительственных школ — привела к сокращению количества русских школ и исчезновению старинных учебных заведений Харбина, таких как гимназии М.А. Оксаковской, А.Я. Дризуля, им. А.С. Пушкина, коммерческого училища и др. По данным БРЭМ, в середине 1930-х гг. в этих школах учились около 50% детей эмигрантов, а в правительственных школах для русских детей в конце 1930-х гг. — 30%, наблюдалось падение грамотности на русском языке и рост процента неграмотных среди молодёжи в возрасте 15—17 лет и старше [8, с. 146, 175]. Таким образом, реформа школы 1937 г. снизила образовательный потенциал русской диаспоры и мобильность русского образования.

В период совместного советско-китайского управления КВЖД и в годы управления дорогой китайской стороной (1929—1931 гг.) преподавание Закона Божия было ограничено городскими, поселковыми школами и другими

учебными заведениями, содержащимися частными лицами и общественными организациями (т.е. собственно эмигрантскими школами). В Харбине, например, имелось 25 школ; где в сетку учебных часов включали на изучение Закона Божия 2 часа в неделю [9, с. 37].

Закон Божий, как и русский язык, являлся основой национально-культурной самоидентификации русских эмигрантов. Поэтому педагогические советы, родительские комитеты и эмигрантская общественность в целом считали, что «...русская национальная школа без Закона Божия не мыслится; нет Закона Божия, нет и русской школы; нет Закона Божия, нет и христианской морали, ибо она не может быть безрелигиозной» [9, с. 37] и просили оставить Закон Божий как предмет, обязательный для преподавания в русских школах.

В 1932—1935 гг. число начальных и средних русских учебных заведений, в которых преподавался Закон Божий, благодаря активности Харбинской епархии, возросло до 33, а во втором классе для изучения церковнославянского языка был введён третий урок по Закону Божию [9, с. 37].

Самостоятельность русской диаспоры в данном вопросе противоречила принципам образования и воспитания, проводимым японскими оккупационными властями. В начале 1936 г. один из руководителей Отдела народного просвещения в Управлении Великого Харбина, японский чиновник Цусима, подверг критике преподавание Закона Божия в городских школах за излишнюю теоретизированность и оторванность от практики воспитания. По его мнению, в изучении данного предмета большая часть учебного времени уделялась Ветхому, а не Новому Завету, в то время как Ветхий Завет трактует об иудействе, а не о христианстве и христианской морали [9, с. 41]. В соответствии с положениями реформы 1937 г. преподавание Закона Божия в русских школах в Маньчжу-Ди-Го допускалось лишь для желающих его изучать, и при этом вне учебного плана.

С началом военных действий Японии на Тихом океане Министерство Народного Благополучия несколько скорректировало реформу в сторону

усиления национального воспитания русской молодёжи. Закону Божьему, которым так дорожила русская эмиграция, вернули статус обязательного предмета школьной программы и ввели его преподавание в сетку школьных часов. Японцы согласились с его значением для религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения русских.

Материал школьных программ расширили за счёт изучения произведений русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.), обратили внимание на качество преподавания русского языка в правительственных школах и патриотическое воспитание на примерах из русской истории. Поворот в образовательной политике в сторону поощрения русского традиционализма, по сути, заигрывание японских оккупационных властей с национальной гордостью великороссов, диктовался необходимостью сохранения лояльности к японцам со стороны русской диаспоры.

Согласно свидетельству министра народного просвещения в Маньчжу-Ди-Го Чжан Чентоу японская администрация тщательно готовилась к школьной реформе 1937 г. На протяжении ряда лет министерство анализировало различные варианты заграничных школьных систем, пока не составило «совершенный проект», который затем рассматривали и согласовывали особая комиссия из специалистов заинтересованных министерств, Государственная палата и Тайный Совет. Однако, сравнительный анализ структуры и содержания образования в Маньчжу-Ди-Го показывает, что в конечном итоге «совершенный проект» новой школьной системы в марионеточной империи построен по аналогии с японской школой.

Огосударствление системы образования в Маньчжу-Ди-Го, её идеологизация и тотальная японизация, призванные ускорить процесс формирования новой самоидентификации народов марионеточной империи, приобретали особую актуальность с началом развёртывания Японией широкомасштабных военных действий против республиканского Китая. Не случайно год начала реформы и начало войны с Китаем совпадают.

Возврат к возрождению национального воспитания русской молодёжи показал, что задачу идентичности в Маньчжу-Ди-Го решить не удалось, в частности, и потому, что японский язык не стал основой межнационального общения, а предложенный японской администрацией комплекс ценностей не был воспринят русской диаспорой, предпочитавшей ориентироваться на традиционные ценности своего народа. В массе своей русские эмигранты отождествляли себя с утраченной ими Россией, а не с государством Маньчжу-Ди-Го.

В целом, такие меры как возвращение в русские школы преподавания Закона Божия, изучение литературно-художественного наследия русского народа и его истории, корректировавшие реформу школы 1937 г., мы рассматриваем как политический компромисс между японской оккупационной властью и диаспорой русских эмигрантов.

Японцы были заинтересованы в использовании русской диаспоры при решении внутренних и внешнеполитических задач Японии. В силу своего исторического развития и образовательной подготовки русские являлись в Маньчжу-Ди-Го одним из наиболее подготовленных к работе на индустриальном производстве народом, и японские власти рассматривали русских эмигрантов как ресурс для обеспечения форсированных темпов индустриализации в Маньчжу-Ди-Го. С другой стороны, их рассматривали и как союзников в будущей войне с СССР.

Литература и источники

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века). Мн.: БГУ, 1999. 316 с. http://asiapacific.narod.ru/countries/china/n_e_ablova/ (дата обращения: 27.07.2015).
2. Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х годов XX в.: очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2001. 194 с.
3. Васкевич П. Японская школа // Вестник Азии. Харбин, 1912. № 11/12. С. 273—276.
4. Дмитриева Е.В. К проблеме введения школьной реформы 1937 г. в эмигрантские школы Харбина // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: междунар. науч. конф., Владивосток, 6—8 октября 2014 г.: программа и тезисы. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. С. 52—53.
5. Законоположения и правила о школах Министерства Народного Благополучия, 5 года Кан-Дэ. Харбин, 1938. 376 с.
6. Косинова О.А. Традиции российского педагогического зарубежья на территории Китая в конце XIX — первой половине XX веков: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Москва, 2009. 43 с.

7. Мелихов Г.В. Международная научная конференция «Годы, Люди, Судьбы. История российской эмиграции в Китае: К 100-летию Харбина и КВЖД» // Проблемы Дальнего Востока. М., 1998. № 4. С. 124—125.
8. Потапова И.В. Русская система образования в Маньчжурии. 1898—1945 годы: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 251 с.
9. Сумароков Е. XX-летие Харбинской епархии. Харбин, 1942. 133 с.
10. Чо Чуньинь. Научно-образовательная и духовно-культурная деятельность российской диаспоры в Китае (1920—1940-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2014. 187 с.
11. Энгельфельд В.В. Народное образование в Японии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 1. С. 1—12.

Транслитерация

1. Ablova N.E. Istoriya KVZhD I rossiyskoy emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX veka) Mn.: BGU, 1999. 316 s. http://asiapacific.narod.ru/countries/china/n_e_ablova/ (data obrascheniya: 27.07.2015).
2. Beloglazova S.B. Kultura Dalnego Vostoka Rossii v usloviyakh obschestvennykh transformatsiy 20—30-h godov XX v.: ocherki istorii. Vladivostok: Dalnauka, 2001. 194 s.
3. Vaskevich P. Yaponskaya shkola // Vestnik Azii. Harbin. 1912. № 11/12. S. 273—276.
4. Dmitrieva E.V. K problem vvedeniya shkolnoy reformy 1937 g. v emigrantskie shkolyi Harbina // Vladivostok — tochka vozvrashcheniya: proshloe I nastoyashee russkoy emigratsii: Mezhdunar. nauch. konf., Vladivostok, 6—8 oktyabrya 2014 g.: programma i tezisyy. Vladivostok: Dalnevost. federal. un-t, 2014. S. 52—53.
5. Zakonopolozheniya i pravila o shkolakh Ministerstva Narodnogo Blagopoluchiya. 5 goda Kan-De. Kharbin, 1938. 376 s.
6. Kosinova O.A. Traditsii rossiyskogo pedagogicheskogo zarubezhya na territorii Kitaya v kontse XIX — pervoy polovine XX vekov: avtoref. diss. ... dokt. ped. nauk. Moskva, 2009. 43 s.
7. Melihov G.V. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Godyi, Lyudi, Sudbyi. Istoriya rossiyskoye migratsii v Kitae: K 100-letiyu Harbina I KVZhD» // Problemy Dalnego Vostoka. M., 1998. № 4. S. 124—125.
8. Potapova I.V. Russkaya sistema obrazovaniya v Manchzhurii. 1898—1945 godyi: dis. ... kand. ist. nauk. Habarovsk, 2006. 251 s.
9. Sumarov E. XX-letie Harbinskoy eparhii. Harbin, 1942. 133 s.
10. Che Chunin. Nauchno-obrazovatel'naya I dukhovno-kulturnaya deyatel'nost rossiyskoy diaspor'y v Kitaye (1920—1940-e gody): dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok. 2014. 187 s.
11. Engelfeld V.V. Narodnoe obrazovanie v Yaponii // Vestn. Manchzhurii. Harbin, 1927. № 1. S. 1—12.

Содержание

Раздел I. Вооружённые силы и оборонный потенциал

Авилов Р.С. Приамурский военный округ в годы Первой мировой войны: войска и оборонительные задачи	5
Ткачева Г.А. Амурская Краснознамённая военная флотилия в 1941—1945 гг.	42
Зайцев Ю.М. Деятельность завода № 202 им. К.Е. Ворошилова (Дальзавод) по обеспечению боевой готовности кораблей Тихоокеанского флота (1941—1945 гг.)	57
Устюгова О.А. Развитие внутренней торговли на юге Дальнего Востока России накануне Первой мировой войны	88
Заколотная А.С. Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914—1916)	99
Маклюков А.В. Роль электроэнергетики в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (конец XIX — середина XX века)	120

Раздел II. Война и общество

Позняк Т.З. Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны	136
Слабнина Л.А. Человек военной поры: реальные судьбы дальневосточников	170
Власов С.А. Повседневная жизнь населения Приморского края в военные и послевоенные годы (1941 — середина 1950-х гг.)	179
Макаренко В.Г. Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке СССР (1939—1945 гг.)	200
Галлямова Л.И., Макаренко В.Г. Высшее образование на Дальнем Востоке СССР в контексте перестроечных процессов в стране (1985—1991 гг.)	217

Раздел III. Война и Восточная Азия

Галлямова Л.И. Становление советско-китайских отношений и конфликт на КВЖД 1929 г.	243
Сергеев О.И. Исход в Китай, исход из Китая: войны первой половины XX в. и российская казачья эмиграция	256
Белоглазова С.Б. Образовательная реформа в Маньчжурии накануне Второй мировой войны	270

CONTENTS

Section I. Military forces and defense potential

Avilov R. S. Priamurskyi Military District in the time of the World War I: troops and tasks.....	5
Tkacheva G.A. The Amur Red Banner Flotilla in 1941—1945.....	42
Zaitsev Yu.M. The activities of plant N202 named after K.E. Voroshilov (Dal'zavod) on securing fighting order of the Pacific Fleet ships (1941—1945).....	57
Ustyugova O.A. The development of domestic trade in the south of the Far East of Russia on the eve of the World war I	88
Zakolodnaya A. S. The main directions of the activities of the Resettlement Administration in the Far East of Russia during the World war I (1914—1916)	99
Maklyukov A.V. The role of electric power in strengthening the defense capability of the Russian Far East (1885—1945)	120

Section II. War and society

Poznynyak T.Z. The dynamics of public moods in the cities of the Russian Far East during the World War I... ..	141
Slabnina L.A. A Man of the war time: real fates of Far Eastern inhabitants.....	136
Vlasov S.A. The everyday life of the population of Primorye Territory in the war and postwar years (1941 — mid. 1950 s)	170
Makarenko V.G. Training specialists with Higher Education in the Far East of the USSR (1939—1945)	200
Galliamova L.I., Makarenko V.G. Higher education in the Far East of the USSR in the context of Perestroika processes in the country (1985—1991)	217

Section III. War and East Asia

Galliamova L.I. Establishment of the Russian-Chinese relations and the conflict on Chinese-Eastern railway in 1929	243
Sergeev O.I. The outcome to China, the outcome from China: wars in the first half of the 20 th and the Russian Cossack emigration	256
Beloglazova S.B. Educational reform in Manchuria before the Second World War	270

Список сокращений

ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАПК	– Государственный архив Приморского края
ГАХК	– Государственный архив Хабаровского края
ГААО	– Государственный архив Амурской области
РГИА ДВ	– Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, г. Владивосток
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально- политической истории, г. Москва
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики, г. Москва
РГИА	– Российский государственный исторический архив, г. Москва
ЦГА МОН РФ	– Центральный государственный архив Министерства образования и науки Российской Федерации, г. Москва
ЦВМА	– Центральный Военно-Морской архив, г. Гатчина

Коротко об авторах

Авилов Роман Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (ИИАЭ ДВО РАН), г. Владивосток. E-mail: avilov-1987@mail.ru.

Белоглазова Светлана Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: beloglazov1@yandex.ru.

Власов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vlasov54@bk.ru.

Галлямова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, зам. директора по науке ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ludagal@mail.ru.

Зайцев Юрий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, БП и МП (боевой подготовки и морской практики) ТОБВМУ им. С.О. Макарова, г. Владивосток. E-mail: yuriy51zaytsev@yandex.ru.

Заколodная Анна Сергеевна — младший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: zakolodnay@mail.ru.

Макаренко Василий Геннадьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vasgen@bk.ru.

Маклюков Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru.

Позняк Татьяна Зиновьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: tzpoznyak@mail.ru.

Сергеев Олег Игоревич — кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: history37@mail.ru.

Слабнина Лариса Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: SLABNINA52@mail.ru.

Ткачева Галина Анатольевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: tkacheva@bmail.ru.

Устюгова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ustyugova75@mail.ru.

Научное издание

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ:
МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА
В ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Электронная верстка *А.Г. Филиппов*
Электронный набор и правка *Т.И. Шаленко*

Подписано к печати 11.11.2015 г.
Формат 60х84/16 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,8 . Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 100 экз. Заказ № 566 от 11.11.2015

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН
690001, Владивосток, Пушкинская, 89

Отпечатано в типографии ООО «Рея»
г. Владивосток, ул. Днепровская, 42 б
тел.: (423) 2-302-306, 2-302-307
e-mail: reya@reya.ru